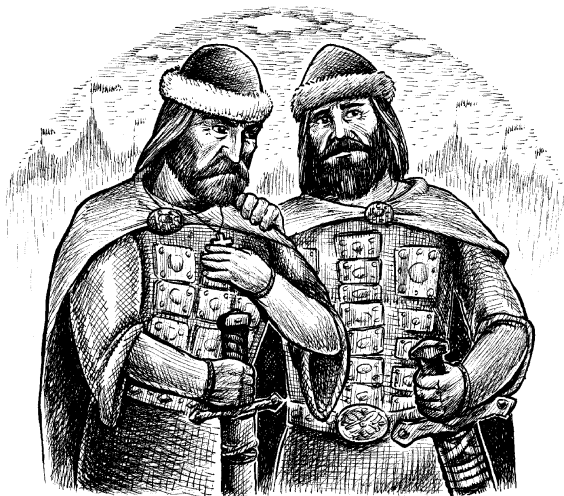

Виталий ТОПЧИЙ

«НЕ ОТРЕКАЮСЬ!»

Князь Михаил Всеволодович
Черниговский и боярин Фёдор

Чернигов
Издательство «Десна Полиграф»
2015

Топчий В. А.

Т 58 «Не отрекаюсь!». Князь Михаил Всеволодович Черниговский и боярин Фёдор. – Чернигов: Десна Полиграф, 2015. – 184 с.

ISBN 978-617-7323-30-2

В книге две исторических повести. Повесть «Не отрекаюсь!» рассказывает о непростой поре, когда Русь пала под ударами монголо-татар. Князь Михаил Всеволодович Черниговский и боярин Фёдор приняли мученическую смерть в Золотой Орде, но не предали родную землю, не отказались от своей православной веры. Повесть о силе духа и предательстве, об истинной народной памяти и забвении.

В повести «Сколько Брикус?» говорится о тяжёлой жизни украинского села в годы коллективизации, когда советской властью создавались колхозы и велась борьба с зажиточным крестьянством — «куркулями».

Книга рассчитана на подрастающее поколение, учеников школ и студентов, будет интересна всем, кто любит историю родной земли, гордится своими великими предками.

У книжці дві історичні повісті. Повість «Не зрікаюся!» розповідає про непростий час, коли Русь упала під ударами монголо-татар. Князь Михайло Всеволодович Чернігівський і боярин Фёдор прийняли мученицьку смерть у Золотій Орді, але не зрадили рідної землі, не відмовилися від своєї православної віри. Повесть про силу духу і зраду, про істинну народну пам'ять і забуття.

Повість «Скільки Брикус?» про тяжке життя українського села в роки колективізації, коли радянською владою створювалися колгоспи й проводилася боротьба з заможним селянством — «куркулями».

Книжка розрахована на підростаюче покоління, учнів шкіл і студентів, буде цікава всім, хто любить історію рідної землі, пишається своїми великими предками.

УДК 821.161.2-1
ББК 84(4УКР=УКР)–44

ISBN 978-617-7323-30-2

© Топчий В.А., 2015

Пролог

Росава бежала полем, глубоко увязая босыми ногами в снегу. Бежала, надеясь уйти от погони, её злобные звуки неумолчно слышались за спиной. Уста девушки были изломаны в немом крике, а руки невольно вскинута к небу. Словно она надеялась там, в небесах, найти свой последний оплот и прибежище. Колочий кустарник изодрал в клочья понёву,¹ обледеневшие ветви секли и обжигали полуголоое тело. Но боли она не чувствовала. Ужас, что её вот-вот настигнут, леденил душу.

Весь оком клубился мглой, над головой угрюмо неслись чёрные облака, засеая землю снежными стрелами. Стылый ветер бросал их навстречу Росаве, они больно язви́ли лицо и сбивали дыхание. До опушки бора оставалось всего ничего, когда совсем рядом она услышала храп лошадей. Росава оглянулась: преследователи, яростно стегая увязающих по брюхо в снегу взмыленных коней, были уже совсем близко.

Татарин в длинном простёганном металлическими пластинками армяке и остроконечной шапке со свисающими волчьими хвостами сноровисто достал из колчана стрелу и натянул тетиву. Но, заслы́шав недовольный крик напарника, опустил лук.

Мелькнул аркан. Девица, крепко охваченная сыромятной верёвкой, заби́лась, будто зверёк в тенётах. Всадники, закричав от восторга, быстро спешили. Напарник, не давший своему сотоварищу стрелять, сорвал с девушки опояску и задрал разодранную понёву, с вождением разглядывая упругие белые бёдра... Росава завывала, вкладывая в нечеловеческий вой всю свою безысходность.

Среди заснеженного бора по пустынной дороге медленно продвигалось печальное шествие. Два рослых угорских жеребца, впряженных гуськом и покрытых войлочными попонами, утомлённо шли иноходью, вяло реагируя на крики возницы. За его спиной на санях стояло два деревянных гроба, прикрытых белыми аксамитовыми² покрывалами. На покрывалах в бархатных с золотыми насечками ножнах лежали мечи. Рукоять и перекрестье одного украшали драгоценные камни и золото, а другого были отделаны серебром.

Траурную процессию сопровождали всадники с копьями и мечами. За спиной каждого покоился лук, а к сёдлам были приторочены алые круглые щиты с шишаком посередине. Под овчинными кожухами размеренно, в такт поступи коней, глухо позванивали плоские кольца на кованых рубашках-кольчугах с длинными рукавами. Неглубокий вырез вокруг шеи прикрывала со спины металлическая сетка. Тускло поблёскивали в невзрачном дневном свете округлые кожаные шеломы, схожие с церковным куполом.

Землистые облака, цепляясь за самые верхушки сосен, сыпали мелким снегом. Деревья, завернутые в снежный саван, монотонно раскачивались под заунывные завывания ветра и глухо шумели, обсыпая невесёлый обоз снежной пылью. Белесая дымка от выдыхаемого на морозе воздуха висела над головами людей и животных, бороды и усы зрелых воинов покрыв иней.

— Скоро дом, а на душе хмуро, — Ходята зябко передёрнул плечами.

— Да, Чернигов уже недалече! А ты не трави душу, Ходята. Не с радостью домой возвращаемся. Тяжёл наш груз, и без твоих речей душу давит, — отозвался Светозар.

Печальная процессия приблизилась к опушке леса, с оснеженной высокой сосны поднялся ворон и, описав плавный круг, каркая, уселся на сани. Ходята резким движением поднял плетё. Ворон, взмахнув крыльями, проворно отпрыгнул и нахально посмотрел на всадника.

— Вот чёртова птица, совсем обнаглела, как татарин! Не к добру это! Сказывают, что души мёртвых, не преданных земле, летают неприкаянными и нападают на живых. А может это лешак — хочет нас запутать и погубить в этой глуши?

Ходята, перекрестившись, схватился за меч.

— Постой, — одёрнул его Светозар. — Ты слышал? Сдаётся, человек кричит!

Высокий сдавленный звук повторился и захлебнулся.

— Видно, беда случилась. Быстрее, может, успеем! — пришпорил коня Светозар.

Светозар и Ходята, отделившись от сотоварищей, стремглав вылетели на край леса и увидели, как два татарина измываются над лежащей на снегу девицей. Она же отчаянно сопротивлялась и кричала.

Налетевшие вихрем дружинники смяли насильников конями. Светозар, изловчившись, поддел копьём нечестивца, пытавшегося прикрыться девушкой, и откинул далеко в сторону. А Ходята пронзил мечом второго, едва успевшего схватиться за саблю. Татарин упал на колени, жеребец Ходяты, всхрапывая, пританцовывал, а Ходята в ярости всё продолжал рубить.

— Остынь, Ходята, он своё уже получил! Лучше пособи молодежи, не ровён час, набежит татарва!

Ходята, соскочив с коня, выхватил из-за голенища нож и разрезал сыромятный ремень, крепко впившийся в тело девушки. Светозар, склонившись, подал Росаве руку и помог

ей взобраться на жеребца. Прикрикнув, чтобы крепче держалась, он прищипорил коня и стремительно помчался к лесу.

А Ходята, наскоро присыпав убитых снегом, пустился следом, беспокойно оглядываясь на скаку в неясную даль, отблескивающую огненными сполохами. Осадив жеребца возле траурной процессии, Светозар бережно ссадил девушку и кратко рассказал о случившемся.

— Слёзы горю не помощь, — укоризненно покачал головой седоусый старший дружинник Андрей, пытаясь успокоить плачущую Росаву. — Наших вёдер для них не хватит. Вот, прикройся, — он снял с себя и накинул на плечи девушке овчинный кожух, потом протянул платок. — Утрись и расскажи, кто такая, почему за тобой гнались?

А Росава, кутаясь в кожух, обильно смочив слезами платок, всё причитала: «Уж не срежу я волосы с головы моей матушки и не вплету себе в косу!». ³ И только успокоившись, глотая застрявший ком в горле, поведала, что недалеко отсюда на берегу реки стояла усадьба, где она счастливо проживала с родителями. Но налетели татары и стали угонять со двора скотину. Отец воспротивился, и тогда его затоптали конями. Мать, заголосив, кинулась к отцу, они же зло смеялись, а потом ударили её саблём. О себе лишь сказала, что спряталась в овине, но разбойники его подожгли. Выскочив в беспамятстве, полураздетая, она побежала задворками, но татары увидели и погнались за ней...

— А что случилось дальше, они ведают, — Росава взглянула на Светозара и Ходяту. — Лучше удавиться, чем ходить по белу свету с таким позором!

Выслушав горькую исповедь, Андрей тяжело вздохнул.

— Успокойся, девица, больше никто тебя не обидит. А поезжай-ка с нами в Чернигов, там тебя приветят. Без дела не останешься, забот теперь всем нам хватит. Обезлю-

дел наш град после «злой чести татарской». ⁴ Будешь при монастыре святой Параскевы-Пятницы, в монастырском уединении отойдёшь от своего горя. Жить-то ведь надо, нынче не ты одна такая горемычная на Руси.

Сжав рукоять меча, он негодуяще обратился к дружине:

— Братья, вы слышали? Вот она — Русь растерзанная и поруганная! — Андрей взмахнул рукой в сторону Росавы. — Ныне беды адовы обрели нас! Уже сила татарская погнула силушку русскую. Уже в чистом поле полегли наши витязи славные, а лисицы их кости обглаживают. Уже пепел и смрад покрыли поля и дубравы, в градах и весях наших слышится стон и плач. Степные хищники безнаказанно рыщут по нашей земле, оскверняют наших юниц и жён! Некому за них заступиться. Дух боязни и печали поселился в сердцах русичей. По всей Руськой ⁵ земле бродят позор и горе!

Но не будем, братья, отчаиваться! Утвердим сердца наши крепостью и поострим ратным духом! Путь правды воссиял нынче на небесах! А указали нам его благоверный князь Михаил и его верный боярин Фёдор! — Андрей простёр руку в сторону саней, где стояло два гроба. — Не покорились они поганским обычаям хана Бату, а показали бессмертие христианской души! Они живот свой положили за честь нашу русскую и нам завещали её беречь! Так воспрянем, братья, духом! Сердце чистое князя смотрит на нас с горних пределов, ⁶ просит не дать в обиду лихоимцам поганым нашу отчину — Русь святую, православную! Так будем же достойны светлой памяти нашего князя Михаила и боярина Фёдора! С нами Бог!

Дружинники, грозно потрясая копьями, трижды прокричали в настороженную тишину леса:

— Будем достойны! С нами Бог!

Глава первая

Детство

На охоте

Подросток лежал на охапке свежескошенной травы и, прищурившись от яркого солнца, напряжённо всматривался в чистое, без единого облачка, небо. Там, в высокой и знойной синеве, распластав крылья, парил сокол. Сердце мальчишки вздрагивало от нетерпения: когда же, наконец, шестокрылец¹ высмотрит свою жертву и начнёт преследование. И вот со стороны озера донёсся лебединый клёкот, юнец встрепнулся и с интересом стал наблюдать за происходящим.

Сokol нагнал лебедей и круто взмыл вверх, потом, сложив крылья, чёрной молнией метнулся в стаю. Строй белокрылых птиц резко сломался, с тревожными криками они ринулись в разные стороны. А хищник, подлетев под жоака, ударил его острым клювом под левое крыло. Обмякнув, жоак камнем скатился в траву, следом за своей жертвой спланировал сокол.

Мальчишка радостно подхватился и взволнованно закричал:

— Фёдор, узрел, как сокол избил лебедей?!

— Узрел, княжич, узрел, славная ныне вышла охота! Твой отец будет доволен, — ответил молодой пестун² княжича.

— Скажи, Фёдор, это правда, что вороны в грознике³ не пьют воду? — обратился к нему княжич, завидев стаю воронов, с криками кружащуюся над местом, где упал лебедь.

— Крук — зловещая птица. Где кружит чёрная стая, там непременно беда. Слетаются они на мертвечину, а

если каркает на избе — быть в доме покойнику. Хотя мудрости чёрному не занимать: умеет оживлять сваренные яйца при помощи известных ему целебных трав. Живёт он двести лет, а всё потому, что не жалуется лишние хлопоты, любит поживиться за чужой счёт. Но хоть птица горадая, а наказал её Бог за жадность. Вот и сидит крук с раскрытым клювом в сенокос у воды, мучается от жажды, а послушаться Бога, испить водицы, боится.

Княжич недоверчиво прищурил глаза.

— Сдаётся мне, Фёдор, что это неправда. Господь любит всякую тварь. И ворона тоже.

Фёдор помог княжичу Михаилу взобраться на скакуна. Пришпорив коней, они поскакали к группе охотников, где, окружённый сокольничими, ловчими и псарями, находился отец княжича, черниговский князь Всеволод Чермный.⁴

Подоспела макушка лета, сухие жаркие дни чередовались с ненастьем, когда седые, с просинью облака наперегонки неслись по низкому небосводу. Сталкиваясь, они гремели и расписывали небо слепящими огненными узорами, яростно стегали землю ливнями.

По утрам над сырой землёй курчавилась тёплая туманная дымка, буйно вздымая дикорастущие травы. Наступила благодатная пора сенокоса. Над лугом вольно ширилась песня. Обнажённые по пояс смерды и княжеские холопы⁵ в такт раздольной мелодии дружно взмахивали косами, оставляя за собой волнистые ряды разнотравья. Изредка кто-то останавливался, утирал струящиеся по лицу липкие ручейки пота, потом отстёгивал висевшую на поясе деревянную бутылку с квасом и с наслаждением к ней прикладывался. А испив и обтерев рукой губы, удовлетворённо крикнув, споро включался в работу, догоняя своих товарищей.

Княжич направил своего жеребца мимо растянувшихся в неровный ряд косарей. Молодой жеребец, поравнявшись с косцами, вдруг заартачился, затоптался на месте. Княжич, натянув поводья, грубо ударил его кнутом. Заржав от боли, жеребец резко сорвался с места. Тревожно закричал Фёдор. Его крик услышал дюжий косарь и, увидев скачущую на него лошадь, успел схватить её за узду.

С побелевшим от испуга лицом княжич неподвижно застыл в седле, крепко вцепившись обеими руками в холку жеребца.

С криком: «Жив, слава Богу, жив!» примчался Фёдор.

— Не ушибся, княжич? Не досмотрел, каюсь, ну да что теперь говорить, главное — не повредил себя!

Он помог питомцу слезть с жеребца. А косарь, поглаживая беспокойного скакуна по храпу, с укоризной ему выговаривал:

— Ишь, что вздумал, княжича нашего напугать!

Подскакал со свитой князь. Увидев, что с сыном ничего серьёзного не случилось и возле него суетится боярин Фёдор, обратился к стоящему рядом косцу:

— Как звать тебя, смерд?

Тот отпустил успокоившегося коня и низко, до земли, поклонился.

— Прозывают меня Молчаном. Бортник я, а сегодня по наказу тиуна⁶ вышел на сенокос.

— Я твой должник, Молчан! Может, тебе что-нибудь надобно?

— Сделал я то, что должен был сделать любой на моём месте. А позволь, князь, высказать просьбу, — не растерялся бортник.

— Говори, чего же ты от меня хочешь?

— А прошу я, светлейший князь, чтобы ты пособил

моему отроку Андрею, направил его в обучение ковалю. Очень уж любы ему щиты и мечи русские, сам хочет ковать их.

— Оружейники нам нужны, потому просьба твоя похвальная. Быть по сему, привози сына в Чернигов! На моём дворе в Красном тереме отрока встретят и сведут в учение к лучшему черниговскому мастеру.

А благодарить меня не надо, — увидев, как низко кланяется и пытается что-то сказать смерд, остановил его князь, — свою преданность ты мне уже показал!

На княжеском пиру

В загородных хоромах князя Всеволода пировали по случаю окончания удачной охоты. Всюду ярко горели свечи, тусклые блики причудливо колебались на иконах и оружии, развешанном по закопчённым дубовым стенам гридницы.⁷

За дубовыми столами, за нарядными шёлками, на скамьях, застланных бархатной тканью, тесными рядами сидели дружинники князя и знатные гости — «нарочитые мужи». Взор присутствующих изумлялся обилию лакомых яств, которые разносили на золотых и серебряных подносах неустанно сновавшие между гостей чашники и чарочники. В серебряных чашах дымилась стерляжья уха, на огромных позолоченных блюдах аппетитно румянились жареными боками перепела, куропатки и утки, а из глубоких серебряных мисок призывно дразнили гостей огромные головы и хвосты разомлевших в густом холодце судаков, щук и сомов. Но украшением и гордостью княжеского стола являлись жареные лебеди. Присыпанные зеленью, они грациозно застыли на золотых подносах, притягивая жадные взгляды пирующих.

Двери княжеской медуши этим вечером стояли раскрытыми настежь. Гридни не успевали выносить из погреба охлаждённые на леднике красные и белые мёды. Неутомимые чарочники разливали их в позолоченные рога и кубки всем жаждущим. А кто из гостей не желал замочить усы и бороды в медовом напитке, того потчевали вареноухой — горячим пивом и мёдом, настоящим на пряных кореньях.

Князь Всеволод возвышался за столом в синей шелковой рубашке, вырез ворота у неё был обшит золотом и драгоценными камнями, золотой медальон — знак княжеского достоинства — покоился на груди. Рядом, в алом одеянии, сидел княжич Михаил, а возле него неотступно находился молодой боярин Фёдор. Знатность его рода и приближённость к княжеской семье подчёркивала золотая шейная гривна, схожая с медальоном князя.

Когда гости уже изрядно насытились и захмелели, дружинник подвел к князю слепого гуслея в длинной холщовой рубахе. Князь усадил его рядом с собой и повелительно взмахнул рукой. В наступившей тишине старик обеими руками зацепил струны и запел героическую быль об уда-
лом Мстиславе, князе Тмутараканском и Черниговском.⁸

«Начнём, братья, быль сию о храбром князе Мстиславе, как воспел её нам Боян,⁹ соловей старого времени, поострил Мстислав сердце своё мужеством, буйным соколом взлетел под облако, но не лебедей он выискивал, а поганых, промышлял себе честь, а русичам славу...».

Когда гуслея закончил песнь, чарочник по княжескому повелению поднёс ему чару хмельного мёда. Старик с достоинством выпил, неторопливо отёр ладонью седые обвислые усы, а потом завёл новую песнь. Голос старца зазвучал глухо, а струны зарокотали тревожно. Пел он о

горемычном Олеге Святославиче,¹⁰ о его вражде с Владимиром Мономахом¹¹ за любой град Чернигов. Ведь при князе Олеге редко покрикивал в поле оратай, а жизнь дажд-
божьих внуков¹² заседалась не житом, а лютыми распрями. Тогда много русского люду пало в междоусобных сечах, а вороньё оживленно толпилось на трупах русичей.

А когда старик запел о князе Владимире Мономахе, голос его вновь окреп и зазвенел звонко. Он пел о справедливом решении Мономаха вернуть Олегу отчий княжеский стол в Чернигове; пел о былинных подвигах славного русского князя, когда в жарких сечах русичи изрубили многих половецких князей, а ещё больше взяли в полон. Тогда половцы боялись одного имени великого киевского князя и пугали им своих детей в колыбелях. А хан Отрок, оставив родные ковыльные степи, в страхе добежал аж до Кавказа.

Старец пел, рокотали победно струны, а когда замерли последние аккорды, князь Всеволод встал, высоко подняв в руке серебряный рог, и обратился к пирующим:

— Братья и дружина, дети боярские! Гудец¹³ знатно пропел похвалу нашим могучим предкам! Не посрамили они землю русскую в ратях с недругами и нам завещали беречь красно украшенную отчину нашу. Поднимем чаши сии за славу нашей земли! Да не оставит нас своей милостью Мать Божья, заступница усердная всех христиан!

Князь придвинул слепому певцу блюдо с лебедем.

— Заслужил, гудец! Песни твои — нашему слуху услада.

Потом обратился к сыну:

— Помни славу нашего древнего рода, а когда вырастешь — не посрами русскую честь! Будь достойным славы своих дедичей!¹⁴

Уже давно село солнце, в гриднице уже давно затеплили свечи, а пир всё продолжал шуметь.

— Княжич, нам пора уходить, — напомнил своему воспитаннику Фёдор. — Наступает пора вечерней молитвы.

По своим юным летам княжич Михаил не бражничал, но ему нравилось слушать разудалые, разгорячённые хмельным мёдом хвастливые речи дружинников и бояр. Однако послушно поднялся из-за пиршественного стола и вместе с наставником поднялся в свои покои. В отгороженной от спальни келье Фёдор затеплил лампадку перед иконой Божьей Матери, и они поочерёдно, при переменчивом свете свечи, стали читать вслух вечернее правило.

Уже были прочитаны вечерние молитвы, княжич лежал в постели, но его думы всё ещё были там, на пиру. Он всё не мог забыть чудно сказанные слепым гуслиаром былины.

— Дивную быль пропел нам ныне гуслиар. Расскажи мне, Фёдор, о князе Мстиславе!

— Стремление твоё, княжич, похвально. Нужно ведать свою родословную, корни славного племени Рюрикова, — начал свой рассказ боярин. — Князь Мстислав был сыном великого киевского князя Владимира.¹⁵ Отец дал ему в удел далёкую Тмутаракань. Тогда эта земля была русская, но за грехи наши отняли её у нас половцы. Юный князь прославился своей храбростью и частенько вступал в «злат стремень». ¹⁶ Однажды пошёл на касогов, ¹⁷ а когда две рати сошлись, князь касожский Редедя предложил Мстиславу померяться силой. Кто в поединке одолеет — заберёт себе всё княжество побеждённого и жену его, и детей. А нужно сказать, что Редедя был велик ростом и силы неимоверной. Но и Мстислава Бог силушкой не обидел. И вот сошлись они на виду своих воинов и долго не могли одолеть друг

друга. Мстислав стал уже изнемогать и взмолился тогда к Богородице, стал просить у неё помощи. А потом собрался с силами и подмял под себя Редедю. Выхватил засапожный нож и убил. Видя конец своего предводителя, касоги в страхе бежали, а Мстиславу досталось всё касожское княжество с его добром и людьми.

А после смерти отца Мстислав заратовал со своим родным братом Ярославом.¹⁸ Захотелось храброму князю править Руськой землёй, но киевляне не открыли ему ворота. И тогда он пошёл к Чернигову. Горожане с радостью его приняли, потому что у них не было своего князя. Так он стал князем Черниговским. А Ярослав всё не мог успокоиться и собрал против него большую рать, даже пригласил из-за моря варягов с воеводой Якуном. Встретились два полка¹⁹ недалеко от этих мест, под Лиственом.²⁰ Мстислав выставил против воинов брата черниговское ополчение. Сеча была лютая, но родная земля помогла черниговцам одолеть врага. Ярослав с Якуном бежали, варяг даже свой плащ обронил.

Но Мстислав проявил мудрость, не взял оставленный Ярославом Киев. Руськую землю они с братом разделили по Днепру. Мстислав остался в Сиверской земле и своим стольным градом сделал Чернигов, а Ярослав принял все земли по правому берегу Днепра вместе с Киевом.

Наш Спасо-Преображенский собор возводить начали при Мстиславе. До него каменных храмов в нашем граде не было. А называли его Спасо-Преображенским в память чудесного Преображения Господа на горе Фавор. Этот дивный собор о пяти куполах строили византийские мастера. Но при Мстиславе достроить его не успели. Князь застудился на охоте и слёг. Лекари оказались бессильны, он умер. Похоронили его в недостроенном соборе.

Черниговцы жаловали князя Мстислава и плакали по его кончине. Потому что он был справедлив, заботился о своих людях.

Когда ходил в церковь, раздавал нищим милостыню. Повелевал, чтобы их кормили при храмах. А тех, кто хитрил, предавался лжи, пьянству и блуду, строго наказывал. Когда проходил с дружиной по своим землям, не делал зла смердам, чтобы не кляли его и не случилось с ним так, как со старым Игорем.²¹ Тот принял смерть мученическую и позорную. А всё потому, что жадность затмила ему разум. Пошёл с дружиной собирать дань с древлян. Дали им много и проводили с почестями. Но им захотелось большего и они вернулись. Рассерженные древляне побили дружину, а самого князя привязали ногами к пригнутым берёзам и разодрали на части.

Князь Мстислав наследника после себя не оставил. Был у него сын Евстафий, но умер раньше отца, а детей у него не было. Так перевёлся род князя Мстислава. А Спасский собор долго ещё стоял недостроенным, только при князе Святославе²² закончили его строительство.

— И я хочу быть таким храбрым, как князь Мстислав! — мечтательно произнёс княжич. — А скажи мне, пестун, каким я стану, когда вырасту?

— Одному Богу известно наше будущее, мы можем о нём лишь гадать.

Фёдор взял со стола украшенный замысловатой славянской вязью Псалтирь,²³ наобум открыл и громко прочёл:

— Псалом сто первый: «Молитва страждущего, когда он унывает и изливает пред Господом печаль свою». А теперь, княжич, укажи перстом строку.

Княжич не глядя ткнул пальцем в раскрытую книгу, и Фёдор произнес десятый и одиннадцатый стих псалма: «Я

ем пепел, как хлеб, и питьё моё растворено слезами. От гнева Твоего и негодования Твоего; ибо Ты вознёс меня и низверг меня». Фёдор закончил читать и взглянул на княжича, а когда увидел его помрачневшее от разочарования и недоумения лицо, стал утешать:

— Не тужи, княжич. Счастье с несчастьем, как погожий день с ненастьем, живут переменчиво. Тебе 10 годков, ты уже взрослый,²⁴ потому не принимай сказанное близко к сердцу. В твоей жизни много будет печалей, но никогда не падай духом! Живи с Богом в сердце и всегда помни, что завещал князь Ярослав своим детям.

Фёдор потянулся к полке, достал старую рукопись, развернул и нашёл нужное место.

— Слушай! «Вот я отхожу из света сего, сыны мои. Имейте между собой любовь, понеже вы есть братья единого отца и матери. Да аще будете в любви меж собой, Бог будет в вас, и покорит вам ненавидящих вас. И будете мирно жить. Аще ли будете ненавистью жить, в распрях и вражде, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих, ими добытую трудом своим великим. Но пребывайте в мире, уважая брат брата».

Фёдор свернул свиток.

— Завещание князя Ярослава должно стать для тебя примером в жизни. А теперь попробуй уснуть!

Он перекрестил княжича Михаила, а тот, уже сонный, промолвил:

— Фёдор, когда я лежу в постели, мне всё время кажется, что кто-то смотрит на меня сверху.

Княжич приподнял голову и посмотрел на восточный угол комнаты, под потолок.

— Не нужно бояться. Ты избран для великого, но путей своих мы не ведаем, знает лишь только Он. Потому так внимательно за тобой и присматривает. Ну, спи уже...

Молчан собирается с сыном в дорогу

Курной дом²⁵ Молчана с дымоходным оконцем и резным коньком на крыше стоял на самом краю княжеского леса. Поселился он тут с разрешения тиуна, заключившего с ним «ряд» — договор, по которому обязался заниматься бортничеством и поставлять князю мёд и воск. И вот уже много лет Молчан встречал восход солнца в лесу. Сначала сам, а потом с сыном. Дело своё он любил и с закрытыми глазами всегда мог найти среди чащи нужную борть — дупло дерева, в котором жили лесные пчёлы.

С наступлением тепла неустанно лазал по деревьям и выдалбливал в них новые борти, а много выдолбленных колод установил прямо на земле рядом с домом. И когда приходила пора брать взятки, густая медовая река заполняла десятки пузатых бочонков, которые вместе с воском он исправно доставлял на княжеское подворье. Тиун ценил прилежание бортника и щедро рассчитывался с ним продуктами, рожью и просом.

Молчан, откинув рукой старый лапоть, висевший у входа,²⁶ открыл низенькие закопчённые двери и, пригнувшись, вошёл в горенку. Сын, увидев отца, привстал со скамьи, в руках он держал кочедык — лапотное шило, которым мастерил из берёсты лапти. Молчан без лишних эмоций обратился к сыну:

— Собирайся, завтра поедем в Чернигов!

— Что за срочность такая, что надобно тебе там? Дома работы невпроворот, а ты ещё и дитя за собой тянешь! — недовольно пробурчала крепкая, под стать мужу, круглолицая молодница в светлой холщовой рубашке и длинной, до пят, юбке. Домотканый платок с затейливым растительным узором прикрывал её голову.²⁷

— Помолчи, Рада, не бабье это дело — встревать в

мужской разговор. Лучше собирай чадо в дорогу. Хватит уже мастерить ему лапти! А ты, Андрей, пойдёшь, истопи баньку, перед дорогой не грех попариться.

Сын, рослый для своих лет отрок с ясными живыми глазами, одетый в домотканую, до колен, холщовую рубаху, из-под которой выглядывали такие же домотканые холщовые штаны, радостно кинулся исполнять волю отца. Стал прилежно носить в деревянном ведре воду из протекающего рядом с домом ручья, наполняя в предбаннике дубовую бочку. Потом, не жалея сосновых поленьев, благо, жили в лесу и дров хватало, затопил срубленную «в лапу» из сосновых брёвен приземистую баню. Когда густой пар за клубился из приоткрытых дверей, парень побежал звать отца.

Раздевшись в предбаннике, где, кроме бочки с холодной водой, стоял на лавке бочонок медового кваса, они нырнули в прокалённое паром нутро. Молчан быстренько перекрестился и громко проговорил: «Крещёный на полки, некрещёный с полки!».²⁸ Окатив себя холодной водой, он забрался на дубовый настил, под самый потолок. И яростно замахал берёзовым веником, шумно выдыхая от удовольствия протяжное «у-ух», иногда покрикивая на сына, сидевшего в большой лохани с горячей водой, чтобы не мешкал и лил на раскалённую каменку студёную воду.

Андрей, выбравшись из лохани, стремительно выбегал в предбанник и, возвратившись с полным ковшом холодной воды, живо выплескивал её на раскалённые камни. Вода рассыпалась по каменке дробными серебряными шарами, которые подпрыгивали, шипели и мгновенно исчезали, превратившись в пар, устремлявшийся к закопчённому потолку горячими струями. Несносный жар растекался по

баньке, раскалённым обручем стягивал тело, обжигал гортань и затруднял дыхание.

Тогда отец с сыном, спасаясь от палящей гибели, резво выскакивали в предбанник и жадно набрасывались на бочонок с холодным квасом. Напившись, отец вновь наполнял берёзовый ковш и обливал квасом сына, весело приговаривая, что и худой квас лучше хорошей воды. Отпрыск в долгу не оставался, со смехом отбирал ковш у отца и кидался к дежке... Вволю поозорничав, они возвращались в улёгшийся банный зной, чтобы смыть с тела липкую квасную гущу, и продолжали азартно париться.

Уже смеркалось. Вволю напарившись и оставив баннику воду, мыло и веник, они вышли из бани в чистых льняных рубахах и с просветлёнными лицами пошли в дом. Рада, истомившись, давно уже поджидала своих мужчин, собрав на стол нехитрую вечерю.

Чинно перекрестившись на образ в красном углу, отец с сыном неторопливо уселись за стол, а Рада принялась наливать из глиняного горшка в большую деревянную миску уже остывшую ботвинью — похлебку из кваса, свекольной ботвы, лука и рыбы. Едоки степенно принялись за трапезу, в наступившей тишине только слышался стук деревянных ложек о миску.

А пока они ели, Рада зажгла лучину и в неверном колеблющемся свете с выступившими на глазах слезами пристально всмотрелась в сына. Чужало её материнское сердце, что завтра он навсегда покинет порог отчего дома. Когда мужчины насытились, она убрала со стола и робко стала расспрашивать мужа о предстоящей поездке. Молчан нехотя рассказал об утреннем происшествии на лугу. Закончив свой немногословный рассказ, он улыбнулся и вздохнул русоволосую голову сына.

— Вот одужишь мастерство коваля и скуёшь золотой меч-самосек,²⁹ с ним мы одолеем любых врагов! А теперь пора спать.

Отец с сыном, встав из-за стола и поблагодарив Господа за вечерю, легли на застеленном рядном полу.³⁰

Уже давно сгустились сумерки, потянуло прохладой. В палисаднике звонко стрекотали цикады. Андрей долго ворочался, радостные и грустные думы, перемежая одна другую, всё не давали уснуть. Было радостно, что едет он в обучение к ковалю, но грустно было покидать родной дом, батьку и маму. И он, чтобы унять невесёлые мысли, робко тронул отца за плечо.

— Тятя, а как выглядит княжич, не злой ли?

— Княжич как княжич, ростом высокий и худощавый, твой ровесник. Показался незлобивым. Вот вырастешь, будешь служить ему верой и правдой. Так уж установлено Богом от сотворения мира, что есть князья, а есть простой люд, слуги у них. И то ведь, когда верно служишь — ни о чём не тужишь. Ну, спи уже...

Но Андрею не спалось, он взглянул на зависшую в проёме окна луну и с детской непосредственностью опять спросил:

— Тятя, а почему на луне тёмные пятна?

— Ну, что тебе не спится? — сквозь нахлынувшую дрему недовольно проворчал отец. Но, уловив сердцем, что творится на душе сына, отогнал одолевший его сон и ласково улыбнулся в темноте.

— Случилась эта быль в давнее время. Жила-была семья — мать и два сына. Отец умер, когда детки были ещё маленькими. Вот мать и поднимала одна двоих сыновей. Выросли они крепкими и ладными, любо-дорого было на них глянуть. Во всём помогали матушке, много работали

и хорошо жили. Люди добрые про них говорили, что «два брата, а душа у них одна, и та дороже злата». Но вот пришла пора матери умирать и позвала она к себе сыновей. «Дети мои, душу мою призывает Господь, но перед тем, как уйти, я оставляю вам самое дорогое, что у меня есть — землю. Живите на ней в мире и согласии, не искушайте себя завистью и злобой, и удача всегда будет с вами. А если нарушите мой завет, не будет вам покоя ни на этом, ни на том свете». И братья поклялись матушке всегда следовать её завету. Так и шло некоторое время после её смерти.

Но вот старший брат захотел жениться. На беду девка попалась ему завистливая! Частенько так бывает, что в невестах девица хороша, а вот жена худая! А плохая жена — начальница всякой злобы, которая истощает дом. У нас говорят: «От пожара, от потопа, от злой жены — Боже охрани!». Настанет, сынку, твоя пора вести девицу под венец, припомни эти слова. Вот мы с твоей матерью хорошо живём и не ссоримся. А всё потому, что муж должен быть главой семьи, вот как крест — глава церкви. Это ещё апостол Павел сказал. Но что это я отвлёкся?

Вот и стала эта криворотая оговаривать младшего брата: он-де зарится на нашу землю, хочет всеми правдами и неправдами её отобрать. И смутилось неразумное сердце старшего, стал он подозрителен и придирчив. Начали братья частенько ссориться. Далеко зашли они в своей неприязни! А как-то повздорили в поле, пошли один на другого с вилами и закололи друг дружку до смерти.

Бог не простил такого кощунства и наказал грешников, забывших завет матери. Бросил их тела в пустынную вечную стужу далеко от родного дома и земли, за которую сгубили они свои глупые души. В ясную ночь тела братьев можно увидеть на небесном светиле, кажутся они

тёмными пятнами на жёлтом пустынном песке... А теперь попытайся уснуть, утро вечера мудренее, завтра нам предстоит много хлопот.

Андрей ещё долго ворочался на своём ложе рядом с отцом, украдкой поглядывая в открытое окно на неторопливо катившуюся по звёздному небу луну, на жёлтом обличье которой явственно выступали тёмные пятна. И всё вспоминал рассказ отца.

Примечания

Пролог

1. Понёва — юбка из нескольких полотнищ шерстяной или полушерстяной ткани, в клетку или полоску.
2. Аксамит (греч.) — шёлковая узорчатая ткань ручной работы с золотой или серебряной нитью, подобие бархата.
3. На Руси существовал обычай: дочь вплетала в свою косу срезанный с головы умершей матери пучок волос.
4. «Злой честью татарской» Андрей назвал взятие монголо-татарами Чернигова 15 октября 1239 года.
5. По мнению автора, Киевская Русь — средневековое русское, а не русское государство, где проживал русский народ. Уже позже в силу исторических причин русский народ разделился на украинцев, русских и белорусов.
6. Горнее (славянск.) — высокое. «С горних пределов» — с небесных, заоблачных высот.

Глава первая

1. Шестокрылец — так называли на Руси сокола за характерное деление оперения крыла при полёте на три части.
2. Пестун — воспитатель, наставник.
3. Грозник — июль в древнерусском календаре.
4. Всеволод (Даниил) Святославович Чермный (?-1212) — сын великого киевского князя Святослава Всеволодовича (1181-1194), героя «Слова о полку Игореве». Князь Черниговский (1202-1210), Киевский (1206-1207, 1210-1212).
5. Смерд — свободный, независимый от князя или боярина крестьянин. Холоп — несвободный человек, раб.
6. Тиун — управляющий княжеским или боярским феодальным хозяйством.
7. Гридница — помещение в княжеском дворце, где

обычно проживала младшая дружина князя (гридь), князь проводил здесь приёмы и устраивал пиры.

8. Мстислав (Константин) Владимирович (?-1036) — сын великого киевского князя Владимира, крестителя Руси. Князь Тмутараканский (988), Черниговский (1023).

9. Боян — легендарный певец-сказитель черниговских князей.

10. Олег (Михаил) Святославович (?-1115). Прапрадед Михаила Всеволодовича Черниговского. Князь Черниговский (1094). В «Слове о полку Игореве» назван Гориславичем. Русский писатель Ю.Н. Сбитнев придерживается другого мнения. См.: Юрий Сбитнев, «Тайны родного Слова», Чернигов, 2010, с. 40-48.

11. Владимир Мономах (1053-1125) — великий киевский князь (1113), военачальник, писатель. Прозван Мономахом по имени матери, приходившейся дочерью византийскому императору Константину Мономаху.

12. Дажьбог, Дамбог — языческий бог из пантеона князя Владимира, бог солнца и огня, сын Сварога (отсюда другое название — Сварожич). По славянским поверьям, Дажьбог живет далеко на востоке, в стране вечного лета. Каждое утро на своей светозарной колеснице Дажьбог совершает круговой объезд по небу. В «Слове о полку Игореве» русский народ называется внуком Дажьбога.

13. Гудец — тот, кто играет на гудке, гуслиар, музыкант.

14. Дедич — дед, предок.

15. Князь Владимир (Василий) Святославович (?-1015) — великий киевский князь (980), сын Святослава Игоревича. Креститель Руси, канонизирован церковью как «равноапостольный» князь.

16. «Ступить в злат стремя» — выступить в поход, начать войну.

17. Касоги — название племени, жившего на Северном Кавказе.

18. Ярослав (Георгий) Мудрый (978-1054), сын великого киевского князя Владимира. Князь Новгородский (1010-1034), Киевский (1016-1018, 1019-1054).

19. Полк (древнерусск.) — войско, поход, битва. Здесь в значении «войско».

20. Битва под Лиственем произошла в 1024 году. Ныне это село Малый Листвен Репкинского района Черниговской области.

21. «Старый Игорь» — Игорь Рюрикович (?-945) — великий киевский князь (912), муж княгини Ольги. Первый русский князь, о котором имеются свидетельства иностранцев. В 944 г. заключил договор с греками. Текст договора приводится в «Повести временных лет».

22. Князь Святослав (Николай) Ярославич (1027-1076) — сын Ярослава Мудрого, родоначальник династии черниговских князей. Великий киевский князь (1073).

23. По Псалтири на Руси учили читать и писать и нередко гадали. Археологи, производившие раскопки в Новгороде под руководством доктора исторических наук, академика РАН Янина В.Л. (13 июля 2000 года), нашли три деревянные дощечки со старославянским письмом. Удалось прочесть: «Сия книга Псалтирь — сиротам и вдовицам утешение мирное, странникам недвижимое море». Эти дощечки оказались древнейшей русской учебной Псалтирью.

24. Мальчики в Древней Руси проходили обряд, связанный с первой стрижкой волос (постриг). У княжеских детей постриг совпадал с первым сажанием на коня в возрасте 3-4 лет. С этого возраста мальчик считался взрослым, его забирали от матери на мужскую половину

дома, где он воспитывался как будущий воин и правитель своей земли. По поводу этого обряда (инициации) в княжеских хоромх устраивалось пиршество.

25. В курной хате печь была без дымохода, дым при топке выходил через окно, которое закрывалось изнутри, открытую дверь или через дымницу в кровле.

26. На Руси существовало поверье, что старые лапти, вывешенные над входными дверями, к достатку в доме.

27. Замужние женщины на Руси покрывали голову платком.

28. «Крещённый на полук, некрещёный с полка!» По древнему народному поверью, в нетопленной бане живёт злой дух — банник. Если его не ублажить — может брызнуть кипятком и напустить в баню угар, поэтому, закончив мыться, ему оставляли веник, мыло и воду.

29. Меч-самосек — в славянском фольклоре волшебный меч.

30. Пол — деревянный настил возле печи, на котором спала семья.

Глава вторая

Отрочество

«О светло светлая и украсно украшенная земля Русь-кая»! Раскинулась ты среди лесов дремучих, дубрав зелёных и пажитей зланных, гор крутых и холмов высоких. Изобильна ты реками и озёрами. Города русьские величаво смотрятся в небо бессчётными церковными куполами! Слывет Русь страной знаемой во все концы света, не даром европейцы с уважением называют её Гардарикой — страной множества городов!

Князья русьские не дают в обиду соседям завистливым свой народ, храбро ратуют за веру истинную, православную! Литвины, боясь удалых русьских дружин, «на свет из болот не показывались». Поляки и угры, заслышав звон русьских мечей, отсиживались в своих городах, наглухо запирая ворота железные. А немцы радовались, что сидят далеко, за морем синим. Тогда многие народы восточные платили Руси дань, бортничая, а за Руським морем¹ византийские императоры одаривали русьских послов.

Так с гордостью отзывались о своей стране русьские книжники,² такой была сила и слава Руси в представлении окружавших её народов.

Славный град Чернигов

В широкой пойме Десны, левого притока могучего Славутича, издревле обитали охотники и рыболовы, собиратели даров природы. Прошло немало тысячелетий, прежде чем люди прочно осели в этих краях. В месте, где Десна встречалась со своим полноводным притоком Стрижнем, они построили поселение. Широкие ленты рек и топкие пойменные луга вокруг являлись неодолимой преградой

для неприятеля. Первые поселенцы на Болдиных горах³ оказались прозорливы, предугадав великое будущее потомкам.

Выгодное географическое положение небольших сиверских поселений способствовало их быстрому росту, со временем разрозненные селения слились в единое целое. На высоких крутых холмах, где Десна делает резкий изгиб на юго-запад, неспешно неся свои воды к Днепру, возник град Чернигов — крупный центр ремесла и торговли в Сиверском крае. Став столицей Черниговского княжества,⁴ он сыграл заметную роль в истории Руси.

От Чернигова рукой было подать до Киева. Лихой наездник на резвом скакуне мог доскакать до него за световой день. Столица Южной Руси надёжно охраняла водный торговый путь по Днепру «из варяг в греки». А через черниговские земли проходил торговый путь в Волжскую Болгарию и Хазарский каганат. Спустившись по Волге в Хвалынское (Каспийское) море, черниговские купцы попадали в Персию. Караванным путём, полным опасностей и лишений, через глубокое ущелье с горными перевалами, добирались они в древнюю столицу Арабского халифата — Багдад.

Из глубины веков дошло много легенд о названии города. Самая известная, что основал Чернигов князь Чёрный, но память о нём сохранилась только в народных преданиях. Возможно, имя городу дали дремучие чёрные леса, окружавшие его со всех сторон. Греческий историк Геродот писал о скифском племени «чёрных плащей», проживавших в этих местах, а византийский император Константин Багрянородный вспоминал древний город Дзернигоги. Наиболее убедительная версия, что город назван по имени первопоселенца Чернег или Черниг. Он мог быть князем, как основатель Киева — Кий.

Уже в начальный период русской государственности Чернигов по своей значимости уступал только Киеву.⁵ В Киеве, до захвата его монголами, проживало не менее 50 тысяч человек, в Чернигове — 25 тысяч. Это были крупнейшие европейские города. По численности с ними могли соперничать только Париж (100 тыс.) и Лондон (35 тыс.).

Границы черниговского княжества простирались далеко на северо-восток, достигали Муром, на юго-востоке сливались с Половецкой степью. На западных рубежах Днепр отделял черниговские земли от киевских. А река Остёр служила границей с Переяславльским княжеством.

Молчан с Андреем на ярмарке в Окольном граде

Молчан с сыном подъезжали к Чернигову по древней любечской дороге. Минули курганный могильник, протянувшийся с юго-западной на северную окраину города, и подъехали к первому кольцу городских укреплений: глубокому сухому рву с валом и возвышающимся над ним бревенчатым частоколом. Телега проскрипела по деревянному настилу через ров и, минуя дубовые ворота, въехала на территорию Предградья.⁶ Самое людное городское предместье было заселено ремесленным людом и застроено неброскими деревянными домиками и полуземлянками. Ярким пятном среди них выделялись нарядные двухэтажные терема богатых черниговцев. Миновав Предградье и вторую линию укреплений, через каменные ворота с надвратной церковью въехали в Окольный град. Молчан сразу же направился на базарную площадь, раскинувшуюся возле стен женской монастырской обители. Здесь шумела праздничная ярмарка, и он надеялся запастись необходимым в хозяйстве, а заодно приобрести подарок для Рады.

Главная монастырская церковь Параскевы-Пятницы⁷

со ступенчатыми арками-сводами и вытянутым, устремлённым вверх куполом, поразила Андрея своей красотой. Подростку показалось, что купол церкви похож на стрелу с острым железным наконечником, готовую сорваться с тетивы лука и ринуться ввысь. словно грозное предупреждение степнякам, алчно посматривающим на Чернигов из своих задымленных кочевий. Уже много лет они совершали опустошительные набеги на его родину, но, встретив дружный отпор русской дружины, поредевшими рядами откатывались в степь, разоряя всё на своём пути, уводя в неволю мирное население.

Торг повстречал отца с сыном разноголосицей. Расторопные продавцы наперебой предлагали прихотливому покупателю свои товары. В кузнечных рядах кряжистые мужики развернули свои скобяные поделки: всевозможные ножи, замки с хитроумным секретом, серпы и косы, маленькие и большие гвозди с широкими шляпками, обручи и дужки для ушатов. Прочая лёгкая железная утварь теснилась на прилавках, терпеливо поджидая своего заборщика.

Ряды гончаров пестрели обилием узорчатых глиняных мисок и чаш. Стройные узкогорлые кувшины для молока соседствовали с коренастыми и пузатыми кувшинами для воды. Хмельно посматривали на своих младших братьев большие винные корчаги. На них заносчиво глядели маленькие деревянные бочонки и пузатые, словно опились водой, сорокаведёрные бочки, подпоясанные железными обручами. Это предлагали свои товары бочары. На прилавках ткачей рябило от обилия ярких тончайших заморских сукон. Рядом с аксамитом красовалась бело-красная браная ткань.⁸ В сторонке скромно лежали куски грубой холстины, рассчитанные на непритязательного покупателя.

Прочий неприхотливый, но крайне необходимый в быту товар находился на всех прилавках. И всюду между рядами, голосисто прицениваясь к приглянувшейся вещи, толпился нарядно одетый по случаю праздника простой народ.⁹

Ближе к монастырским стенам стояли ряды оружейников, ювелиров и торговцев дорогими заморскими винами. Здесь неспешно расхаживал знатный черниговский люд. Мужчины красовались в шитых золотом епанчах, на руках поблёскивали замысловатые золотые и серебряные кольца и перстни. Грудь женщин украшали стеклянные ожерелья с бронзовой подвеской. Витые, плетёные и пластинчатые браслеты охватывали тонкие холёные запястья. А височные кольца с ажурными бусинами из филиграни, отделанные эмалью и чернью колты (подвески), ниспадающие на грудь, томно и звонко побрякивали при движении, заглушая весёлый говор своих обладательниц.

Андрей, впервые попавший на городскую ярмарку из сельской глуши, вдруг растерялся. И с боязнью подумал, как-то ему будет в этом большом городе среди незнакомых людей? Одному, без батюшки и матушки. Ведь дома он знал всех живущих окрест в лицо. А кроме леса, куда хаживал с отцом за мёдом и драл лыко на лапти, ничего больше не видел. Совершенно подавленный от нахлынувших на него чувств, он теснее прижался к отцу и, толком не зная, что сказать, вдруг спросил, почему так чудно и непонятно называется град.

Молчан уже давно заметил растерянность сына, а потому неожиданному вопросу не удивился.

— Сказывают, что название это пришло к нам из давнины. Тогда город называли Чурнигов, а всё потому, что предки наши почитали идола Чура. Он охранял подво-

рья от всяких бед и напастей. Ведь и поныне мы его вспоминаем, когда хотим избежать лиха, и с верою восклицаем: «Чур, меня!». ¹⁰

Купив бочонок для воды, Молчан стал выбирать подарок для Рады и сторговал добрый лоскут яркой разноцветной материи. Довольный своей покупкой, Молчан направил лошадь к Детинцу, за его укреплениями находился Красный двор князя. Поскрипывая на неровностях мощёной булыжником недолгой улицы, вдоль неё возвышались нарядные одно- и двухэтажные каменные хоромы, телега пересекла по мостку полноводный ручей, впадавший в широкий и глубокий ров. За ним, на высоком земляном валу, возвышалась могучая дубовая крепость со сторожевыми башнями, смотревшими во все стороны узкими окнами-бойницами. Подъёмный бревенчатый мост на стальных цепях был опущен. Телега прокатила по мосту, и Молчан притормозил коня у железных ворот. Увидев на них большое металлическое кольцо, он соскочил с воза и несколько раз громко ударил кольцом в железные створы. Заслышав стук, из бойницы над воротами выглянул стражник в остроконечном шлеме. А когда Молчан объяснил ему суть дела, ворота со скрипом приоткрылись, и отец с сыном въехали на территорию княжьего града.

В Детинце

Только что закончилась праздничная утренняя служба. Красный перезвон церковных колоколов торжественно плыл над Детинцем, опускаясь к судовой пристани на Десне. Стлался над мирно покоившимися под белыми холщовыми парусами княжескими многовесельными ладьями и приземистыми купеческими насадами. Простирался над юркими, выдолбленными из цельного дерева,

лодчонками рыбаков. Баюкался над широкой рябью реки и замирал среди необъятных далей пойменных задеснянских лугов.

Стражник указал на заезжий двор, где подобало остановиться Молчану с сыном, а сам направился в княжеские покои с известием об их приезде. Андрею же не сиделось на месте и тайком от отца, прикорнувшего в ожидании княжеского ответа, он вышел со двора. Красив и зелен был княжеский град! Сквозь густую крону столетних дубов проглядывали очертания церквей. Вокруг соперничали своей дородностью и убранством терема бояр и старших княжеских дружинников.

Его поразили вид стоявшего рядом величественного собора. Стены, сложенные из тонкого красновато-коричневого кирпича с вкраплениями чёрного камня, будто пылали в лучах восходящего солнца. Змеились по ним рыжие волнистые линии, какие-то непонятные знаки и кресты. Над всей этой замысловатой вязью возвышался большой центральный купол, схожий с вальяжной княжеской шапкой, а четыре купола по бокам словно составляли ему охрану. Необычными были западная и южная башни собора. Андрей обратил внимание на узкие слепые оконца, выложенные в два яруса в стене западной башни. Одно из них ярко освещало солнце. Он поинтересовался у проходившего мимо монаха, что это за церковь, почему у неё две башни, и для чего служат эти «окна не окна» в стене. Тот с улыбкой ответил, что это Спасо-Преображенский собор, самый старейший и почитаемый в городе, а по оконцам узнают время. Солнце в определённый час освещает одно из них.¹¹ Из этой башни можно попасть на хоры, а другая башня — крестильня, в ней крестят новорожденных.

Расспросив подробнее о цели приезда, монах с

улыбкою благословил Андрея именем святого митрополита Константина,¹² сердечно сказав, что пусть этот день останется для него навсегда памятным и счастливым. И степенно направился к стоявшему рядом храму, совсем отличному от Спасо-Преображенского собора. Схожий с неприступной крепостью, он сурово смотрел на мир узкими окнами-бойницами, расположенными в два яруса. Над его отвесными стенами, разбитыми полосами на крупные блоки, возвышался свинцовый купол.

Андрей внимательно рассматривал полуколонны на стенах, вверху они заканчивались вырезанным в камне рисунком с изображением фантастических птиц и зверей. Обёрнутые головы крылатых хищников с оскаленными пастьми и хвосты, переплетённые в сложном замысловатом орнаменте, в котором затаились змеиные головы, — всё это поразило воображение подростка. Он недоумённо смотрел на чудный узор, а расспросить кого-либо стеснялся. Только узнал, что этот княжеский храм называется в память святых Глеба и Бориса.¹³

Кузнец Людота

Андрею очень хотелось пройти по Детинцу, всё ему здесь было любо и ново, однако побаивался далеко отходить от временного пристанища. А скоро пришёл княжеский холоп и без лишних слов дал знак следовать за ним. Отец с сыном прошли через раскрытые настежь ворота с небольшой надвратной церковью, на одной из створок Андрей успел заметить внушительных размеров железный квадратный замок.¹⁴ Войдя в Красный княжеский двор, они миновали каменную двухъярусную церковь с цветными стёклами на полукруглых окнах. С кованых церковных дверей на них строго взирал лик Иисуса Христа.

Одаль, на отшибе княжьего двора, стояла приземистая изба, объединённая в одно целое двумя срубам. Сруб поменьше представлял собой кузницу, которая имела отдельный вход со двора. Холоп открыл металлическую дверь в деревянной ограде и провёл гостей в мастерскую. Войдя, они увидели обнажённого по пояс, в холщовом переднике, рослого человека. Он хватко бил кувалдой по раскалённой пластинке металла, высекая из неё брызжущие во все стороны искры. Левой рукой кузнец сжимал длинные крючковатые клещи, удерживая на наковальне, вбитой острым концом в дубовый пень, отделяваемую заготовку. А за спиной у него подросток усердно работал мехами, накачивая воздух в жарко бушующий пламенем большой глинобитный горн.

— Вот, Людота, по княжескому повелению привёл к тебе отрока, будешь обучать своему мастерству, — холоп кивнул головой на Андрея.

Кузнец, не обращая внимания на вошедших, продолжал громыхать молотом, мерно побрякивая и поворачивая клещами раскаленную железку на наковальне, машистыми и частыми ударами придавая ей форму подковы. А когда работу закончил, быстро окунул подкову в бочку с водой. И только тогда глянул в сторону ожидающих его посетителей. Окинув придирчивым взглядом Андрея, широко улыбнулся и доброжелательно произнёс:

— Добрым гостям всегда рады! Но ты хорошо подумал, когда решил стать ковалем? Труд наш усерден и тяжёлый, обречён на непокой. А всё потому, что кузнец, который выковал гвозди для распятия Христа, был осуждён к горестной вечной работе. Не боишься ли, хватит ли сил? Ведь в огне и железо надсядет! А ты совсем юн, если

нет уверенности в своём призвании, так нечего и за дело браться!

— Не запугивай напрасно дитя, Людота! — вмешался в разговор Молчан. — Не умаляй свой труд. Ведь кузнец, как ведают люди, может сковать не только серп или меч, он может сковать судьбу. В давние времена ловкий кузнец поймал кровожадного Змея клещами за язык и запряг в плуг. На нашей земле по сию пору сохранились валы, которые он пропахал на этой зверине.¹⁵

Андрей же, переминаясь с ноги на ногу, потупив взор, твёрдо ответил:

— Нет, не боюсь, хочу научиться твоему мастерству — делать мечи харалужные,¹⁶ крепкие, чтобы исправно служили нашему князю, не одну вражью голову поскепали¹⁷ в битве. Стяжали князю и дружине честь, а мне, ковалю, славу!

— Что ж, стремление твоё похвально! Добрый меч прирати дорожке злата! А ты, вижу, отрок славолубивый, но чтобы освоить мастерство оружейника, тебе понадобятся долгие годы. Раз пошел в услужение ковалю, обязан тяжко трудиться, терпеть и огонь, и нужду.

Людота вынул из бочки с водой закалённую подкову и протянул Андрею.

— Вот, поддержишь, дабы не сглазить! Кузнецы молвят: куй железо, пока кипит! Выкуем из тебя славного мастера, люб ты мне с первого взгляда! А в людях, поверь мне, за долгие свои годы научился я разбираться!

Андрей знакомится с княжичем Михаилом

В кузню зашёл княжич Михаил в сопровождении боярина Фёдора. Увидев важных посетителей, все присут-

ствующие низко склонили головы. А княжич обратился к ковалю.

— Людота, ты выполнил мою просьбу, сковал мне булатный меч?

— Просьба твоя, княжич, исполнена в срок. Сейчас узришь.

Людота кивнул мальчонке-подручному. Тот юркнул в подсобное помещение и вынес из него небольшой кованый меч. Кузнец с низким поклоном преподнёс его княжичу. В сполохах отсвечивающего из горна пламени Михаилу привиделось, что по ложбинкам обоюдоострого, в волнистых узорах, лезвия стекает кровь. Отступив на шаг, он встрепенулся, вскрикнул и резко взмахнул мечом, как бы рассекая надвое невидимого врага.

— Добрый клинок ты сковал, Людота, — восхищённо сказал княжич. — С таким мечом не страшны мне никакие обидчики!

Он любовно провёл ладонью по лезвию и пристально всмотрелся в причудливый узор с позолотой и чернью на серебряной рукояти меча. Потом передал меч Фёдору. Боярин, напрягшись, согнул лезвие и живо откинул руку. Лезвие, тонко зазвенев, распрямилось.

— Да, ловкий мастер Людота, — подтвердил Фёдор, — любо-дорого взглянуть на такую работу.

— Не захваливай, боярин, — отозвался Людота, — не сам ковал, какой Бог дал!

Фёдор всмотрелся в тихо стоявших в сторонке Молчана и Андрея.

— Вспомнил я тебя, смерд, ведь это ты намеренно окоротил коня княжича на лугу? А это твой отрок, за которого ты просил князя?

— Боярин, ты не ошибся! Я и есть тот самый смерд,

а это мой сын Андрей, по княжьей милости привёз его в обучение ковалю Людоте.

Людота в знак согласия кивнул головой.

— Парень смыслённый и крепкий, думаю, толку нашего прибыло!

Княжич Михаил с благодарностью посмотрел на Молчана. Сняв с себя нательный золотой крестик, он подозвал Андрея.

— Пусть это будет память о поступке твоего отца и обо мне.

— Твой отец верою и правдою служит князю Всеволоду, — отозвался боярин Фёдор, — Богу угодно, чтобы и ты продолжил это обыкновение. Всегда помни, что ты сын своего отца, и что бы в жизни твоей не случилось, не посрами честь и славу своего рода! Верою и правдою служи княжичу Михаилу, впереди у вас долгая и строгая жизнь. Ещё не однажды понадобится княжичу твоя преданность. А желание твоё похвально, коваль Людота взрастит из тебя великого мастера!

После такого напутствия, забрав меч, княжич Михаил вместе с боярином Фёдором покинули кузню.

В Елецком монастыре

Оставив сына у Людоты, Молчан заехал в Елецкий монастырь, чтобы приложиться к иконе Елецкой Божьей Матери. Решил попросить Богородицу, дабы не оставила Андрея своим вниманием и всегда была благосклонна к его судьбе. Монастырь, огороженный глубоким рвом и крепкими стенами, находился на высоком обрывистом берегу, под которым протекала река Стрижень, впадающая недалеко от обители в Десну.

По преданию, на окраине города, на поросшей густым

хвойным лесом горе, прохожие заметили ослепительное сияние. Когда стали искать причину этого дива, увидели на ели икону Божьей Матери с младенцем на руках. На месте обретения чудотворного образа черниговские зодчие возвели монастырь и церковь Успения Пресвятой Богородицы.¹⁸

Молчан остановился возле Успенской церкви и долго любовался её строгим, без архитектурных излишеств, обликом. Высокие отвесные стены, украшенные резным орнаментом, приземистый полукруглый купол и покрытые «оловянными таблицами» (листами олова) своды, внушали благоговение. Перед тем, как войти, он щедро подал нищим и каликам перехожим, вечно теснившимся у входа на паперти.¹⁹

Солнечный свет радужно преломлялся в цветных стёклах узеньких окон и рассеивался, создавая в храме таинственный полумрак. Пред образами горели свечи, а строгие лики, взирающие с иконостаса, невольно настраивали обременённую несладкой жизнью душу Молчана на высокие, хотя и не вполне ясные думы, что неуклонно пробуждались и росли в глубине его естества. Его взгляд скользил по стенам и сводам, разрисованным тёплыми яркими красками. Он долго с благоговением стоял перед фреской²⁰ «Успение Божьей Матери» и его утихомиренная душа устремилась за пределы храма, в высокие и заоблачные дали, где, по разумению Молчана, обитал Бог.

Осторожно ступая по выложенному цветными шиферными плитками полу, он подошёл к чудотворной иконе Елецкой Божьей Матери, затеплил перед нею свечу и, встав на колени, стал усердно молиться.

— Пресвятая Богородица, прими моление недостойного раба твоего. Не оставь отрока моего Андрея своим

вниманием. Отверни его от узилища²¹ и наставь на путь праведный. Будь ему помощницей и защитницей, накрой его от всех бед своим омофором.²²

Помолившись, он вышел в притвор и подошёл к фреске, изображавшей молящуюся Богоматерь.²³ Перед ней в юные годы часто молился черниговский князь Святослав Давидович, прозванный за свою набожность Николой Святошей.²⁴ А пока Молчан зажигал и ставил перед иконой свечу, из часовни, расположенной на хорах, спустился епископ Порфирий — глава черниговской епархии, одной из самых давних и больших на Руси.²⁵ Епископ в сопровождении бояр остановился недалеко от Молчана. И тот стал невольным свидетелем разговора Порфирия со своим окружением.

— Грустно мне на душе, беспокойно нынче на рубежах нашего княжества. А виной тому сиверский князь Игорь. Опрометчиво он поступил, когда затеял полк в Половецкую степь. Алчность затмила ему разум, Святослава Киевского решил обойти. Дружину свою, аки былинку пред лицом ветра, положил в поле неизвестном. А сам, неразумный, пересел со злата седла в кощеево.²⁶ Зло сотворил Русьской земле, часто стали её воевать степняки. Князь Владимир Глебович²⁷ храбро ратовал с ними, но уязвили его половецкие копыя. Раны были тяжкие, и праведная его душа покинула нас.

— Владыка, я был тогда в Переяславле, — ответил монах, сопровождавший епископа, — и знаю, как плакали переяславцы по своему князю.²⁸ Напрасно Игорь ополчился на Поле, только разбудил ярость половецкую. Ведь мир был у нас с ними. Всем ведомо, что дочь Кончака была просватана за Владимира, сына Игоря. Знать, дьявол прельстил князя, что заратился со своим сватом.

Владыка Порфирий, беседуя с боярами, вышел из церкви. Молчан, помолившись у иконы Богоматери Оранты, заглянул в монастырскую лавку и купил два серебряных нательных крестика, взамен старых, которые он вырезал из липы ещё до венчанья с Радой. Аккуратно завернув покупку в тряпицу, бережно спрятал её в потайном разрезе на пояском ремне. Потом вышел на подворье, отвязал послушно ожидавшую его лошадь и неспешно выехал из монастыря.

Проехал мимо большого кургана, именуемого Чёрной могилой,²⁹ минул весь город, и лишь только на выезде задержался у приземистого сруба. Яркая вывеска, на которой были малёваны добрый молодец с кружкой в руке и жареная курица, настойчиво зазывала в питейное заведение. Молчан, проголодавшись, решил завернуть, чтобы за чарой хмельного мёда отметить своё расставание с сыном. Привязав лошадь и кинув ей охапку сена, он вошёл в харчевню.

Неприятная встреча в пивнушке

Окликнув хозяина заведения, Молчан заказал обед и добрую порцию хмельного. Подсутившись, дородный харчевник поставил на стол братину с мёдом и жареную курицу. Уверяя, что кур вкуснее нет нигде в городе, а меда у него знатные, настоянные сорок лет на разных травах. Слава о них ширится по всей округе. Сам князь Всеволод, выезжая на охоту, всегда здесь останавливается, а изведав мёда, разнюхивает.

Молчан, внимая словоохотливому хозяину, пригубил мёд и стал закусывать курицей. К нему подсел неприятной внешности одетый в рубище человек, со свалывшими жирными волосами и потёртой медной серьгой в ухе.

Наклонив через стол худое, дико заросшее щетиной лицо, незнакомецдохнул перегаром и на правах завсегдатая потребовал мёда.

— Вяхирь, сложи свои крылышки и не приставай! — осадил беспутного харчевник. А когда Вяхирь послушно отошёл, презрительно произнёс:

— Не обращай, дядя, внимания. Гультай, пропащий человек! Пропил свою одежду, дал ему взамен рубище.

Уловив недоумённый взгляд Молчана, добавил, что давно бы выпроводил, да иногда этот гулёна помогает по хозяйству за глоток мёда и похлёбку.

А за соседним столиком шумела компания. Медвежьей стати мужик, услышав, как хозяин обошёлся с Выхирем, подозвал его, повелительно махнув рукой компаньонам. Те, потеснившись, дружелюбно усадили бедолагу рядом с собой. Кто-то хмельно выкрикнул:

— Присаживайся, милоч, в ногах правды нет!

— Правды нет на всём белом свете! — отозвался Выхирь.

— А ты в церковь сходи, батюшка тебе объяснит, где нужно её искать. Али ты безбожник, что крестика на тебе не вижу? — насмешливо отозвался громила, которого присутствующие уважительно называли Кормильцем.

— Пропил крестик, — бесшабашно ответил Выхирь. — А что ризники? Чётки на руке, а девки на уме. Поп в нашем приходе свят лицом, а похабен обычаем. Сколько девах испоганил! Зато о Боге рассуждать силён. А попробуй-ка к нему подступись! За всё ему неси: и молоко, и яйца, и птицу. Крести — давай, женись — давай, умирать собрался — тоже давай! Неужели этого требует Бог? Нет Бога! Да и жить хочется сейчас, а не в сладком выри!³⁰

— По девкам не обмирай. Девки убавилось, бабы при-

бавилось! Вижу, омрачился ты помыслами своими. Эх, отвяжись худая жизнь, привяжись — хорошая!

Кормилец, юродствуя, перекрестился и велел подать Вяхирю ложку. Придвинул ему миску с варевом из гороха и сала. Быстро глотая, Вяхирь насытился, потом аккуратно собрал со стола крошки и кинул в рот.

— Спасибо за хлеб-соль честной компании! Теперь и сплясать можно! — помявшись, он обратился к Кормильцу. — Эх, выпить хочется, может, нальёшь в долг? Отработаю.

— В долг не наливаю, а вот как заработать, подскажу.

— С радостью приму твоё предложение.

— Работа не тяжёлая, не убоишься ли? — пытливо посмотрел Кормилец на Вяхиря.

— А ты опробуй в деле. Зря языком трепать, что деревом рубить по железу!

Кормилец ухмыльнулся и подмигнул приятелям. Вяхирю налили полную ендову³¹ браги.

— Пей, отчаянный человек, разговор будет позже.

Схватив ендову и прищулив глаза, Вяхирь стал жадно глотать, а когда осушил посудину, растянул в блаженной улыбке губы. Кормилец, увидев, что случайный товарищ быстро хмелеет, переглянувшись с друзьями, потянулся к нему через стол и жарко задышал в ухо.

— Вот тот человек, — он указал пальцем на занятого едой Молчана, — не оказал тебе чести, не усадил с собой. А сам сытно ест и пьёт. Скупяга! Такому человеку не грех убавить веку! Чего жалеть, как считаешь?

Осоловевший от выпитого Вяхирь только согласно кивнул головой. Правда, пытался что-то пролепетать о законе, преследующем такое лукавство.³²

— Аль боишься? А ты не страшись, никто не узнает.

Да и мы подсобим. А что закон? Отчаянному человеку не страшен!³³ Потрясём немного, опомниться не успеет. На похмелку всем нам хватит. Живи — не скупись, с друзьями веселись! Ну что, согласен? Тогда по рукам!

Кормилец стиснул своей огромной ручищей дрожащую руку Вяхиря и затряс, потом кивнул напарникам. Подхватив под руки совсем опьяневшего Вяхиря, компания быстро оставила харчевню.

Плотно пообедав и пригубив изрядную долю хмельного, Молчан подозвал харчевника, поблагодарил за угощение и рассчитался. Видя, что тороватый посетитель собирается уходить, хозяин предложил остаться.

— Куда собрался? Солнце заходит, на дворе непогода разыгрывается! Может, заночуешь? Полати застелены мягко, почивать будет сладко! А утром отправишься в путь-дорогу.

— Не кисейный, не намокну, — разгорячённый хмельным, бездумно ответил Молчан, — Рада ждёт не дожётся, хочу обрадовать жёнушку. Да и путь недалёк!

Слегка пошатываясь, он вышел из харчевни и пошёл к лошади.

— Ну что ж, добрый человек, езжай с миром! Везучей тебе дороги!

Разбойники напали на Молчана

Угрюмые тучи заполонили весь небосвод. Задул холодный, пронизывающий ветер. Придорожные сосны тревожно раскачивались и поскрипывали, сцеплялись кронами. Молчан, сожалея, что не внял дельному совету, поёжился и плотнее укутался в душегрейку. Хмель мигом прошёл, занепокоилось сердце. Чтобы унять тревогу, обратился к лошади, сказывая, как будет довольна Рада, когда

он вернётся домой с добрыми известиями о сыне и подарками.

Стало совсем темно. Недалеко от княжеского сельца, где проживал Молчан, лесная дорога сузилась, спускаясь в сырой, разбитый колёсами телег и копытами лошадей неглубокий овраг. Вязкая глина комьями наматывалась на колёса. Молчан натянул вожжи, придерживая лошадь. Вдруг кобыла громко заржала и шарахнулась. Воз накренился. К нему метнулось несколько теней, ночную тишину вспорол резкий заполосный крик: «Стой!». Здоровенный мужик схватил под уздцы лошадь. «Тати!», успел подумать Молчан и спрыгнул с воза. Сжав кулаки, кинулся на разбойников, но чем-то тяжёлым ударили по голове. Обмякнув и потеряв сознание, он упал.

— Ловко, ты его, Вяхирь, — одобрительно прогудел Кормилец, сдерживавший испуганную лошадь, — обыщи, не мешкай, и уносим ноги!

Вяхирь дрожащими руками снял с валявшегося в грязи беспамятного Молчана душегрейку и пояс. Торопливо завалившись на воз, настёгивая кнутом обезумевшую лошадь, грабители помчались в ночь.

«В один день две радости не живут»

Очнулся Молчан от моросившего холодного дождика. Болела голова и знобило. Еле поднявшись, чертыхаясь в душе, что так глупо влип в передрыгу, постанывая и опираясь на подобранную палку, побрёл в село. Уже светало, когда он постучался в дверь родного дома. Увидев полураздетого, в кровоподтеках и ссадинах мужа, Рада, всплеснув руками и, схватившись за сердце, только и промолвила:

— Ох, Господи! А что с Андреем?

— Не волнуйся, с ним всё ладно!

— Да что же с тобой случилось?

Молчан, морщась от боли, скупно поведал о событиях долгого летнего дня, когда покинул родной порог с Андреем.

— Вот и привёз тебе гостинцы...

— Татым впрок они не пойдут! Слава богу, хоть до смерти не забили! — со вздохом ответила Рада.

Растопив печь и нагрев в корчаге воду, слила её в корыто, осторожно омыла распухшее лицо и тело мужа. Помогла ему переодеться в чистое бельё и бережно уложила спать. А когда, постанывая и скрежеща зубами, Молчан уснул, прикорнула рядом, тихо и горестно промолвив:

— Недаром говорится: «В один день две радости не живут».

Примечания

1. Руськое море — Чёрное море

2. «Слово о погибели Руськой земли»: «Древнерусская литература», хрестоматия, сост. И.И.Прокофьев, изд. второе, дополненное. М.: «Просвещение», 1988, с.145-146. До наших дней дошёл только отрывок из этого произведения. Он сохранился в качестве предисловия к списку жития Александра Невского.

3. Болдины горы (старославянское «болд» — «дуб») — высокая холмистая терраса правого берега Десны, густо поросшая в древности дубовым лесом.

4. Древнейшая укреплённая часть города, расположенная на возвышенном месте у впадения правого притока реки Стрижень в Десну, получила название Детинец. Здесь находился княжеский Красный двор, церкви, дома бояр, хозяйственные постройки.

5. В «Повести временных лет» говорится о договоре Олега с Византией (907). По нему греки обязались «давати уклады на города руськие... первое на Киев, а также на Чернигов...».

6. Территорию древнего Чернигова составляли: Детинец, («днешний град», площадью 16 га); Окольный град (торгово-ремесленный посад площадью 40 га); Третьяк (юго-западная часть Окольного града до Елецкого монастыря, территория 20 га); Предградье (88 га) и Подол (поселение под Болдыными горами вдоль древнего русла реки Стрижень, площадь — не менее 50 га). Все части города были обнесены глубоким рвом и земляным валом высотой 4-5 метров, укреплены высокою «острожною стеной» — частоколом. Детинец имел мощную деревянную крепость с башнями.

При проведении земляных работ в 80-х гг. XX ст. (ра-

йон просп. Мира и ул. Пролетарской), обнаружили остатки рва Окольного града. Его глубина составляла 5-7 м, ширина — 18-22 м. Елецкий Успенский монастырь имел самостоятельную линию укреплений, не менее 800 метров по периметру. В описываемый период Чернигов занимал площадь 240 га (по другим данным — не менее 500 га). В настоящее время — 8869 га.

7. Церковь святой великомученицы Параскевы-Пятницы (к. 12 ст.-н. 13 ст.). По одной из версий построена зодчим Петром Милонегом. Считается шедевром поздней древнеруськой архитектуры.

Святая Параскева (III в.) приняла мученическую смерть за веру при римском императоре Диоклетиане. Считается покровительницей торговли и семейного благополучия.

8. Брань, браная ткань — старинная узорчатая, бело-красная ткань.

9. В описываемое время существенных различий в одежде мужчин и женщин не существовало. Мужской костюм состоял из шерстяных штанов, короткой рубахи из грубого домотканого полотна — «рубища» (отсюда — рубаха) и лаптей.

Рубашки отличались покроем, наиболее распространённый тип — косоворотка с разрезом на левой стороне ворота. В зависимости от достатка владельца рубахи пуговицы могли быть деревянными, костяными или медными. Мужчины подпоясывались узким кожаным поясом с фигурными металлическими бляшками, на котором прикрепляли шнурками ключи, нож и другие, необходимые в быту мелочи. Поверх рубахи мужчины и женщины надевали свитку, зипун, плащ. Существовало несколько видов плащей.

Вотола (ватула) — верхняя льняная или шёлковая одежда (накидка) длиною до колен или икр, могла иметь капюшон. Носили её простые люди и князья. Княжеская

вотола шилась из дорогой ткани и отличалась застёжкой — золотой фибулой. Простолюдинам застёжкой служила тесёмка или пуговка.

Мятель (мятль, мятля) — вторая разновидность тёплой верхней одежды, по покрою схожа с корзно.

Корзно — длинный княжеский плащ прямоугольной или округлой формы с яркой подкладкой, сшитый из дорогих заморских тканей. Застёгивался на правом плече застёжкой — фибулой. Украшался меховой опушкой и галунами. Корзно покрывал своей полрой только левую руку, правая оставалась свободной.

Простой народ (мужчины и женщины) наматывал на ноги онучи из холстины и обувал плетёные из лыка липы и др. деревьев лапти, кто побогаче — ходили в сапогах из свиной кожи. Состоятельные горожане обували кожаные туфли (поршни), княжеская семья ходила в разноцветных, украшенных инкрустацией, мягких сафьяновых сапожках, выделанных из шкур коз и овец.

Распространённым головным убором являлись высокие остроконечные колпаки, шитые из сукна или войлока. Часто мужчины носили серьгу в ухе.

Суровой зимой простой люд надевал тёплые шапки и шубы из овчины, а знатный — из мехов куницы, лисы и соболя, шубы в то время носили мехом внутрь. Мужчины и женщины носили валенки, называли их катанками или катанцами.

Женщины разного возраста носили понёву или длинную белую, красную рубашку с долгими рукавами и украшенными запястьями. Носили сарафан — длинное платье без рукавов, которое застёгивалось снизу доверху на пуговицы. Свои одежды женщины украшали разноцветной вышивкой, различными бусинками.

Незамужние девицы носили длинные, ниже пояса, косы.

Волосы на голове были забраны тонкой серебряной или бронзовой лентой, простые девушки носили повязку. Часто на голову надевали венец, сделанный из коры или кожи, который мог быть с треугольными, четырёхугольными зубцами. Такой обруч-венец назывался очелье.

Замужние женщины обязательно покрывали голову сначала повойником, потом убрусом. Повойник — чепец, который плотно стягивался на затылке. Убрус — белый или красный платок из шерсти или холстины, сложенный треугольником. Надевался поверх повойника, концы платка опускались под подбородок, скалывались и украшались. Нередко поверх убруса женщины надевали такие же, как у мужчин, шапки.

В зависимости от достатка к головному убору на лентах или ремешках подвешивали височные кольца со стеклянными, янтарными, реже каменными бусинами.

См.: Большая Советская Энциклопедия, изд. 3, том 2; Рабинович М.Г. Древнерусская одежда IX-XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. — М., 1986.

10. Гипотезы, что название Чернигова произошло от имени языческого славянского божества Чура, охраняющего жилище от нечистой силы, придерживается черниговский учёный, доктор философских наук, профессор А.В. Личковах.

11. Полукруглые ниши в стене левой башни Спасо-Преображенского собора считал солнечными часами известный черниговский художник и краевед Г.И. Петраш (1901-1985).

12. Митрополит Константин (+1159) был изгнан из Киева и последний год своей жизни провёл в Чернигове. Канонизирован РПЦ как местночтимый святой. Во времена Киевской Руси считался покровителем города. Похоронен в Спасском соборе.

13. Борисоглебский храм (первая треть XII ст.) — родовая усыпальница черниговских князей Давидовичей. Заложен Давидом Святославичем, внуком Ярослава Мудрого. Построен в романском стиле. Назван в память святых благоверных князей Бориса и Глеба, убитых в 1015 году в борьбе за власть братом Святополком, прозванным за убийство Окаянным. Первоначально храм назывался Глебоборисовским, так как князь Давид в крещении был наречён Глебом.

Дивный «черниговский зверь» на капителях полуколонн Борисоглебского храма — языческое божество южных славян Семаргл (Симаргл). Один из богов пантеона великого киевского князя Владимира Крестителя. Изображался священным крылатым псом, охранявшим семена и посевы (версия академика Б.А. Рыбакова), считался посредником между землёй и небом. В настоящее время фрагменты древних капителей экспонируются в музее Борисоглебского храма. При реставрации (середина XX ст.) заменены копиями из оргстекла.

14. При раскопках на территории княжьего двора черниговские археологи нашли большой железный замок, остатки надвратной церкви и двухъярусной княжеской церкви с фрагментами мозаики.

15. Молчан говорил о древних «Змиевых валах» — оборонительных земляных сооружениях, проходивших южнее Киева по обоим берегам Днепра и вдоль его притоков.

16. «Харалуг» (старорусск.) — сталь.

17. Поскепать (старорусск.) — пощипать, рассечь. «Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьския...». «Слово о полку Игореве». М.: «Книга», 1988, с. 13.

18. Елецкий мужской монастырь возведён при черниговском князе Святославе Ярославиче (1060). В монастырском синодике записано: «Помяни, Господи, благочестивого кня-

зя Киевского и Черниговского Святослава Ярославича, иже созда монастырь Пресвятой Богородицы Елецкой».

Однокупольный собор Успения Пресвятой Богородицы построен позже (вт. пол. XI ст.-н. XII ст.). Однотипен с черниговским Борисоглебским храмом. После реконструкции (к. XVII ст.) собор стал пятикупольным. К нашему времени сохранилось четыре купола.

19. «Калики перехожие» — слепые странствующие певцы.

20. Фреска (итал. «fresco» — «свежий») — роспись стен водяными красками по сырой штукатурке.

21. Узилище (старославянск.) — темница, тюрьма.

22. Омофор (греческ.) — «носимое на плечах». Часть епископского облачения, надеваемого на плечи. «Накрой его своим омофором», т. е. возьми под свою защиту.

23. Икона Божьей Матери с приподнятыми руками и раскрытыми ладонями получила название «Богоматерь Оранта» (от латинского «orans» — «молящийся»).

24. Преподобный князь Святослав (Панкратий) Давидович (1070-1143), сын черниговского князя Давида Святославовича. В 1106 году постригся в монахи Киево-Печерской лавры с именем Никола, свои богатства раздал монастырям. «Ибо я обнищал ради Христа, чтоб приобрести Христа». В Киево-Печерской обители Никола Святоша подвизался до самой смерти (36 лет) и заслужил безмерное уважение всей монашеской братии и киевлян. Канонизирован РПЦ.

25. Черниговская епархия основана в 992 году, первоначально называлась Черниговской и Рязанской. Долгое время была самой обширной и второй по значимости (после Киевской) на Руси.

26. «Пересел со злата седла в кощеево». Так в «Слове о полку Игореве» говорится о пленении князя Игоря Святославовича половцами. Речь епископа Порфирия

показывает, что он хорошо знал «Слово о полку Игореве» и был знаком с его автором.

27. Князь Владимир Глебович Переяславльский (1157-1187). Из рода Мономашичей, внук Юрия Долгорукого. Оборонял Переяславль от половцев после неудачного похода в Половецкую степь новгород-северского князя Игоря. Был тяжело ранен и, недолго проболев, умер.

28. В Ипатьевской летописи в связи со смертью князя Владимира Глебовича Переяславльского впервые говорится об Украине (1187). «О нём же Оукраина много постоина». Так названо Переяславское княжество, пограничное (окраинное) с Половецкой степью.

29. Курган Чёрная Могила (X ст.) является самым большим из сохранившихся курганов на территории Восточной Европы. Первоначальная его высота составляла 11 м, диаметр основания — 40 м. Находится рядом с Елецким женским монастырём.

30. Вырий, по поверьям восточных славян, — тёплый край, где вечная весна, обитают птицы и души умерших.

31. Ендова — старинная широкая чаша с носиком, предназначенная для напитков.

32. Вяхирь имел в виду «Руськую Правду» — первый письменный свод законов Древней Руси, регулирующий отношения между людьми в государстве. Законы стали записывать при Ярославе Мудром. В 1072 году сыновья Ярослава (Изяслав, Всеволод, Святослав) дополнили свод новыми законами, которые получили название «Правда Ярославичей».

33. «А что закон? Отчаянному человеку не страшен!». Намёк, что «Руськая правда» не предусматривала смертную казнь за убийство. За тяжелые преступления конфисковали всё имущество, изгоняли виновного из общины или лишали свободы — сажали в «поруб».

Глава третья

Зрелые годы

Русь в XII столетии

В начале двенадцатого столетия Черниговское княжество было самым обширным и занимало земли многих областей современной России (Владимирской, Калужской, Московской, Тульской, некоторых других) и Беларуси. Подобно лезвию копья вытянулось оно в северо-восточном направлении, от исконно русских сиверских земель вглубь земли вятичей, вплотную подступая к новому имени князя Юрия Долгорукого — Москве.¹

Половецкие набеги, непрестанно терзавшие Южную Русь, вынуждали население уходить на север. Здесь, в некогда малообжитом и труднодоступном междуречье Десны и Оки появились богатые княжеские и боярские имения. Постепенно сюда перемещался центр экономической жизни. На колонизованных землях русичи обратили обитавшие здесь финно-угорские племена в православную веру. Привнесли в общение с ними свой язык и свод русских законов. И стали называть этот край, как и свою родину, Русью.

С годами из состава Черниговского княжества выделилась Муромо-Рязанская земля (1127) с центром в Муроме. Немногим позже обособилось Рязанское княжество, однако на протяжении всей своей истории сохраняло тесные связи с Черниговом. Не в последнюю очередь благодаря крепким родственным узам черниговских и рязанских княжих дворов. Разделилась и Черниговская епархия. На её огромной территории образовались и стали самостоятельными Рязанская (1118) и Смоленская (1137) епархии. А почти через столетие обособилась Владимирская (1214).

Черниговские князья играли выдающуюся роль в истории древнерусского государства. Честолюбивые Святославовичи активно вмешивались в общерусские дела и нередко претендовали на власть в Киеве.

Первым «ударил копьём» в киевские Золотые ворота (1139) энергичный князь Всеволод.² Его бурная деятельность вызвала недовольство Мономашичей (потомков Владимира Мономаха). Даже родные братья, Святослав³ и Игорь, почувствовали себя обиженными и потребовали свою долю в Черниговской земле. Но враждебное окружение не смутило князя. Неутомимый и деятельный, он сумел объединить большинство русских земель. Мономашичи, скрепя сердце, вынуждены были признать старшинство Всеволода Ольговича на Руси. Семь лет провёл воинственный князь в Киеве. Предчувствуя скорую кончину, он завещал власть своему брату Игорю. Но киевское княжение Игоря оказалось недолгим и трагичным.⁴

За тридцать лет в столице Руси сменилось немало князей. Сюда рвался Юрий Долгорукий, стремились Ростислав Смоленский,⁵ Изяслав Черниговский,⁶ Мстислав Волынский⁷ и другие, менее значительные князья. Они ратничали, а Южная Русь скудела богатством и людьми. Значение Киева как политического и экономического центра неуклонно падало. Политическая жизнь тяготела к новым, бурно развивающимся центрам ремесла и торговли: Владимиру на северо-востоке и Галичу на западе Руси. Но в сознании народа древняя столица продолжала оставаться законодателем культурных и духовных традиций русского общества.

В году 1169 Киев захватил владими́ро-суздальский князь Андрей Боголюбский,⁸ внук Владимира Мономаха. В сговоре с другими русскими князьями и половцами он

подверг его опустошению. Одной из причин такой жестокости стала казнь в Киеве владимирского епископа Феодора.⁹

Русь сокрушалась неурядицами. Княжеская ненависть густо растекалась по городам и весям. Народ скорбел. Камню легче было всплыть на реке, чем примирить власть имущих. Борьба за власть помутила рассудок князей. Про таких на Руси с горечью говорили: «Безумных не сеют, не пашут, в житницу не собирают — сами рождаются».

В тяжкую годину в Киеве правили черниговский князь Святослав Всеволодович¹⁰ и Рюрик Ростиславович.¹¹ Думвират Ольговичей и Мономашичей оказался жизнестойким. Они повели решительную борьбу с кочевниками. Объединённый поход русских дружин (1184) в степь закончился убедительной победой. В плен попало семь тысяч половцев вместе с ханом Кобяком. «И пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой».¹² Русичи ликovali, но скоро радостное настроение сменилось всеобщим унынием.

Зависть к успеху двоюродного брата ослепила разум новгород-северскому князю Игорю Святославовичу.¹³ Решил он «поискать Тмутаракани града», давно уже утерянного русского княжества. Но надежда на лёгкую добычу оказалась призрачной. Дружины Игоря и его брата курского князя Буй Тур Всеволода потерпели тяжёлое поражение на берегах неведомой степной реки Каялы (от глагола «каяться» — «жалеть», «печалиться»). Князь Игорь попал в плен. Вместе с ним испили горькую чашу бесчестья сын Владимир, брат Всеволод и племянник Святослав Рыльский. Никогда прежде русские князья не испытывали такого позора! «И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей».¹⁴ Хищниками растеклись половец-

кие орды по Руськой земле. Степняки сжигали города и погосты, а жителей убивали и угоняли в рабство.

В эту тяжкую годину князь Святослав Всеволодович в печальном раздумье о судьбе родной земли произнёс в Киеве своё знаменитое слово. Он укорял Игоря за несвоевременный поход в степь и призвал влиятельных родственников со всей Руси прекратить усобицы, чтобы объединиться для борьбы со степняками. Современники слышали его горячий призыв, но глубоко не осознали. Разве возможно находиться в середине бурного потока и знать, куда он вынесет?

Князь Святослав умерил воинственный пыл кочевников и сумел обеспечить надёжность торговых путей с Южной Европой. Его плодотворная деятельность как великого киевского князя получила высокую оценку современников. «Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу».¹⁵ Святослав Всеволодович стал последним крупным политическим деятелем из рода Ольговичей на Руси.

«Это моё, и то моё тоже!»

Тринадцатое столетие от Рождества Христова Русь встретила в феодальных войнах. А на далёком Востоке уже возшла жестокая звезда Чингисхана. Неумолимые монгольские воины плавали в крови покорённых народов, монгольские военачальники вынашивали замыслы раздвинуть жизненное пространство далеко на заход солнца.

А русские князья всё продолжали блюсти свои удельные интересы, ссорились и выходили на рать. Борьба за Киев то утихала, то обострялась с новой силой. Непомерные княжеские амбиции легли тяжёлым ярмом на плечи народа. Княжества из-за постоянных династических распрей дробились на мелкие уделы. Только в киевской земле та-

ких насчитывалось десять, не меньше было в черниговосиверском крае. Великая Русь времён Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого превратилась в рассечённую на мелкие лоскуты державу.

Черниговский князь Всеволод Чермный (Рыжий) не обладал выдающимися способностями своего отца Святослава Всеволодовича, но родовая традиция подталкивала его к борьбе за Киев. Он выгнал Рюрика и сам стал великим киевским князем. Ему же отдал свой черниговский стол. Княжеские интриги вызвали недовольство родных братьев и сына Михаила Черниговского. Тот считал себя обделённым, ведь отец лишил его родного Чернигова.

Как Русь дробилась на мелкие княжества, так мельчали помыслы и стремления русских князей. «Это моё, и то моё тоже!», — говорили князья друг другу. И вместе, и порознь «несли» руськую землю. Мельчали и великие киевские князья. Утратив былую дедовскую славу, про малое молвили: «Это великое...». Непродолжительное пребывание Всеволода Чермного в Киеве не оставило яркого следа в руськой истории.

Главным богатством Руси во все времена был хлеб. Не одно поколение русичей упорным трудом отвоёвывало землю у дремучих лесов. Деревья валили, оставляли сохнуть до следующего года, потом сжигали. Полученное поле распахивали деревянной сохой с металлическим зубом. Засевали пшеницей, рожью, ячменём, овсом, просом. Тяжкий труд смерда оплачивался скудным урожаем. Он едва превышал в четыре раза посеянное.

А нужно было кормить семью, нести многочисленные повинности в пользу князя. Нельзя было забывать и бояр, а церковь требовала свою лепту. Смерд сызмальства привык к тяжкой доле и особо на судьбу не сетовал. Ведь князь

с дружиной обеспечивали безопасность его семьи и хозяйства, а церковь освящала устоявшийся с библейских времён уклад жизни. Прочный и незыблемый в представлении христианина до самого судного дня.

Поле русской печали

Судный день оказался не за горами. Год 1223-й круто изменил привычный уклад жизни в Русьской земле. Половецкий хан Котян, родственник галицкого князя Мстислава Удалого,¹⁶ принёс грозную весть о монголах.¹⁷ Половцы уже испытали на себе жуткую силу татарской «тьмы» и поняли, что их привольная степная жизнь под угрозой: «Сегодня они побиили нас, а завтра побьют вас!». Князья решили помочь своим давним неприятелям и сватам (многие русские князья женились на половецких княжнах). Собрались на снем (съезд) в Киеве и решили сообща выступить против неведомого доселе врага. В походе приняли участие киевские, черниговские, галицкие и волынские дружины. Полки северо-восточной Руси вовремя не успели, и уже под Хортицей к огромному пешему и конному войску русичей присоединилась половецкая конница.

Такой поворот событий не устраивал монголов. Они попытались хитростью разобщить силы русских и степняков. К великому киевскому князю Мстиславу Романовичу¹⁸ прибыли послы со словами, что монголы воевать с русичами не желают, а хотят проучить своих конюхов. Так презрительно называли они половцев. Тонкую восточную дипломатию князья оценили своеобразно: приказали послов изрубить. Мосты были сожжены. Расправа с послами означала только одно — войну. В этой преступной даже по законам войны расправе был замешан Михаил Всеволодо-

вич Черниговский. Монголы этого не забудут (запомним это и мы).

Войско монголов возглавляли опытные полководцы Субедей и Джебе. Монгольская конница умышленно отступила. Русичи увлеклись преследованием и попали в ловушку. Решающая битва произошла 31 мая 1223 года на реке Калке, притоке Кальмиуса.

Ещё во время похода между князьями вспыхнула котора (ссора), и русские дружины в решающую минуту остались без единого руководства. В критический момент битвы побежали половцы. Разгром был ужасным. На берегу степной речки полегло девять русских князей и только киевлян десять тысяч.

Великий киевский князь Мстислав Романович встал табором на холме и не спешил вступить в битву. Такое опрометчивое решение оказалось трагическим. Монголы, понимая, что лёгкой добычи не будет, предложили сдаться и обещали не проливать крови. Князь поверил их слову, а монголы его сдержали. Пленного князя и его дружину просто задушили колодами. Сидя на них, монголы пиروвали свою победу.

Князья Михаил Черниговский, Даниил Галицкий (в битве был ранен) и Мстислав Удалой бежали на Русь. Ещё не пришло их время испить горькую чашу до дна, когда бесславно закатится звезда русских князей, а Русь падёт под ударами кочевого народа. С Калки вернулся лишь каждый десятый воин. «И бысть плач и туга в Руси и по всей земли, слышамшам сию беду», записал летописец.¹⁹

После Калки

Лето того же года выдалось необычно жарким. Загорелись леса и торфяные болота. Тьма накрыла селения, чело-

век не видел рядом стоящего, а птицы замертво падали на землю. Не успела улечься эта напасть, как на небе появилась необычно яркая звезда. Ночью было светло, как днём. Три дня она перемещалась по небу с запада на восток, а потом исчезла. И разгром на Калке, и лесные пожары, и появление кометы в народном сознании тесно сплелись в одно тревожное предчувствие грядущей беды. Новое несчастье пришло через семь лет. Солнечное затмение в Киеве народ воспринял как кару «за грехи наши» и стал готовиться к худшему.

Невосполнимые людские потери подорвали хозяйственную жизнь в Русьской земле. Экономический упадок тесно переплетался с нестабильной политической ситуацией вокруг Киева. Маховик междоусобной борьбы продолжал раскручиваться, подминая под себя всё новые и новые жертвы. Старейшие русские князья пали на поле «русской печали». Старшим среди рода Ольговичей стал Михаил Всеволодович Черниговский. После погибшего на Калке своего дяди Мстислава Святославовича,²⁰ он занял черниговский стол. И развил бурную политическую деятельность, сопряжённую с неустанным звоном мечей за первенство на Руси.

Андрей в семье Людоты

Прошло уже много лет, как Андрей попал в обучение к Людоте. Кузнец очень привязался к усердному и любознательному питомцу. Жена не подарила ему сына, а так хотелось передать по наследству секреты своего мастерства. Отец богат сыновьями, а славен дочерьми, говорит русская пословица. Но им с женой такого большого счастья не судилось. Только поздняя дочь Агафия, ровесница и соименница сестры князя Михаила Черниговского, скрасила им

жизнь. И вот теперь нежданно у Людоты появился добрый помощник, ставший ему родным.

Когда к Андрею приезжали родители, Людота с радостью их привечал и говорил, что воспитали хорошего сына. Хвалился, что выковал из своего помощника искусного коваля. Сработанные Андреем мечи дорого ценились черниговскими князьями. Не раз они просили его выковать хороший клинок, который не стыдно было бы преподнести в дар знатым гостям.

В повседневных трудах и заботах незаметно Андрей возмужал. Людота с удивлением вдруг заметил, что парубок стал видным женихом. Лучшего для своей красавицы-дочери и не сыскать. Добрая девушка, когда узнала о решении отца, только обрадовалась и лишь всплакнула, что мать уже никогда не узнает о её счастье. Вот уже несколько лет, как она оставила их после тяжёлой болезни. Андрей и Агафия были погодками, вместе росли-взрослели, часто их можно было видеть вдвоём в те редкие минуты, когда Андрей не пропадал в кузне. Бывало, они по-детски баловали, а потом с невинным видом стояли перед отчитывающим их кузнецом. Но чаще можно было застать их за совместной работой. А седмицу — седьмой день после шестидневных забот, они проводили в церкви, где усердно молились, искренне благодарили Бога за ниспосланную им любовь.

На свадьбе присутствовал князь Михаил Всеволодович и щедро одарил новобрачных — пожаловал им по куньей шубе. Он пожелал Андрею и Агафии долгой счастливой жизни и большой семьи. Три дня в доме Людоты шумела весёлая свадьба. Много было гостей и много было выпито хмельного мёда, но ещё больше было сказано здравий и преподнесено подарков счастливым молодожёнам.

Смерть кузнеца

Немало сменилось лет и зим, Людота состарился, его место занял Андрей. Теперь к нему шли в обучение подростки. В семье тоже всё ладилось. Агафия родила ему двоих сыновей. Отец шутил, что старший сын Михаил, названный так из почтения к князю, должен стать воином. Алексей же пойдёт по его стопам. Но жизнь распорядилась по-иному. Когда сыновья подросли, их богатырскую статью заметил Михаил Всеволодович и взял в свою дружину.

Михаил с Алексеем сопровождали князя в его беспокойной, полной ратных тревог, жизни. Именно они прикрывали князя на Калке, когда русское войско дрогнуло и побежало. Михаил Всеволодович с Алексеем сумели уйти. А вот Михаил, обороняя князя от татарской стрелы, остался в ковыльной степи на берегу злой речки Калки. Узнав о гибели сына, так и не успевшего обзавестись семьёй, опечалились Андрей и Агафия. Но тогда горе в Чернигове было всеобщим. С Калки не вернулся черниговский князь Мстислав Святославович со своим старшим сыном и многие его дружинники. В то время в черниговских церквях стояло необычное сияние от множества зажжённых свечей, рыдания оглашали церковные своды.

А в скором времени занемог Людота. Предчувствуя скорую кончину, он позвал дочь и зятя.

— Дети мои, подойдите ближе, — Агафия и Андрей склонились над стариком. — Простите меня, если бывал с вами строг и часто гневался. Хотелось, чтобы выросли вы не бездельниками и жили по совести. Чтобы в вашем доме всегда был честный достаток. Я же своё отвековал. За прожитую жизнь мне не совестно. Обо мне не убивайтесь, помолитесь за мою грешную душу.

Андрей с жалостью посмотрел на Людоту. Неужели

вот эта высохшая рука, играючи, размахивала пудовым молотом, высекая из железа огненные снопы? А теперь безвольно свисла с полатей. Он бережно взял руку коваля и положил на грудь поверх одеяла.

— Нас прости, если когда гневил тебя. Не по умыслу, а по незрелости лет своих. Мы с Агафией благодарны тебе, что болел за нас сердцем и вывел в люди.

Людота попытался улыбнуться и с трудом вымолвил:

— Береги, Андрюша, мою дочь и свою жену. У неё кроме тебя и Алексея больше никого нет. Живите счастливо. В ладе с людьми и Богом.

Агафия, прижав платок к глазам, молвила, что пока отец в сознании, нужно позвать священника. Батюшка исповедал и причастил Людоту. Кузнец ушёл из жизни мирно. В своём доме, в окружении близких людей. Дочь закрыла ему глаза.

Новые герои и новое знакомство

В Детинце рядом с княжим двором находился сад. За ним следили трудники — так называли наёмных работников. Жили они при Борисоглебском монастыре и следили за монастырским хозяйством. А за свою работу получали одежду и пропитание. Благодаря их заботе, сад был ухожен и неплохо родил. Монастырская кухня впрок запасалась сушёными фруктами. Просяная каша и компот из сухофруктов, подслащенный мёдом собственной пасеки, позволяли монашеской братии сохранять силы в долгие дни строгих постов: Рождественского и Великого, предшествовавшего Пасхе.

Ходила молва, что монахи знают особую молитву, потому выращенные у них фрукты всегда слаще мирских. А кто вкусит монастырское яблоко, того обходят болезни и

прибавляется сила. Слухи эти не давали покоя местным озорникам. Прodelав в огаде щель, они тайком лазили в сад. Случалось, их замечал сторож, тогда сорванцы опрометью бежали прочь. А потом, надкусывая ещё зелёный плод, взахлёб рассказывали своим приятелям о рискованном приключении.

В праздник Преображенья Господня, о котором народ на Руси весело говорил: «Вот и пришёл Спас, яблочко припас», отрок Ходята вместе с семьёй стоял на литургии в Спасо-Преображенском соборе. Пока родители дожидались, когда священник освятит яблоки, он выскользнул из собора и направился к монастырскому саду. Протиснувшись сквозь щель, мальчишка подбежал к яблоне, склонившей от тяжести свои ветви до самой земли, и быстро стал обрывать созревшие плоды, засовывая их за пазуху. Как вдруг послышался голос:

— Это мои яблоки. Пошёл прочь отсюда!

Ходята резко обернулся и увидел перед собой хорошо одетого сверстника. В кожаных сапожках и атласной васьковой рубахе, опоясанной красным кушаком. Незнакомец презрительно смотрел на просто одетого Ходяту. А тот, оценив взглядом незнакомца, подумал: ишь, боярский сынок, слишком задаётся. И смело ответил:

— Тебе что, яблок не хватает? Смотри, как их много. Бери и рви!

Боярскому сыну такой ответ не понравился. Он подскочил и ударил соперника кулаком в грудь. Ходята в накладе не остался. Завязалась драка. Подростки упали. Катаясь по земле, они нещадно колотили друг друга и не заметили, как подбежал монастырский сторож.

— Попались, огольцы! Теперь ответ держать будете перед игуменом. И не вздумайте брыкаться!

Он заставил мальчишек подняться и сгрёб в охапку. Они пытались вырваться, но страж держал их так крепко, что стало трудно дышать. Почувствовав силу, сорванцы обмякли и покорно пошли с ним.

В келье игумена Никона

Настоятель Борисоглебского монастыря игумен Никон встретил их сурово.

— Негоже татями в монастырский сад наведываться. Разве вам не говорили, что грех на чужое зариться? Попросили бы яблок, да ещё в такой праздник, не отказал. А вы не за своё ещё и подрались.

Внимательно всмотревшись в боярского сына, обратился к нему.

— Никак ты Светозар, сын боярина Вышаты. Твой отец известен своим благочестием, не раз жертвовал на нужды монастыря. А сын его постыдным делом занимается. Высечет он тебя за твой проступок.

— Ты, тоже, отрок, не радуйся, — выговорил игумен Ходяте, — оба достойны равного наказания!

Светозар и Ходята стали слезно просить, чтобы об их проступке не узнали родители. Говорили, что ноги их больше не будет в монастырском саду. Вовек не будут желать чужого. Видя искреннее раскаяние отроков, игумен Никон смягчился.

— Верю, верю, что глаголете правду. Посему прощаю. Грех ваш по малолетству вашему малый.

Но помириться вам надобно. Негоже из монастырской обители уходить врагами. Подайте друг другу руку!

Светозар и Ходята, заплаканные, взялись за руки. Никон улыбнулся и перекрестил недавних врагов.

— Благословляю на крепкую дружбу, чтобы никакой

навет не прервал вашу приязнь. А теперь ступайте, да не забудьте заделать дыру в ограде!

Юнцы, довольные, что так легко закончилось их неожиданное приключение, ушли. А игумен, улыбнувшись, обратился к присутствовавшему при разговоре сторожу:

— Сердцем прозрел их. Такие держат своё слово, на измену они не способны. Когда вырастут, свой род не посрамят.

В княжеском тереме

Княгиня Олёна²¹ томила в своих покоях. Она уже давно была на сносях и не хотела без надобности показываться на людях. Беременность сделала её капризной и грустной. Мрачное настроение нередко оборачивалось беспричинным гневом. Тогда покоевки — девицы, прислуживающие княгине, все трепетали от страха и опрометью бросались выполнять любую её прихоть. Вот и сейчас она сидела на постели не в настроении, а девица старательно расчёсывала гребнем её длинные распущенные волосы. Поглаживая руками уже изрядно округлившийся живот, княгиня думала о своей четвёртой беременности.²²

Старуха, которую она намеренно пригласила, нагадала ей, что родится мальчик, но век его будет недолгим. Тогда она разозлилась на ворожку и приказала взашей её вытолкать. Ишь, что вздумала, как это княжеский сын может погибнуть от руки татей?²³ Но выгнать то выгнала, а на душе стало непокойно. Неужели Бог отвернулся от её детей? Она перекрестилась на образ Божьей Матери, висевший над ложем. Нет, не может быть, чтобы Богородица оставила их семейство своей милостью.

Мария уже давно была сосватана за ростовского князя Василька Константиновича.²⁴ Этой зимой, наконец, вышла за него и теперь проживает в его ростовском уделе. А толь-

ко она уехала, как появились новые сваты. Старшенькую засватал за своего племянника новгородский князь Ярослав Всеволодович.²⁵ Это был хороший знак, суливший надежду на долгий мир, по которому она так истосковалась. Ведь её Михаил и князь Ярослав немало русской крови пролили из-за Новгорода Великого. А тут такая возможность примирить два могущественных рода. Ничего, что Феодулия старше княжича Феодора на целых семь лет.²⁶ На брак нужно было соглашаться. Правда дочка своей чрезмерной набожностью внушала ей опасение.

Княгиня вспомнила своё венчание с Михаилом в Киеве. Ведь тогда отец Михаила был великим киевским князем. Как там они жили счастливо и беззаботно! Вот только не было долго у них детей. И тогда они с мужем стали ходить в Киево-Печерскую лавру. Истово молились и били поклоны. Она слёзно просила Божью Матерь о дитяти. По горячим молитвам явилась ей Богородица и предсказала рождение дочери. Но девочка ещё юной уйдёт в монастырь, в монастырском уединении станет великой подвижницей.

Когда родилась дочка, они вознесли горячие молитвы Божьей Матери. А малютку называли греческим именем Феодулия, что означает раба Божья. Девочка росла тихая и любознательная. Сторонилась шумных детских утех и любила проводить своё время в молитвенном уединении.

А теперь вот её уже засватали. Княжна вдруг расплакалась. А как же пророчество Богородицы? Как тут быть? Эта мысль разбредила душу. И захотелось поговорить с Михаилом. Княгиня громко хлопнула в ладоши и приказала явившейся покоевке позвать князя.

Князь Михаил в покоях княгини Олёны

— Зачем звала, Олёнушка? — обратился Михаил к за-

плаканной жене. — Что так тебя растревожило? Здоровится ли тебе?

— Благодарю, милый, здорова твоими заботами, но речь не обо мне. Наша Феодулия беспокоит меня.

— Нашла себе слёзы. Нет, чтобы радоваться! Объявился ей суженый.

— Тревожно мне ныне. Надобно ли отдавать её замуж? Ты не забыл предсказание, что Феодулия невенчанной уйдёт в монастырь? Ведь большой грех берём на душу!

— Предсказание? В детстве мне тоже были нагаданы страсти. И что же? Живём безбедно, не последние люди в своей стороне. А Феодулии нашей уже 21 годок. Пора уж подумать, что будет с ней дальше. Отказываться от этого брака я не намерен! Возьму на себя такой грех.

— Рано хвалишься, что живёшь хорошо, — ответила княгиня. — Наша жизнь ещё не закончилась, твоё предсказание ещё может сбыться. Больно уж горд стал. Позабыл, что Господь даёт благодать смиренным, а гордых отвергает?

— Господь на небесах, а мы на земле. Смириться должна Феодулия. И не идти против воли родителей. Такова её женская доля. А княжеской дочери тем паче. Разве я не заботился о ней? Приставил к ней боярина Фёдора. Он обучил грамоте и риторике, философии мудрых греков. Что ещё нужно девице её положения? Епископ Никон не оставляет своей заботой. В нашей православной вере она сведуща. Так что упрёк твой не приемлю. А пойдёт под венец, укротится моя давняя распря с Ярославом. Тогда мир и покой настанут по всей Руси. Разве не этого все мы хотим?

— Все хотят жить в мире. Вот и ты завёл о нём речь. Только чего же с братом моим Даниилом²⁷ ратишься? Не по-божески поступаешь!

— Мир стоит до рати, а рать до мира, — ответил князь Михаил. — Мы живём на грешной земле и не всегда наши поступки согласуются с Божьими заповедями. А братец твой уж очень спесив. Алчет немало. Чтобы не подавился.

— Ты тоже не скромник, — уколола княгиня. — Впрочем, время покажет, кто из вас прав.

— Не переживай, всё сладится! — Михаил обнял жену. — Напрасны твои тревоги. Тебе рожать нужно, больше об этом думай! А мне надобно идти.

— Может, останешься? Мне хорошо, когда ты рядом.

— Пора, Олёна, посланцы Новгорода ждут.

Разговор князя Михаила с боярином Фёдором

После обильного угощения новгородские послы, оживлённо переговариваясь и пошатываясь, покинули гридницу. Челядинцы убрали столы, а князь Михаил и боярин Фёдор негромко вели речь о предстоящей свадьбе. Послы предлагали сыграть её осенью, когда затихнет работа в поле и люди вздохнут свободнее. Договорились, что венчание состоится на Покрова, в праздник Пресвятой Богородицы. По уже сложившейся на Руси православной традиции в этот октябрьский день обручённые венчались в церкви.²⁸ А незамужние девицы просили Божью Матерь, чтобы помогла им выйти замуж: «Пресвятая Богородица, покрой землю снежком, а меня платком!». Князь Михаил, находясь в добром расположении духа, толковал Фёдору:

— Князь Ярослав хочет со мной замирился. И мне этот мир надобен. Помнишь, как новгородцы слезно просили меня на новгородское княжение?²⁹ Но тогда мне нужно было торопиться в Чернигов. Лишь сказал новгородцам, что их не забуду, как они не забыли моего деда Святослава.³⁰ Почему нам не дружить землями? Ведь Чернигов

и Новгород — это одна большая вотчина Рюриковичей. Одна великая Русь. Вот потому черниговцы и новгородцы должны жить по-братски, одной большой семьёй. Мы должны торговать, а не ссориться. Да вот князь Ярослав не дал сбыться этой моей мечте. Может, сейчас получится?

— Князь, ты помнишь, как тогда в Чернигове зрел заговор? Потому и послал я тебе весть, что обиженные на тебя черниговские бояре решили в твоё отсутствие отдать град курскому князю Олегу Святославовичу. Вовремя тогда ты вернулся, а ссору меж вами уладил киевский митрополит Кирилл.³¹

— Помню, потому благодарен тебе. Ссора меж мной и Олегом уладилась. А вот шурич мой Даниил всё не даёт мне покоя. И рад бы с ним замириться, да не могу, хотя и княгиня за него просит! — князь Михаил зло прищурился и гневно топнул ногой. — Отец мой лишил меня законного княженья в Чернигове. Отдал град Рюрику. А теперь я старший в роду и свою обиду излечу мечом! Докажу, что по праву старшего могу держать Русскую землю. Не уймуся, пока не осяду в Киеве. А князь Даниил поперёк моим замыслам!

— И чего вы злобитесь? — Фёдор осуждающе качнул головой. — Земля-то у нас одна — Русская. Не лучше ли жить в мире, чтобы строить свою великую державу? А идёт русич на русича, и течёт русская кровушка, как водица в реке. Своими распрями страну губите. И веру нашу православную. Недруги наши этому только радуются!

Полагаете, что боретесь за свою правду. И утверждаете её мечом. Считаете, что за неё и смерть красна. А люди от вашей правды плачут. И не хотят с ней мириться. Тогда вы их убиваете и сами гибнете на поле брани. Полагаете себя героями. Но быстро героев таких забывают. Потому

что бездарно правите и преступно распоряжаетесь жизнью своих людей.

Неудивительно, что народ оскудел верой, в сердцах поселились страх и смятение. Где те вожди, которые поведут за собой и укажут путь истинный — возрождения и созидания в измученной, исстрадавшейся от беспрерывных неурядиц стране. Нет таких вождей! Ты, Михаил, ведёшь свой народ к гибели. Алчность застила тебе свет! Что ты хочешь после себя оставить? Проклятья, несущиеся вслед за твоим гробом? Обвинения, что напрасно лил русскую кровушку и ввёл несправедливые поборы на своих подданных на братоубийственную войну? Или светлые воспоминания о сытой, богатой жизни в сильной стране?

Державу свою нужно крепить единством, а не раздирать на мелкие лоскуты из-за своих непомерных амбиций! Если твои подданные мыслят не так, как ты, это не значит, что нужно их убивать. Ладом, а не мечом, решаются все неурядицы. Вот тогда в стране будет порядок, процветание и крепкий мир. И соседние страны будут смотреть на нас с уважением.

Прости, князь, за мою несдержанность. Наболело на сердце. Не серчай. Кто, кроме меня, тебе скажет!? Если нужно, умру за Русскую землю, но только с Христом в душе! Хочу, чтобы смерть моя была не напрасна. Хочу, чтобы вспоминали меня добрым словом и свечку в мою память затеплили в церкви. А не кривились презрительно при упоминании моего имени.

Хорошо, если замиришься с шурином своим Даниилом. А Феодулия? Поступай, как считаешь нужным. Одно истинно, что жизнь наша во власти Божьей!

— Горяча твоя речь, боярин! Но от своих замыслов не отступлю! Понимаю, что делать людям добро это по-

божески. Да чтобы себе без беды. И венчание дочери тут впору. Как порешил, так тому и быть! А с шуричем замирюсь, если не будет претендовать на Киев.

— Князь, послушай меня. Слова твои — это гордыня. Не сослужит она тебе хорошую службу.

— Не тревожь мою душу, Фёдор! Намедни княгиня сказала мне то же самое. Как будто вы сговорились. Я старший в роду Рюриковичей, потому свои поступки соизмеряю этой мерой. А княжить в Киеве обязательно буду! Для этого все средства хороши! Кто верует мне, тот служит мне верой и правдой. Если бы не знал твою преданность, мог осерчать. Ступай!

В Десне утекло много воды, прежде чем князю Михаилу Черниговскому удалось вокняжиться в Киеве. Но и тогда вражда со своим шурином Даниилом Галицким и честолубивым Ярославом Всеволодовичем не затихла. А Северо-Восточную Русь уже опустошили монголы. Кочевники уже сожгли Чернигов и подступили к Киеву.

Примечания

1. Князь Юрий Долгорукий (1090-1157), сын Владимира Мономаха. Основатель Москвы (1147). Похоронен в Киеве в церкви Спаса на Берестове.

2. Князь Всеволод Ольгович (1094-1146), старший сын черниговского князя Олега Святославовича от первой жены гречанки Феофании Музалон. Князь Черниговский (1127-1139), князь Киевский (1139-1146).

3. Князь Святослав Ольгович (?-1164). Трижды, с перерывами, княжил в Новгороде Великом (1136-1141). Князь Новгород-Северский (1146-1157), Черниговский (1157-1164). С его именем связано первое упоминание в летописи Москвы. Отец главного героя «Слова о полку Игореве» — новгород-северского князя Игоря Святославовича.

4. Князь Игорь Ольгович (?-1147). Русский писатель Ю. Сбитнев посвятил его жизни диологию «Великий князь». По инициативе писателя в Чернигове установлен памятник князю (2012). См.: <http://www.proza.ru/2012/10/11/1928>

5. Князь Ростислав Мстиславович Смоленский (1108-1167), из рода Мономашичей. Трижды княжил в Киеве. Похоронен в киевском монастыре св. Фёдора.

6. Князь Изяслав Давидович Черниговский (?-1161). Из рода черниговских князей Давыдовичей. Князь черниговский (1151-1157). Трижды княжил в Киеве. Смертельно ранен в междоусобной борьбе с Ростиславом Мстиславовичем Смоленским. Похоронен в Чернигове в Борисоглебском храме, родовой усыпальнице Давыдовичей.

7. Князь Мстислав Изяславович Волынский (1125-1170), из рода Мономашичей. В разные годы княжил в Переяславе, Луцке, Киеве.

8. Князь Андрей Боголюбский (1111-1174), сын Юрия

Долгорукого. Считается родоначальником российской государственности. Князь Владимирский (1157-1174). Совершал походы на Новгород, в Волжскую Булгарию. Захватил и разграбил Киев (1169). Убит в результате заговора бояр Кучковичей в своём имении Боголюбово. Похоронен в Успенском соборе города Владимира.

9. Андрей Боголюбский видел Северо-Восточную Русь независимой от Южной Руси. Для этого нужна была своя, автономная от Киева, митрополия. С этой целью он послал в Византию суздальского архимандрита Феодора. Константинопольский патриарх Лука Хризверг посвятил его всего лишь в епископы, но дал право носить, как митрополиту, белый клобук (головной убор). После смерти киевского князя Ростислава из Константинополя был прислан новый митрополит Константин II. Не желая церковного раскола на Руси, он потребовал явиться в Киев епископу Феодору. Здесь Феодора ожидала жестокая расправа: ему отрезали язык, выкололи глаза, отрубили правую руку и утопили.

10. Князь Святослав Всеволодович (1123-1194), из рода черниговских князей Ольговичей. Дед Михаила Черниговского. Князь Черниговский (1164-1180), Киевский (с перерывами княжил с 1173 по 1194 гг.). Двоюродный брат новгород-северского князя Игоря Святославовича.

11. Князь Рюрик Ростиславович (?-1212). Из рода Мономашичей. Так называемый дуумвират (соправительство) Рюрика и Святослава относится к 1180-1194 гг. Святослав правил Киевом, Рюрик — Киевской волостью. Последние два года жизни был черниговским князем.

12. «Слово о полку Игореве», М.: «Книга», 1988, с. 100.

13. Князь Игорь Святославович (1151-1202), главный герой «Слова о полку Игореве». Князь Новгород-Северский (1180-1198), Черниговский (1198-1202). См.: <http://www.proza.ru/2009/10/19/1310>

14. «Слово о полку Игореве», М.: «Книга», 1988, с. 100.

15. Там же.

16. Князь Мстислав (Феодор) Мстиславович Удатный (Удалой) (?-1228). Из рода князей Мономашичей. Дед Александра Невского. Дважды княжил в Новгороде Великом (1209-1215, 1216-1218) и Галиче (1215, 1219-1226). Умер в Торческе.

17. Русские летописи и западноевропейские источники звали монголов татарами. Так называлось родственное монголам племя, покорённое Чингисханом, позже принявшее участие в монгольских походах на Русь и Западную Европу. Название широко распространилось и стало применяться ко всему населению Золотой Орды. Потом к населению Казанского, Астраханского и Крымского ханства. См.: «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1957, с. 195, примечание 2.

18. Князь Мстислав (Борис) Романович Старый (?-1223). В разные годы был князем Псковским, Белгородским и Смоленским. Князь Киевский (1214-1223).

19. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. — Л., 1927, Т. 1, стб. 447.

20. Князь Мстислав (Пантелеймон) Святославович (?-1223). Впервые упоминается в летописи в 1182 году. Существует версия, что после его гибели на Калке в Чернигове три года княжил курский князь Олег Святославович. См.: Войтович Л. Ольговичі. Чернігівські і сіверські князі // Князівські династії Східної Європи (кінець IX-початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. — Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2000. — 649 с. — ISBN 966-02-1683-1.

21. Княгиня Олёна — дочь князя Романа Мстиславовича Великого (1150-1205) и его первой жены Предславы. При-

ходила сводной сестрой Даниилу Романовичу Галицкому, родившемуся от второй жены князя Романа — (Анны?).

22. В Бархатной книге (1687), где перечислены все знатные русские роды, упоминается пять сыновей князя Михаила Черниговского: Ростислав, Роман, Семен, Мстислав, Юрий. Были у него и две дочери: Феофания и Мария, незаурядные для своего времени женщины, оставившие заметный след в памяти современников.

23. «Как это княжеский сын может погибнуть от руки татей?». Существует предположение, что у Михаила Черниговского, когда он был великим киевским князем (1238-1239), имелся несовершеннолетний сын. После взятия Киева татарами, князь искал спасения у своих родственников в Польше. Там его не приняли, он пытался уйти в Германию. В пути на княжеский обоз напали грабители. Малолетний сын в стычке погиб.

24. Князь Василько Константинович Ростовский (1208-1238). Приходился племянником владими́ро-суздальскому князю Юрию Всеволодовичу, женатому на сестре Михаила Черниговского. Князь Василько шёл с дружиной на помощь черниговскому князю Мстиславу, уходившему на Калку. Но опоздал и задержался в Чернигове. Тогда и познакомился с Марией, дочерью князя Михаила Черниговского. Венчались они в московской церкви Благовещенья 10 февраля 1227 года. В битве на реке Сити 4 марта 1238 года был взят монголами в плен и убит. Причислен РПЦ к лику святых.

25. Князь Ярослав (Феодор) Всеволодович (1191-1246). Сын владимирского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1154-1212). Отец Александра Невского (1221-1263). Княжил в Переяславе, Переяславе-Залесском, Владимире, Новгороде (несколько раз), Киеве. Повторно стал киевским князем при монголах (1243-1246). См.: <http://www.proza.ru/2012/01/31/660>

26. «...Феодулия старше княжича Феодора на целых семь лет». Этот брачный союз должен был примирить два наиболее могущественнейших рода на Руси. Однако малолетний княжич внезапно умер. Ходил слух, что его смерть была выгодна новгородским боярам. См.: <http://www.proza.ru/2012/06/04/1642>

27. Князь Даниил Галицкий (1204-1264) принадлежал к ветви князей Мономашичей. Деятельный русский князь. Согласившись на предложение папы римского Иннокентия IV принять католическую веру, получил титул короля Руси (1254). На его сводной сестре Елене был женат князь Михаил Всеволодович Черниговский.

28. На Руси обряд обручения предшествовал обряду венчания и по времени мог происходить значительно ранее. В наши дни два этих церковных обряда, составляющих таинство брака, совмещены.

29. Михаил Всеволодович говорит о событиях 1225 года в Новгороде Великом. Тогда он пришёл на помощь своему зятю владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, хотевшему усмирить новгородцев. Они выгнали из города его малолетнего сына Всеволода. Но строптивые новгородцы не захотели принять Всеволода обратно и упростили Михаила Черниговского остаться в Новгороде.

30. Жители Новгорода хорошо помнили деда Михаила Черниговского князя Святослава Всеволодовича, правившего у них недолго, но, как считали новгородцы, справедливо.

31. Митрополит Кирилл (?-1233). Грек по происхождению. В русских летописях назван «блаженным». Не раз умирал княжеские ссоры. В 1226 году примирил Олега Святославовича Курского и Михаила Всеволодовича Черниговского.

Глава четвёртая

Падение Чернигова

*Бог нам прибежище и сила,
помощник нам в скорбях,
обретших ны зело.*

Псалтирь, псалом 45, стих 2-3

Расправа черниговцев с монгольскими посольными

В Детинце ударил набат.¹ Громкую барабанную дробь слышали во всех концах города. Отставив свои привычные дела, люди заспешили на тревожные звуки. Подол, Предградье и Окольный град вмиг обезлюдели, только холодный октябрьский ветер блуждал по опустевшим улицам.

Через настежь распахнутые Киевские и Любецкие ворота Детинца толпа с пересудами стекалась к кафедральному Спасо-Преображенскому собору, а подойдя, ужаснулась при виде зловещей картины: три отрубленные головы раскачивались на копьях, воткнутых древком в землю. Кровоточили отсечённые шеи, длинные косички теребили порывы ветра, на оскалившихся в звериной улыбке ртах застыла кровавая пена. Остекленевшие раскосые глаза, казалось, бешено уставились на людей.

Кто-то в толпе испуганно ойкнул и прикрыл ладонью рот, торопливо перекрестился. А кто-то, тяжело дыша в ухо соседу, выдохнул: «Дурное знамение!». Сердца у многих сжались в недобром предчувствии. Народ на площади всё прибывал, волновался и глухо шумел. На княжеском дворе, расположенном неподалёку, беспокойно заржал конь.

Князь Мстислав Глебович,² епископ Порфирий,³

тысяцкий и другие знатные черниговские мужи скучились возле собора. Перед ними, широко расставив ноги, правая ладонь — на рукояти меча, застыли гридни.⁴ Когда народ в смятении подступил, князь зычным голосом произнёс:

— Люд черниговский, обращаюсь к вам с горьким словом! Вы уже знаете, что беда ступает по нашей земле. Жестокий ворог разоряет места и селения русские! Черниговцы вместе с Евпатием⁵ кинулись на подмогу рязанцам, но храбро пали в неравной сече. Козельцы тоже рубились до последнего вдоха. Все вместе с малолетним княжичем⁶ сгинули в бесовской крови!

И вот теперь зло стучится в наши ворота! Лиходеи требуют уступить град, а за это обещают нам волю. Но мы-то хорошо знаем честь басурманскую! Трава не растёт там, где ступит их конь, а потому послам татарским оказали достойную встречу! — он взмахнул рукой, указывая на отрубленные головы. — И не отступи наши сердца вспять! Лучше смерть в поле от стрелы врага, чем позорный с ним сговор. Люд честной черниговский, соберёмся множеством и дадим достойный ответ пришельцам!

Глухо и негодуяще зашумела соборная площадь. С деревьев и церковных куполов поднялось воронье, зловеще галдя и опрастываясь, закружило над головами людей. Перекрывая гул толпы, послышался зычный выкрик: «Княже, твои слова серебром расплавленным обжигают сердца наши! Черниговцы костями лягут в Мать Сыру-Землю, а честное имя своё не осрамят!».

После Мстислава Глебовича слово держал епископ Порфирий.

— Братья! Обращаюсь к тем из вас, кто по немощи своей бессилен для брани. Забирайте жён и чад своих и уходите, но торопитесь, пока неверцы не обошли град со

всех сторон. Как стемнеет, откроют ворота на Любеч. Рассеивайтесь по глухим лесам и болотам — всюду, где они не пройдут. Да пребудет с вами Господь и Пресвятая Дева!

А кто способен держать оружие, благословляю на священную рать! Здесь, перед святым Спасом, оденемся клятвою, что нашу правую веру не отдадим язычникам на глумление! Пусть она будет нашим защитным поясом. А поганые — уже недалече от стен нашего града кличут. Но не испугать нас бесовскими криками! Мужайтесь, и да поможет всем нам Бог! — Порфирий перекрестил толпу большим золотым крестом, висевшим у него на груди.

Речь князя и епископа всколыхнула сердца людей. Многие гневно сжимали кулаки, готовые в сию же минуту ринуться на брань с супостатом. А кто-то, робкий душой, с надеждой смотрел на князя, веря его властному слову, что город он отстоит, не отдаст врагу на издёвку. Но были и такие, кто недобро думал: вы-то спасётесь, ворон ворону глаз не выклюет. А вот что будет с нами? Нет уж, своя рубаха родимее, уходить нужно!

Понутив головы, народ расходился с вечевой площади. А скоро по всем черниговским дворам послышались плач и стенания. Испуганно завывали собаки, жались к ногам хозяев коты, всхрапывая, бились на привязи кони. Матери со слезою наскоро собирали своих чад, чтобы не мешкая выйти из города. Черниговцы — все, кто способен был дать отпор иноверцам, острили мечи и копья, проверяли надёжность своих доспехов. Многие женщины хотели в последний гибельный час быть рядом со своими любимыми. А кто не мог уже подняться с постели, полагался только на волю Божию.

В переполненных церквях и монастырях служились молебны. Священники, воздевая руки, призывали небесные

силы избавить православных от внезапной беды, вставшей под стенами города. И люди, внимая их гласу, истово клали поклоны перед святыми образами, просили Всевышнего о заступничестве: «Спаси, Господи, люди Твоя...». В церкви на Красном дворе князь Мстислав Глебович, бояре и старшие дружинники с опущенными главами смиренно стояли на хорах. С амвона звучала гневная проповедь.

— ...Нет, не опомнились, не воздержались от неправедного пути своего! Пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание».⁷ И ещё сказано: «Падёте пред врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша. Убьет вас мстительный меч, и будет земля ваша пуста, и дворы ваши будут пусты...».⁸ Но промысел Божий непостижим! Братья, в столь тяжкую годину мужайтесь и поострите сердца ваши ратным духом!

Доман подбивает дружков убежать из города

В старой харчевне на городской окраине (отсюда начинался загородный тракт на княжеский городок Любеч) некий путивлец Доман, высокий, крепкой стати мужик, встречался с дружками. Изрядно хлебнув, он умилённо рассказывал, что в давнюю пору здесь любил сиживать его отец Вяхирь. Но недолго он предавался тут земным радостям. Князь Всеволод, отец киевского князя Михаила Черниговского, посадил его за провину в яму. Живым он оттуда уже не вышел. На что сидящий рядом, пьяно указывая на застолье, выдавил:

— Вот и получается: здесь нам радости, а перед Богом — гадости!

— Укороти лепетун свой, али в праведники записался?

— Доман зло прищурился. — Но полно, я тут с вами для дела!

Хмельные головы низко склонились над столом. Доман жарко зашептал:

— А дела плохи, слышали, что князь и епископ сказывали народу? Заутре город падёт. Татарва убийство своих посыльных не простит. Резня будет страшная. Никто не спасётся! Только дурень пойдёт против силы. Пусть и прутся, а нам что за дело?

— Так ведь епископ обещал выпустить из города, как стемнеет, — возразил кто-то.

— Ордынцев, что саранчи в поле, повсюду сыщут. Нет, надо хитрее! — Доман передёрнул плечами. — Все от татар, а мы к ним. Только так свой живот не загубим. Но уйти нужно не просто, приглядывайте, что тут и как. Сведения наши будут пропуском в стан татарский, — он цинично осклабился и мелко перекрестился.

— Крамолу затеял! Мы народ православный, а к нечестивцам бежать? Вера не позволяет!

— Вера? А что вера? Пустой звук в церкви твоя вера! Она что, сделала тебя богатым или здоровья прибавила? Бог всегда на стороне сильных! Я слышал, наши предки тоже были худого обычая! Если нужно сменить веру — не откажемся и залопочем по-ихнему! А потом, — он напружинился готовым к прыжку вепрем и нехорошо посмотрел на говорившего, — дело наше вольное, силком никого не тянем!

Никто больше перечить не стал, и компания начала обговаривать детали своего ухода из города.

Коваль Андрей провожает Агафию

Скромное жильё княжеского кузнеца было ярко освещено:

всюду горели свечи. Андрей собирал в дорогу жену и, подумав об Алексее, который находился с семьёй в Киеве при дворе князя Михаила Черниговского, тяжело вздохнул: как-то им сейчас в эту тревожную пору? Агафия, всхлипывая, укладывала вещи на своей половине. Её слёзы бередили сердце, Андрей, чтобы не слышать безутешных рыданий, прошёл в кузню. Здесь, вдалеке от любопытных глаз, лежал выкованный им в давность меч. Вынув стальной булат из ножен, он задержал взгляд на замысловатом узоре, змеившемся по стальному лезвию, гордясь в душе своей искусной работой. Плотно сжав рукоять, широко рубанув мечом воздух, глубоко выдохнул: «Вот и пригодился ты мне на склоне лет!». Потом кликнул мальчика, прислуживавшего в кузне, а заодно и по дому, и приказал истопить баньку: завтрашний день нужно встретить с чистой душой и телом!

А пока он мылся, Агафия выскользнула из дома, держа в руках резной деревянный ларец с драгоценностями: золотыми и серебряными височными кольцами, браслетами и перстнями. И побежала к настоятелю Борисоглебского собора Никону, крёстному отцу её Алексея. Увидев его, она стала слёзно просить, чтобы спрятал шкатулку.

— Только на вас, батюшка, и надежда! Бог даст, вернёмся!

— Да куда же я её скрою в столь опасное время? — Никон беспомощно развёл руками и задумался, потом позвал пономаря и велел ему выбить в восточной стене собора невеликую нишу. А когда тот сноровисто выполнил поручение, перекрестившись, бережно уложил в выбоину шкатулку, сказав, что святые стены сберегут.⁹ Пономарь аккуратно заложил тайник и старательно затёр кладку наскоро сделанным раствором. Никон удовлетворённо осмотрел место.

— К утру подсохнет, и никто ни о чём не догадается! А ты, дитя мое, ступай с миром! Да бережёт тебя Матерь Божья! — он осенил её крестным знаменiem и благословил в нелёгкий путь. Она горячо поблагодарила старца и, поклонившись ему в пояс, заспешила домой.

Андрей, помывшись и переодевшись в бане в чистое бельё, зашёл попрощаться. Подалась навстречу Агафия, они жарко обнялись.

— Береги себя, много лет вместе, а вот, вишь ты, как расстаёмся! — Андрей крепко поцеловал свою ладуну в уста.

А она, не сдержав чувств, заголосила и стала опадать у него на руках. Удерживая её вдруг омертвевшее тело, Андрей крикнул: «Воды!». Когда мальчонка примчался с корчажкой, он сбрызнул студёной водой лицо жены. Она застонала и открыла глаза.

— Я останусь с тобой, тревожно мне за тебя, если суждено умереть, хочу быть рядом!

— А коль попадёшься им в руки? Мне дурно об этом помыслить! Нет, уходи! Провожу только до врат, дальше поедешь с мальцом, мне он теперь ни к чему. Даст Бог, скоро будешь в Киеве и встретишься с сыном.

Они вышли из дома, Андрей бережно усадил жену на воз, где уже покоились заботливо уложенный сундучок с вещами и торба с едой, и хлопнул ладонью по крупу лошади. Мальчишка натянул поводья, заскрипела телега, Андрей пошёл рядом, держа плачущую Агафию за руку, неловко её утешая.

Вокруг пылали костры, в неверных отблесках пламени мельтешили тени, слышались беспокойные возгласы, звон оружия. У ворот с надвратной церковью они обнялись, Андрей провёл заскорузлой ладонью по волосам жены.

— Прощай! И прости, если когда обидел тебя.

Он отстранился от своей половины и быстро пошёл прочь. Женщина вскрикнула и вдавилась спиной в расстеленную на телеге солому, словно предчувствовала, что расстанется с любимым навсегда.

Народ уходит из Чернигова

Юнец вывел лошадь с княжьего двора. Возле Спаского собора всё ещё раскачивались копья с головами монгольских послов да кружилась в обречённом танце, подхваченная студеным ветром, горсть осенней листвы. Всюду пылали костры и слышались тревожные возгласы. Пахло смолой и гарью. Дружинники выкатывали из подземелий бочки с дёгтем. Густую чёрную жидкость выливали в огромные чаны, а под ними разводили огонь. Дёготь дымился и закипал, готовый в любую минуту обрушиться с крепостных стен на головы неприятеля. Детинец готовился к обороне.

Через Киевские ворота Агафия въехала в Окольный град. В предзакатном небе дымили трубы, всюду, как и в Детинце, пылали костры, беспокойно сновали люди. В воздухе пахло гарью. Малец то и дело понукал лошадь, затёртую в толчею главной улицы мастерового предместья. Люди, сбившись гурьбой, неужённо бранились, тянули на двухколёсных тележниках, уносили в руках и за плечами свои немудрёные пожитки. Тут и там раздавались истошные крики, плакали дети. Скрипели телеги, возницы с усилием сдерживали испуганных лошадей. Полосуя направо и налево кнутами, они свирепо орали: «Дорогу!». Народ покидал обречённый город.

Худенькая женщина с трудом волокла в руках огромный узел. До слуха Агафии долетели её слова. Всхлипывая, она рассказывала, что недавно видела наваждение. Ночью

вышла во двор, а за тыном кто-то ползал, громко смеялся, а потом тяжело стонал. Осенила себя крестом, сразу смолкло. Фу-у, знать, нечистая сила, бесы рыскали! Самое для них время, луна-то сияла во все глаза. На что шедший рядом мужчина заметил, что недавно в небе видели великий круг, а потом из-за тучи упал на землю трёхглавый змий, все кругом ужаснулись. А всё потому, что потерял народ веру, не кается, вот по грехам нашим и воздаётся!

У дальних городских укреплений движение толпы замедлилось, злобные выкрики переросли в ожесточённую брань. Несколько мужиков безбожно ругались, тумаками и пинками расталкивали женщин и стариков, пытаясь прорваться к ещё не открытым воротам, чтобы первыми вырваться за пределы города. Околоворотные караульщики сдерживали напирющую толпу.

— Ишь, сколько народу уходит, — заметил Светозар. — А мои уже давно в Киеве.

— Мои тоже подались в дальнее село к родичам. Может, там переживут лихую годину, — отозвался Ходята.

— А я своих родителей отвёл к брату, монах он в Елецком монастыре. Хочется верить, что всё образуется, — откликнулся третий стражник Добрыня и тут же указал на разошедшуюся компанию. — Глянь-ка, не похожи вон эти на немощных, ишь как торопятся, даже костыли свои побросали!

— Бог их суди! — ответил Светозар. — Эй, вы там, полегче!

Стражники, угрожая копьями, урезонили расходившихся мужиков, в которых можно было признать Домана с друзьями.

Ещё кровавилась в полнеба заря, когда обезумевшая людская масса выдавилась из городских ворот и растяну-

лась по дороге на несколько поприщ.¹⁰ Все стремились как можно скорее отойти от города и достичь леса, чтобы рассеяться в чёрных непроходимых дебрях, надеясь там пережить лихую годину.

Стар и млад свято верили, что торопятся от беды, но оказалось, что обойти её не суждено. Едва занялся рассвет, как налетела монгольская конница, и всё смешалось в зверином свисте нагаек, сабель и крике обезумевших людей. Только немногие, бросив свои скудные пожитки, сумели добежать до леса, а монголы, отягощённые награбленным, не стали преследовать.

Не суждено было добраться до спасительного укрытия и Агафии с мальчишкой. Лихой татарин поддел юного воина копьём, когда тот пришпорил коня, надеясь уйти от погони. Малец, охнув, выпустил вожжи и свалился с телеги. Конь в испуге шарахнулся, а опрокинувшийся воз удавил Агафию.

Доман уходит к монголам

Несколько человек, как только открылись ворота, выскользнули из толпы и проворно нырнули в сгустившиеся сумерки. Осторожно крадучись, они пробирались в тени городских укреплений на север, к реке Стрижень, надеясь найти на берегу струг, чтобы на нём переправиться на другую сторону: где-то там уже бродили язычники.

Они уже подходили к реке, когда их окрикнул дозор, и тогда, рассыпавшись во все стороны, они побежали. Тревожно заржал пришпоренный конь, послышался громкий топот. Звонко прозвенела стрела, один из убежавших, вскрикнув, схватился за грудь и ничком рухнул на землю, а через мгновение та же участь постигла ещё двоих беглецов. Только Доман сумел увернуться от преследователей,

споткнувшись, кувырком скатился по крутояру. Увидев у реки чёлн, проворно стянул его на воду. Вскочив и подхватив лежащее тут же весло, он спешно погрёб к другому берегу.

— Ушёл, веролом! — дозорный тревожно всмотрелся в прибрежную мглу.

— Зато эти не ушли! — отозвался товарищ.

Спешившись, он обошёл лежавших ничком на берегу беглецов и аккуратно выдернул у них из спин стрелы. Переворачивая тела, вглядывался в лица.

— Нет, не знаю. Но позорно приняли смерть свою!

— Да, показали спину! Нынче первая пролилась кровь. А сколько прольётся завтра?!

Доман, отчаянно размахивая веслом, всё тревожно оглядывался, а когда убедился, что его не преследуют, пристал к берегу. Его заметили татарские лазутчики, рыскавшие в эту тревожную ночь вблизи городских стен. Они спешили и встали в тени деревьев, держа под уздцы своих низкорослых коней, ласково что-то шепча и поглаживая их по храпу.¹¹ А когда Доман выбрался из лодки, молча метнулись к нему. Не дав опомниться, повалили на землю и туго спеленали сыромятными ремнями. Доман пытался что-то сказать, но ему заткнули рот тряпкой. Гортанно рассмеявшись, татары перекинули Домана кулём через круп жеребца, которого водили за собой на длинном поводу. Вскочив и пришпорив коней, помчались в свой лагерь.

В стане монголо-татар

Монголо-татарский стан раскинулся на лесистом холме¹² недалеко от города. Отсюда хорошо просматривались прилегающие окрестности. Несмотря на позднее время,

лагерь кочевников гудел множеством голосов. Ревели, настойчиво требуя корма, быки, выпряжённые из высоких двухколёсных повозок, на которых перевозились лёгкие разборные юрты. Переминались, помахивая хвостами, уставшие за длительный переход неприхотливые монгольские лошади. Рядом сустились в длиннополых кафтанах скуластые с раскосыми глазами женщины. Возле уже собранных войлочных юрт пылали костры. Рыжие языки пламени играли на закопчённых боках больших медных котлов, опоясанных бронзовыми треножниками. Варилось мясо.¹³

Приземистый нукер¹⁴ с лоснящимися косичками за ушами сноровисто доставал из котла дымящиеся жирные куски. Десятник¹⁵ разрезал их на тонкие полосы и остриём ножа раздавал сидящим возле костра. Степняки грязными руками жадно хватали горячие ломти, с хрустом разгрызали кости и высасывали их содержимое. Насытившись, они вытирали сальные руки о пожухлую траву. Появилась женщина с глиняным кувшином в руке и стала разливать в протянутые чаши кумыс. Предварительно сбрызнув из чаш на землю, воины утоляли жажду после сытного ужина.

А под облетевшими осинами, сбившись в гурьбу, дрожал на стылом ветру полон, взятый кочевниками в разграбленных и сожжённых близ Чернигова сёлах. Ноги пленников, охваченные тяжёлыми деревянными колодами, вспухли и кровоточили. Молодая монголка развязала двух полонянок, повела за собой и заставила собирать разбросанные возле костра кости. Наскоро собрав, они отнесли их своим товарищам по несчастью, те похватили и стали жадно обсасывать обглоданные мослы.

Возле большой белой юрты, рядом с которой реяло священное монгольское знамя (пять чёрных хвостов монгольских быков, закреплённых на перекладине, прибитой к высокому бамбуковому шесту), лазутчики спешили и скинули Домана наземь. Пока его развязывали, старший подошёл к стоящему возле юрты охраннику и объяснил суть дела. Тот, понимая, кивнул головой и, подняв пёстрый ковёр, закрывавший дверной проём, вошёл в юрту.

Посреди округлого большого пространства дымился сложенный из камней очаг. У северной стены на возвышенном месте в шёлковом тёплом халате полулежал на постели, устланной шкурами, хан Менгу.¹⁶ Над его головой висела кукла из войлока. Скрестив ноги, полукругом возле него сидели нойоны — знатные монгольские воины.¹⁷

Взгляд присутствующих обратился на вошедшего. Приложив руку к сердцу, упав на колени, он пополз к хану, а приблизившись, распростёрся перед ним ниц. Хан нетерпеливо взмахнул рукой и недовольно спросил о цели визита. Охранник, поймав и почтительно поцеловав руку, не поднимая лица, сказал, что лазутчики поймали у реки уруса, бежавшего из города, у него есть важные сведения.

— Пытайте шайтана, пусть скажет, что знает! — хан жёстко посмотрел на нойона Елдегу, отвечающего в тумэне за разведку. И опять повелительно взмахнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Охранник вновь подобострастно поймал его ладонь, угодливо поцеловал и на коленях попятился к выходу. Следом за ним также подобострастно удалился Елдега.

Перед тем, как допросить, Домана заставили пройти обряд очищения (по поверьям кочевников прошедший такой обряд избавлялся от дурных мыслей по отношению к ним). Между двух кострищ воткнули копыя, а между ними натянули верёвку с привязками, на которых покачивались идолы. Он послушно прошёл между огней и под верёвкой, поклонился войлочной, в рост человека, кукле, которая, по понятию кочевников, являла собой лик Чингизхана. После очищения, его привели в юрту к Елдеге.

Доман, раболепно грохнувшись перед ним на колени, выложил всё, что знал о черниговской крепости и слабых местах в её обороне. Рассказал, что многие жители ночью вышли из города, что оборонять его будет в отсутствие Михаила Черниговского новгород-северский князь Мстислав Глебович, свои половцы¹⁸ и оставшиеся в городе жители.

Презрительно выслушав уруса, Елдега приказал накормить его сытно, а когда тот, низко согнувшись, попятился к выходу, подумал: если не лжёт, верным псом будет. Только крепче нужно держать на привязи и кормить впроголодь, чтобы слюни текли. Такого спустишь с цепи, беспощадно порвёт всех, даже своих близких.

Чернигов готовится к обороне

В предутреннем полумраке занялся за Стрижнем пожар. Отблески далёкого зарева коснулись крепостных стен Детинца и заплясали на них огненными бликами. Восточный ветер навевал из-за реки стойкий запах гари.

— Никак горит княжеское сельцо Гюричев?!¹⁹ — затревожился Ходята. Неловко задев Светозара древком своего копыя, он указал его остриём на густые клубы дыма, поднимавшиеся на горизонте. Они закрыли взошедшее над кром-

кой дальнего леса светило, которое, казалось, неустанно вспухает и чёрным огромным колесом накатывается на город.

— Ходята, глянь! — вскрикнул товарищ.

На бревенчатый мост, перекинутый через протекающий под стенами крепости широкий и полноводный Стрижень, ступило и молча бежало несколько человек. И тут же из-за крутого поворота показались всадники. Они отчаянно хлестали нагайками своих коней и что-то свирепо кричали, натягивая на скаку свои луки. Вот один из беглецов, резко взмахнув руками, заметно отстал от товарищей. Монгольская стрела глубоко пронзила ему плечо. Послышались торжествующие крики преследователей. Оглянувшись, двое товарищей подхватили упавшего под руки и с трудом поволокли. До ворот Детинца оставалось всего-то ничего, а их уже настигали.

Ходята, крикнув привратникам, чтобы открыли ворота, натянул тетиву. Монгольский конь, едва ступив на бревенчатый настил, споткнулся, а его седок, стремительно вылетев из седла, ударился об ограждение моста и перелетел через него в воду. Монголы, окоротив своих взмысленных коней, злобно проревели и, сверкнув саблями, повернули обратно.

Дубовые, окованные железом двери восточных крепостных врат отворились. Беглецы, вбежав, в изнеможении упали, а когда отдышались, их отвели к князю Мстиславу. Он с нетерпением поджидал в небольшой башне-церкви, встроенной в крепостную стену Детинца в самой возвышенной его части. Это место отделялось от остальной территории глубоким рвом, по дну которого торчали острые колья, и дубовым частоколом на высоком валу. Попасть сюда можно было только по узкому мостку,

именно со стен этой «крепости в крепости» открывался широкий панорамный обзор заливных заречных лугов, откуда ожидалось нашествие иноплеменников.

Беглецы рассказали князю о своём чудесном спасении, как бежали из сожженного язычниками села. Всех его жителей татары избили, не пощадили даже детей и стариков, а ремесленный люд, надев путы, увели в свой лагерь, который находится на высокой горе за Десной. И добавили, что в стане татарском русских пленников многое множество, их принуждают участвовать в осаде русских мест.

Выслушав исповедь, князь Мстислав сокрушённо покачал головой, ведь когда шёл он с дружиной из Новгорода-Северского в Чернигов, проходил через Гюричев, и не смел даже смыслить, что скоро от него останется лишь пепелище, а все жители будут избиты либо взяты в полон. А потом потребовал подробнее рассказать об иноплеменниках. Молодой боярский отпрыск Никодим, имение которого находилось в Гюричеве, тронув туго спеленатое плечо (именно его монголы ранили на мосту), поведал:

— Нагрянули они на рассвете, когда все спали, многие пытались укрыться в церкви, но они её подожгли. За такое святотатство Господь ослепил нечестивцев. И тогда их главный хан Менгу в страхе воскликнул: «Велик Бог урусов!», а его воины завывали в испуге, заскребли пальцами землю. Княже, мы уже собирались послать к тебе за подмогою, но Господь рассудил иначе, видно больно грешны перед Ним.

Татары в большом страхе стали просить пленников: если кто излечит от этой беды, тому даруют свободу и много добра в придачу. Все полонённые молчали, но нашёлся некий Доман и сказал, что знает источник с целебной водой, которая лечит глазные болезни. Он провёл к нему

басурман. И хотя вера запрещает им мыться, хан первым смочил родниковой водой свои глаза и тут же прозрел. А следом омылись целительной водой его воины, и тоже все стали зрячими. На радостях они поставили на берегу своих идолов и стали им поклоняться. Домана этого хан хотел отпустить, но тот сорвал с себя крестик и остался с ними.

Переведя дух, Никодим добавил, что татар сорок сороков — сила несметная, всё черно от них окрест и скоро они будут под стенами града.

— Да, несметная сила татарская, а моей дружины всего-то, — князь задумчиво посмотрел на ладонь и сжал пальцы, — десять раз по столько, — он кивнул на кулак.²⁰ — Столько же наберётся наших половцев да немногим более черниговского полка.²¹ Но они без доброго навыка и доспехов, в открытом бою уязвимы.

— Позволь, княже, в твою дружину, — обратился боярин Никодим, — хочу поквитаться с татарами за обиду свою и нашу!

— Да куда же тебе с раной твоей? Останешься здесь, чуешь, что вершится вокруг?

Сражение в Окольном граде

В Окольном граде шумела яростная схватка. Звенели, высекая искры, русские мечи и монгольские сабли; трескали проломленные секирами щиты, бряцали, ударяясь в доспехи, копья. Бешено ржали и шарахались кони, волоча за собой трупы седоков, перемежаясь, росли груды русских и вражьих тел. Везде слышались безумные крики, стоны и плач. Монголы нещадно вырезали всех обитателей черниговских предместий. На кровлях и стенах деревянных строений ядовито дымились стрелы. Предградье, Окольный град и Подол мигом схватились ярким факелом.

Высоко в небе заволокло кружило и каркало воронье.

В ветхом срубе дети от страха забились в печь, а когда дом занялся, отец и мать с жалобными криками выбежали и пытались загасить пламя, но тут же упали, изрубленные. Стремительно вспыхнув, жилище сгорело. Среди прогоревших руин дымилась только чёрная печь, в её утробе покоились, тесно прижавшись другу к другу, два обуглившихся детских тела.

Монашки Пятницкого монастыря и миряне укрылись в церкви, наглухо заперев изнутри тяжёлые двери, но монголы её подожгли. Послышались крики и стоны, но скоро затихли, и зазвучало молитвенное песнопение. Церковный купол оплавился и рухнул, накрыв всех, находившихся в церкви. Долго дымились и шевелились руины, а из-под них доносились жалобные стоны.

В Елецком мужском монастыре монахи, упав ниц, истово молились перед святыми образами в храме Успения Богородицы. Чудотворная икона Елецкой Божьей Матери в храме отсутствовала, с благословения епископа Порфирия иноки замуровали её в монастырской стене, чтобы над ней не поглумились язычники. И случилось великое чудо: монастырские стены татары обошли стороной и устремились к Болдиногорскому монастырю.

Иноки оказали отчаянное сопротивление, но безбожники ворвались в Ильинскую церковь... Пытались срубить дуб, который посадил ещё Антоний Печерский, но только притупили свои топоры о его могучий ствол. Увидев, как на дереве проступают капли крови и приняв сие знамение за гнев христианского Бога, татары в ужасе разбежались.

Князь Мстислав Глебович бьётся с монголами

Чёрный дым, поднимавшийся из городских предместий, накрыл Детинец. Когда он рассеялся, все увидели, как

через растворённые Киевские ворота промчался всадник. Увидев у церкви воинов, он направился к ним, а узнав князя, осадил жеребца и неловко скинулся наземь. Грідь подхватил под уздцы нервно прядающего ушами коня, а воин, сняв рассечённый ударом сабли шлем, припав правым коленом к земле, взволнованно произнёс:

— Княже, татары уже в перестреле²² от нас! Сожгли Подол и Предградье, разоряют Окольный град! Оборона изнемогает, многие лучшие мужи уже пали. Княже и дружина, все мы надеемся на вашу помощь!

Услышав такую речь, взволновалась дружина, слышались гневные крики. К Мстиславу подвели коня. Поправив на голове позолоченный шлем, он взметнулся в седло. Блеснул княжеский меч.

— Братья и дружина, вот и пробил наш час! Постоим за жён и детей наших! Знатный пир устроим гостям нашим непрошенным, щедро угостим их чёрным вином!²³

Затрубил рожок, дружина, прозвенев доспехами, вскочила на коней и с возгласами устремила к Киевским воротам. Под развевающейся на осеннем ветру хоругвью выступал с открытым забралом на вороном жеребце князь Мстислав Глебович. Следом за дружиной, сдерживая своих рысаков, выдвинулись лучшие черниговские мужи и ковуи. Среди них был и коваль Андрей.

Яростно вклинилась в монгольскую орду княжеская дружина, немало изрубив именитых монгольских воинов. Куда ни кинется князь, всюду катятся головы басурман! Оконь с князем ратует коваль Андрей, зорко присматривая за ним, и уже не одного вражину положил его знатный меч! Но быстро притупилась руськая слава, поредела руськая сила: многие руськие витязи, громко вздохнув, уже уронили свои острые мечи. А монголы подрубили хоругвь,

княжеский знаменосец, изъязвленный стрелами, уже пригнул свою буйную голову. Но подоспел грідь, обок рубившийся с князем, подхватил знамя и смело ринулся с ним в самую гущу врага, но и его уже настигли монгольские стрелы, рубят монгольские сабли. Татарин уязвил копьём воина, прикрывшего князя, пытался пронзить самого князя, но тот прикрылся щитом, а затем, исхитрившись, зарубил булатом татарского смельчака. Уже пал, разрубленный надвое татарским батыром, черниговский тысяцкий, а его сын, рубившийся рядом с отцом, достал пикой батыра. Рука русича устала колоть, а монголы всё лезли, всё напирали, место упавшего занимали трое. И некогда было перевести дух руському топору и мечу, а руськие кони уже ступали по голень в крови.

Дрогнули, побежали с поля боя ковуи. Мстислав Глебович пытался их завернуть, но тщетно. И тогда князь горько вздохнул: благо есть надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Понимая, что случилось непоправимое, — враг может обойти, он подал знак к отступлению. Заиграл боевой рожок, поредевшая княжеская дружина, подхватив павших товарищей, отошла через Киевские ворота в Детинец.

Доман убивает хозяина шинка

Черно и зло курились городские предместья. Монголы грабили нетронутые огнём жилища, глумились над голосившими, не успевшими схорониться юницами и жёнами. Обходя поле брани, победители тщательно разбирали завалы из мёртвых тел, вытягивали своих, а раненых урусов добивали, снимали с них доспехи и забирали оружие.

Среди немногих уцелевших построек обширного черниговского предместья был и шинок возле окраинных Лю-

бецких ворот. Жестокие законы военного времени не позволяли кочевникам хмельное, поэтому заведение с красноречивой вывеской они не тронули, но избили хозяина и заставили его отдать припрятанную мошну.

Шинкарь ещё толком не пережил случившееся, как вновь распахнулась дверь. На пороге появился огромный детина в длинноухой татарской шапке и тёплом халате, подпоясанном верёвкой, за которую был заправлен большой нож.

— Иди, дядя, сюда, иди, не бойся! Али не опознал? Намедни сидел тут с дружками, царство им небесное, — детина, ухмыляясь, перекрестился и поманил пальцем шинкаря. — Да быстренько собери-ка на стол, не забудь кухню мёда, нынче мой праздник! Мёд пей, всё кругом бей, будешь архиерей!

Хозяин узнал посетителя, который только вчера попибал у него брагу и перешептывался о чём-то с дружками. Глянув на его татарское одеяние, он всё понял, в глазах его промелькнул ужас, однако, не сдвинувшись с места, твёрдо ответил:

— Не тебе поминать архиерея, хриstopродавец! Предался за татарскую одежду! Нет ничего, твои новые дружки всё вымели. Ступай, откуда пришёл!

— Опамятуйся, дядя, и подай на стол, иначе, — Доман подскочил к шинкарю, сгрёб его за ворот и сунул в лицо огромный кулак.

Шинкарь в страхе зажмурился, но собрался с духом.

— Лучше умереть, чем предать свою веру за миску татарской похлёбки! Для тебя у меня ничего нет!

Доман в ярости ударил его кулаком в лицо, повалив на пол, стал избивать ногами, потом выхватил нож и полоснул беднягу по горлу. Человек задёргался в конвульси-

ях, а Доман, злобно рассмеявшись, вытер об его одежду окровавленные руки и пошёл шарить по сусекам в надежде разжиться едой и хмельным.

Ночь перед штурмом Чернигова

Догорел кроваво-красный закат, пепельная мгла накрыла сожжённые предместья. Под стенами Детинца запылали костры, а возле них озабоченно засуетились монголы. Защитники княжьего града всю ночь слышали громкий шум: к крепости подкатывали мощные метательные орудия — камнемёты и тараны для разрушения стен. Дозорные на крепостных башнях видели, как неприятель нагайками и пинками заставлял пленных устанавливать осадную технику. Готовился решающий штурм Детинца.

Светозар, Ходята и Добрыня стойко ратовали в Окольном граде, отступили с княжеской дружиной и теперь стояли на сторожевой башне возле Киевских ворот. Видя, как враг плотно обложил Детинец и готовится к штурму, Светозар сумрачно произнёс:

— Вот и наступил наш судный день. Боже праведный, укрепи мою веру, даруй крепким сердцем пережить сию ночь!

Растегнув кожух, он достал из-под рубахи нательный крестик, поцеловал его, потом, обратившись лицом на восток, стал читать старинный заговор против стрелы и меча.

— Стрела калёная басурманская, не тронь моей белой груди, не пронзи моего ретивого сердца! А ты, меч захой, не коснись моей буйной головы, не переруби мою становую жилу,²⁴ не лиши меня живота! Да будет плоть моя — дуб морёный, не уязвят её вражий клинок и стрела! Аминь!

Когда он кончил шептать, Добрыня ему попенял, что полагаться нужно только на свою силу и удачу, а там, как получится! На что Светозар ответил, что заговор этот древний и баять его нужно с надеждой, глядишь — и останешься жив!

Штурм града

Едва закровавился восток, как монгольское войско подступило к крепости. Вражеские знамёна простёрлись до самого неба, казалось, огромный татарский аркан обхватил Детинец и неуклонно его стягивает. И лют бой был у Чернигова! Монголы с громкими криками пошли на приступ, от их воинственного клича, вылетавшего из отверстых, как гроб, гортаней, содрогался воздух, деревья роняли свою пожухлую листву. Тучи русских и монгольских стрел, закрыв взошедшее солнце, сходились в воздухе, словно противники в поединке, сталкивались, ломались и падали на головы осаждавших и осаждённых.

Таран — платформу на колёсах, на которой находилось подвешенное на цепях огромное бревно, укрытое двускатным навесом, невольники подтягивали к Киевским воротам. Едва они ступили на мост, как затрещал подпиленный бревенчатый настил, и таран вместе с людьми рухнул в глубокий, заполненный водой ров. Монгольские камнеёты обрушили на княжий град огромные валуны, которые едва поднимали четверо. Перелетая через стены, камни с ужасающим грохотом падали на постройки, убивали и калечили людей.

Уже горы трупов замостили ров, а по ним, как посуху, монголы погнали невольников со штурмовыми лестницами. Многие из них пали, сражённые русскими стрелами, но вот по приставленным к стенам лестницам

с яростными криками стал карабкаться неприятель и с воплями скатывался, обваренный льющейся сверху кипящей смолой. Но тут же место упавших занимали другие. Черниговцы отталкивали лестницы рогатинами, однако стоило только выступить из-за укрытия, как смертельную песнь пела вражья стрела.

Обмотанные горячей паклей, монгольские стрелы усеяли кровлю крепостной церкви-башни — все крепостные строения. Деревянная крепость загорелась сразу во многих местах, но некому было тушить, все защитники из последних сил удерживали лютый монгольский натиск. Приподнялся из-за крепостного забрала Добрыня, пытаясь сбросить вниз кадку с горячей смолой, но пал, сражённый стрелой. Светозар, спешно оттянув тело товарища, вступил в схватку с взобравшимся на стену татаринком и рассёк надвое его своим тяжёлым мечом. Накинулся на него с криком другой вражина и занёс над ним свою саблю, и несдобровать бы Светозару, но вовремя оказался рядом Ходята и достал басурмана копьём.

Силы черниговцев таяли, затрещали, не выдержав ударов каменных глыб, Киевские ворота, монголы ворвались в Детинец. Князь Мстислав Глебович воскликнул:

— Братья и дружина! Не покажем плечо супостату, живота лишимся, но в могилу сойдём свободными! Господь — наше упование, надежда и сила в брани!

Зло бьются черниговцы с басурманами! Сверкая очами, дерзко ратует Мстислав Глебович, буйным туром рыкает, булатным мечом прокладывает широкую дорогу среди поганных. Куда ни кинется князь, всюду катятся вражьи головы, уже выросла их гора величиной с Чёрный курган!²⁵ Но обступили его со всех сторон, только яловец — яркий флажок на шлеме князя — всё ещё мелькает сре-

ди татарских шлемов и шапок. И стал изнемогать князь, прикрывается красным щитом от ударов. Но татарское копьё расшибло щит, а татарская сабля рассекла княжеское плечо. Видя, что ранен князь, устремился к нему Андрей, ссекает вражин своим острым мечом. Но не пробился к князю Андрей, сильный удар вышиб его из седла. А гридни, прикрывавшие князя, все уже полегли, уже сбит с коня и туго схвачен арканом Мстислав Глебович.

Кружит, вьётся чёрный ворон над полем брани! Всюду стоят крики и стоны, и мёртвые хватают за край одежды живых. Кровь русская изобильно поит отчую землю! О, злая честь басурманская! Уже пал княжеский красный стяг, топчут его копыта монгольских коней! Андрей, приподняв голову, увидел, как пленили князя. «Прости, княже, что не успел». И потерял сознание.

Монгольские тараны сотрясли, разрушили стены черниговского кремля, через огромные проломы враг ворвался на его территорию. Завязался рукопашный последний бой.

В белой, чистой одежде крепко бьются черниговцы, до последнего вздоха бьются, но не уступают и пяди родной земли! Боярин Никодим ратует храбро, но обступили его недруги, и поникла буйная боярская голова, острые монгольские сабли изрубили могучее боярское тело. Приник удалец к земле, закрыв свои светлые очи, и вылетела душа его через шейное ожерелье.²⁶ Умирая, он прошептал: «Вольный свет-батюшка и ты, люд честной черниговский, прости, если обидел чем вольно или невольно».

Падение Чернигова

К полудню все защитники кремля пали, и всюду на пепелище лежали обгоревшие трупы черниговцев. Прогоре-

ли и обрушились купола Спасо-Преображенского собора и Благовещенской церкви, второй по своему величию в граде. Все церкви Детинца были разрушены. Княжеский двухэтажный терем лежал в руинах, такая же участь постигла дома бояр и других знатных черниговцев.

Ходята и Светозар сумели уйти в одно из многочисленных подземелий, простиравшихся под Детинцем. В узком подземном ходе, протянувшемся от Спасо-Преображенского собора к Стрижню, они затаились до ночи, а потом по нему вышли к реке. Сев в струг, который предусмотрительно был спрятан в пещере, они бесшумно поплыли вниз по течению мимо пылающих на берегу костров, надеясь выйти в Десну. А пока плыли, держали между собой совет, что по реке доберутся до Киева и расскажут князю Михаилу Всеволодовичу о несчастье, постигшем его родной град Чернигов и черниговцев.

После сражения

Беспамятного Андрея подобрала монголы. Бесстрашные, отважные воины, они уважали такие же качества своих противников, Андрею перевязали рану и поместили вместе с князем Мстиславом Глебовичем и епископом Порфирием. Хан Менгу, узнав о знатных пленниках, велел привести их к нему и встретил приветливо. Усадив рядом, повелел, чтобы подали им в серебряных чашах кумыс.

Епископ Порфирий, бесстрашно глядя на хана, отказался от такой почести, сказав, что негоже православным пить лошадиное молоко. Примеру его последовали Мстислав Глебович и Андрей. Хан усмехнулся, но не разгневался, лишь сказал, что уважает веру урусов, а пленникам дарует жизнь и свободу. Однако князь пойдёт в Киев и передаст Михаилу Всеволодовичу условия, на которых тот

добровольно сдаст град. Если подчинится, убережёт град и киевлян от гибели, сам останется в живых и будет править своей землёй.

Мстиславу Глебовичу и Андрею вернули оружие и дали коней. Они в сопровождении татарской свиты отбыли в Киев. А хан Менгу, простояв у сожжённого и разграбленного Чернигова несколько дней, направился со своим войском на север Черниговского княжества, захватив с собой епископа Порфирия. В пути епископ неожиданно разболелся. Монголы отпустили немощного старика только в Глухове,²⁷ где в скором времени он скончался.

Конец древнеруськой эпохи в истории Сиверской Руси

...Чернигов лежал в руинах, и долгие годы ветер свободно гулял по некогда полнолюдным предместьям: Подолу, Предградью и Окольному граду. И хотя жизнь в опустошённом городе окончательно не заглохла, восстановить былую мощь крупнейший град Южной Руси так и не смог. Роман Брянский, сын князя Михаила Черниговского, перенёс столицу черниговского княжества в Брянск, вместе с ним переместилась и черниговская епархия. Выдающаяся древнеруськая эпоха в истории Чернигово-Сиверской земли завершилась. Она была лишь частью героической и романтической истории Древней Руси. Русь, как суверенное государство, прекратила своё существование под ударами монголо-татар.

Являлось ли монголо-татарское нашествие катастрофическим для Руси или это был миф советской исторической науки? Версии, что масштабного вторжения кочевников на Русь не было, придерживался известный в прошлом столетии историк и писатель Лев Гумилёв.²⁸

Однако данные археологических исследований тер-

ритории черниговского Детинца убедительно говорят, что Чернигов был сожжён дотла, резко сократилось его население. Пришли в упадок некогда развитые черниговские ремёсла: ювелирное, кузнечное, ткачество, гончарное, производство кирпича (плинфы), другие. Центр экономической и культурной жизни в Сиверском крае прекратил своё существование. Город потерял свою былую славу и начал возрождаться к жизни только через много столетий. Если перед нашествием монголо-татар в городе проживало не менее 25 тысяч человек, то в конце XIX ст. в Чернигове насчитывалось 35 тысяч жителей. Лишь только в советское время город стал бурно развиваться как экономический, политический и социальный центр древнего Сиверского края. Перед распадом СССР (1991) в Чернигове было 310 тысяч жителей.

Примечания

1. Набат — войсковой барабан в Древней Руси.

2. Князь Мстислав (Фёдор) Глебович. Дата рождения и смерти неясна. В Любецком синодике именуется великим князем Черниговским. По одной из версий, был новгород-северским князем и пришёл на помощь осаждённому Чернигову. Попал в плен, но был отпущен и ушёл в Киев к Михаилу Черниговскому, своему двоюродному брату.

3. Епископ Порфирий II. Занимал черниговскую кафедру в 1230-1239 гг.

4. Гридь, гридин — рядовой воин княжеской дружины, телохранитель князя.

5. Евпатий Коловрат (1200-11 янв. 1238 года) — рязанский боярин. Находился в Чернигове, когда монголы сожгли Рязань (декабрь 1327 г.). Собрав черниговских добровольцев и остатки рязанской дружины (всего 1700 чел.), напал на монгол в Суздальской земле. В единоборстве зарубил монгольского царевича Хостоврула. Погиб, когда монголы закидали дружину камнями из камнейётов. Хан Батый, изумлённый мужеством русских, отдал тело Евпатия оставшимся в живых дружинникам и отпустил их с почестью. О подвиге Евпатия Коловрата известно только по «Повести о разорении Рязани Батыем».

6. Василий (1225-1238), малолетний князь Козельска, входившего в состав Черниговского княжества. Погиб при осаде города. Монголы назвали Козельск «злым городом», так как при семинедельной его осаде погибло множество ордынцев.

В настоящее время Козельск — город Калужской области, расположен на реке Жиздре, впадающей в Оку, в 270 км южнее Москвы. Город воинской славы (5 дек. 2009 г.).

7. Ветхий завет. Книга пророка Амоса, (8:9, 10).

8. Ветхий завет. Левит (третья книга Моисея), глава 26, (14, 23, 26).

9. «Святые стены сберегут» — при реставрации собора (архитектор Н.В. Холостенко) в 1957 году в восточной стене были найдены замурованные сокровища (19 предметов). Такие же височные кольца, браслеты и перстни были найдены возле собора ещё в 1883 году. Два этих клада взаимно дополняли друг друга. Возможно, что это был один клад, разделённый на две части и спрятанный в разных местах.

10. Поприще или верста — старорусская путевая мера. Упоминается в письменных источниках ещё в XI веке. Измерялась расстоянием, которое прошёл плуг по полю от одного поворота до другого. Вёрсты были разными, так как состояли из различных сажений (от глагола «сягать, досягать», то есть насколько можно дотянуться рукой). Сажений существовало больше десяти, измерялись аршинами, по длине варьировались от 135 до 285 сантиметров. «Маховая сажень» — расстояние между концами пальцев широко расставленных рук взрослого мужчины. «Косая сажень» (248 см) — расстояние от конца большого пальца левой ноги до конца среднего пальца поднятой вверх правой руки.

11. Храп — морда лошади.

12. Имеется в виду Татарская горка, ботанический заповедник площадью 2 га. Находится в 8 км на восток от Чернигова, расположен между сёлами Анисов и Подгорное. По преданию, здесь перед штурмом Чернигова остановились лагерь монголо-татары.

13. Монголы употребляли в пищу мясо домашних животных, преимущественно лошадей, баранов, собак, а также лисиц и волков.

О быте и нраве монголов рассказывает монах-францисканец Плано Карпини, который посетил по указанию папы Иннокентия IV Золотую Орду и ставку великого хана в Каракоруме, а также монах-минорит Гильом де Рубрук. См.: «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957, с. 26-37, 91-103.

14. Нукер — профессиональный воин, дружинник из личной гвардии монгольских ханов или знати.

15. Десятник — старший над десятью воинами. Организационно монгольская армия делилась на десять тысяч (тьма или тумэн), тысячу, сотню и десяток, которые возглавляли темник, тысячник, сотник, десятник. Десять тумэнов составляли конную армию в 100 тыс. человек.

16. Хан Менгу — внук Чингисхана, монгольский военачальник, участвовал в походе хана Батыя на Русь (1237-1240).

17. Нойонам подчинялись отряды нукеров.

18. Свои половцы или ковуи — кочевники, находившиеся на службе черниговских князей.

19. Летописный Гюричев — Бобровица, современная восточная окраина Чернигова.

20. Сжатый кулак в системе древнерусского счёта означал число «60».

21. «Черниговского полка» — здесь в значении «черниговских ополченцев», которые были набраны из простых людей, поэтому были недостаточно хорошо вооружены и не имели серьёзных военных навыков.

22. Перестрел — расстояние, которое пролетает выпущенная из лука стрела.

23 Чёрное вино в значении «красное» — князь имел в виду кровь.

24. Становая жила — позвоночник.

25. «Чёрный курган» — курган Чёрная могила, сохранившийся до нашего времени в Чернигове. Один из самых высоких курганов Восточной Европы, датируется вт. пол. X ст.

26. «Вылетела душа его через шейное ожерелье» — по древнерусскому поверью душа князя или знатного русича оставляла тело через шейное украшение.

27. Глухов — город Сумской области, население 36 тыс. чел. Известен с 1152 года, во времена Киевской Руси входил в Черниговское княжество.

О пленении черниговского епископа и его освобождении в Глухове повествует летопись. «А епископа Порфирия жива ведоша с собой в Глухов и паки пустиша его». / Русский библиографический словарь (РБС), т. XIV, с. 588/.

28. Гумилёв Л.Н. (1912-1992) — сын известных русских поэтов Анны Ахматовой и Николая Гумилёва. Советский историк, востоковед, писатель. Автор 12 монографий, многих книг и статей по истории Древней Руси и кочевников. Обосновал «пассионарную теорию этногенеза», неоднозначно воспринятую историками.

Глава пятая

Князь Михаил Черниговский отправляется в Золотую Орду

Русская жизнь после монгольской «ласки»

Громкие звуки, доносившиеся из Елецкого монастыря, сзывали горожан на утреннюю службу. Седой монах с широким шрамом от виска до подбородка на правой щеке размашисто и размеренно бил рукоятью сломанного меча в металлический щит, служивший подобием колокола. Этот монотонный звон надрывал душу, роил в умах людей невесёлые думы.

Прошло без малого семь лет, как Чернигов разорила монголо-татарская орда хана Менгу. Некогда цветущий град всё не мог оправиться от перенесённого горя, лежал в развалинах. Среди руин только высились обгоревшие остовы черниговских храмов. Сиротливо и гнетуще смотрели они своими проломленными куполами в небо. Правда в иных местах уже звонко стучал топор и визжала пила. Это пережившие беду горожане вновь обустраивались на родных пепелищах.

Жизнь продолжалась, но стала какой-то скомканной, исковерканной злым роком. Люди, постоянно оглядываясь, пугливо жались по сторонам, им казалось, что время потекло вспять, что они попали совсем в другое измерение. Так часто бывает в смятенном сне, когда пригрезится, что, вопреки здравому смыслу, человек ходит по потолку, а потому всё в отчем доме воспринимает в перевёрнутом виде.

Понятия добра и зла, присущие русичу с колыбели, впитанные с молоком матери и освящённые православной традицией, смешались. Даже глубоко личное, имевшее для славянина сакральное значение, а потому запретное в открытом разговоре, стало дозволенным.

Грешить словцами, которые извечно присутствовали в народном говоре для названия интимных частей тела, считалось у славян большим святотатством, скверной. По глубоким народным поверьям, эти словечки, произнесённые громогласно, оскверняли чистоту семейных отношений. От поганцев, непотребно поминающих мать, народ отворачивался, они становились отверженными.

Теперь же это непотребство стало у всех на устах. Целомудрие семейных отношений ушло в прошлое. А виной тому стал жестокосердый народ, ненасытной саранчой ворвавшийся в русские пределы. Русь застонала от горя, даже реки запнулись в своём беге. Ибо всюду повеяло смертью. Она поджидала человека за каждым поворотом дороги, даже в собственном доме. Смертный путь, по которому никто никогда своими ногами не хаживал, запрудила несметная уйма людей. Судьба зло посмеялась над православными! С восхода солнца, где по их искренней вере зарождается Свет, пришла Тьма и надолго опустилась на Русь.

Язычники попрали сохранявшиеся веками устои народной жизни. Они открыто выказывали своё презрительное отношение к женщине иного рода-племени, которая, по их разумению, годна только для самой чёрной работы или для удовлетворения похоти.

Душа русских людей, загнанных завоевателями в тяжёлую нужду, надорвалась. Народ обезверился, а потому потерял свою нравственную опору. Морально-этические нормы, искони присущие славянину, пошатнулись, потеряли свою прежнюю значимость. Запретное уродливо выползло наружу. Похабщина жирно растеклась по русской земле, стала нормой в повседневном лексиконе людей, обезумевших в перевёрнутом с ног на голову мире.

В Елецком монастыре у епископа Иоанна

Князь Михаил в сопровождении боярина Фёдора и коваля Андрея въехал на подворье Елецкого монастыря, казавшегося островком жизни в разорённом монголами граде. Их встретил владыка Иоанн с монастырской братией. Он принял старшинство над Черниговской епархией после епископа Порфирия, уведённого татарами из сожжённого Чернигова.

Придержав своего жеребца и неловко прыгнув наземь (как-никак, а уже шестьдесят семь годков!), князь отдал поводья подбежавшему иноку. И вместе с владыкой направился в Успенский собор. По ступенькам в стене они поднялись на галерею, где размещались хоры и келья владыки. И уже в келье князь смиренно обратился к своему духовнику:

— Владыка, разреши вериги моей души! Боязнь наглой¹ смерти одолела меня.

— Всяк человек смертный, — ответствовал Иоанн. — Так стоит ли отчаиваться? Уповай на Господа, и душе твоей воздастся сторицей. О твоей кручине наслышан, но даже в безысходной доле всегда есть надежда.

— Святой отче, хан Батый желает, чтобы прибыл к нему в ставку и облобызал ему ноги. А за такой «поклон» сулит мне ярлык.² Дожились, что русский князь должен валяться в ногах у язычника, испрашивать дозволение на княжение в своей вотчине! Много пришлось мне изведать горести, но таких поганских почестей не принимает душа!

— Обветшал ты, княже, от стезь своих. А поганые помнят все твои козни. Ведь ты был дважды причастен к убийству их посольных. Не забыли они и твоё непокорство, когда пытался возмутить против них западные народы. И не твоя вина, что посланец твой не получил тогда поддержки.³

А безбожные уста смертоочивы, веры им нет! Отправляйся в свой скорбный путь, княже, с крепкой душой. Не поддавайся на уговоры и посулы язычников, не принимай обряды поганские. Не искушай своё сердце и не губи свою душу ради сомнительной мирской славы. Молись о жизни вечной! И Господь воздаст по прошению твоему. Смертна только плоть, душа же наша бессмертна. Ибо сказано: «Сеющий в плоть свою от плоти пожнёт трение, а сеющий дух от духа пожнёт жизнь вечную».

Иоанн покрыл склонённую голову князя епитрахилью,⁴ перекрестил и прочитал разрешительную молитву.⁵

— Ступай! Да будет с тобой благодать Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа!

Князь Михаил низко поклонился своему духовнику, обнявшись и облобызавшись с ним, вышел. Следом исповедались и причастились у владыки боярин Фёдор и коваль Андрей.

Раздумья коваля Андрея

Андрей собирался в дорогу в своём заново отстроеном доме на территории Детинца. Душа кручинилась, он долго не понимал причину этой беспокойности, пока не кольнуло сердце, что вот также смятенно чувствовал себя, когда уходил с князем к уграм. Тяжкие воспоминания большими ковальскими щипцами сдавливали его сердце...

После падения Чернигова хан Менгу отпустил его и князя Мстислава, повелев идти в Киев к князю Михаилу, чтобы рассказали ему о горькой участи его родовой отчины. Хан злобно сказал, что также станет с Киевом и его жителями, если князь добровольно не сдаст град.

Встретившись с Михаилом Всеволодовичем, они передали ему суровые требования монгольского военачальни-

ка. Князь выслушал их внимательно, а потом, окаменевши, долго молчал. В устоявшейся тишине только громко хрустнули его крепко сцеплённые пальцы. Боялись вспугнуть безмолвие боярин Фёдор и присутствовавшие при разговоре знатные киевские мужи. Затем, словно очнувшись от навajдения, Михаил пылко промолвил, что с безбожниками на переговоры он никогда не пойдёт. Его дружина и киевляне все полягут на городских стенах, но град врагу не сдадут.

Расправа с монгольскими посольными

Хан Менгу, разорив черниговскую землю, привёл в скором времени свой тумэн к Киеву. И не мешкая послал к Михаилу Всеволодовичу переговорщиков, полагая, что он внял словам освобождённых своих соплеменников. Но князь говорить с ханскими посольными не захотел. Только грозно сверкнул очами и повелел круто расправиться с ними, а трупы выбросить за городские ворота. Княжеские дружинники люто расправились с монгольскими послами, подписав этой безумной расправой безжалостный приговор граду и его жителям.

Менгу с нетерпением ожидал своих послов на левом берегу Днепра, алчно поглядывая через стылую воду на Киев. Там, в лёгкой морозной дымке, золотились под солнцем на крутых холмах несчётные купола церквей. Он долго смотрел на главный русский град, а потом, словно голодный зверь, похотливо облизнулся, подумав: вот он, лакомый жирный кусок, его без промедления нужно брать. Много золота и пленников приведёт он в улус своего двоюродного брата хана Бату.⁶

А когда увидел мёртвых послов, пришёл в бешенство. Выхватив саблю, резким взмахом ссёк молодую берёзку и поклялся спалить злой русский град дотла, а всех его жи-

телей умертвить. Злобно прорычал, что лучше князю Михаилу сгнуться от стрелы его нукера, чем попасться живым, — смерть его будет презренной и лютой. А весь его род он истребит, пока от него не останется лишь негодный кусок мяса, которым будут брезговать даже бездомные твари.

Искромсав на щепы берёзку, хан успокоился. И по здравому рассуждению не решился на штурм Киева. Столица Южной Руси, окружённая высокими крепостными стенами и глубокими рвами, выглядела внушительно.⁷ К тому же его войско в постоянных битвах с непокорливыми русинами значительно изнурилось и поредело, а потому нуждалось в отдыхе.

Пусть воины вернутся в свои улусы, где наберутся сил и заострят свои стрелы, а кони раздобреют на зимних пастбищах. Урусы же пусть ещё немного порадуются вместе со своим князем Михаилом солнцу и помолятся своему Богу. С наступлением тепла, когда просохнут дороги, их всех постигнет страшная участь. Дети будут проклинать своих родителей, что породили их на свет.

Князь Михаил Всеволодович уходит к уграм

Киевляне оживлённо толпились на крепостных стенах и отпускали едкие шуточки в сторону отступавшего неприятеля. Вот, мол, испугались нашей силы и, как дикие звери, трусливо пождав хвосты, уходят восвояси.

А князь Михаил Всеволодович предался невесёлым раздумьям. Он отчётливо понимал, что ушёл этот жестокий народ ненадолго. Сможет ли он отстоять град, когда супостат вернётся? В груди всколыхнулось гнетущее, когда соединённые дружины русских князей и половцев потерпели нещадное поражение на Калке.

Князь тяжело вздохнул. Даже там русичи не смогли до-

говориться о согласованных действиях. Ужасная участь постигла князя Мстислава Романовича Киевского и его дружину. А сколько теперь поляжет защитников, если эти выходцы из преисподней возьмут Киев? От таких мыслей князю стало страшно и он, будто озяб, передёрнул плечами.

Князю казалось, что всё ужасное уже давно забыто, а жизнь потекла своим привычным размеренным ритмом. Если уж верна пословица, что нет худа без добра, она в полной мере коснулась его. Калка проложила ему дорогу к власти. На ней полегли старейшие русские князья, а он и его шурин Даниил Галицкий чудом избежали смертной участи. И по праву стали старшими князьями среди разросшегося племени Рюриковичей. На Калке пал его дядя князь Мстислав Черниговский, и черниговское княжество, второе по значимости в Южной Руси, досталось ему. С годами он стал одним из влиятельнейших русских князей, дважды правил в Великом Новгороде. Сумел коснуться древком своего копья златоверхих киевских ворот. Но, зная, не жилец он в русской столице.

Страх перед грозным и беспощадным врагом — «синдром Калки» — липкой паутиной облёк его душу. Ему вспомнился печальный удел его младшей дочери Марии,⁸ постоянные раздоры и вражда с Даниилом Галицким и Ярославом Всеволодовичем. Русский мир окаянные огаляне разорили дотла, в сечах с ними погибло много люду. Помощи ждать неоткуда, а без поддержки извне он не защитит киевлян от несметной татарской орды.

И ему вдруг захотелось, как тогда, на Калке, бежать. Бежать без оглядки. И остановиться, чтобы перевести дух, только тогда, когда не будут слышны за спиной тяжёлый топот низкорослых степных коней и злобные гортанные завывания этих исчадий ада.

Михаил Всеволодович вспомнил о венгерском короле Беле IV, за его дочь Анну был просватан сын Ростислав. Переговоры о свадьбе велись уже давно. Князь принял решение без промедления собираться в дальнюю дорогу. А перед отъездом объявил киевлянам в Софийском соборе, что оставляет их в столь тяжкий час ненадолго и уже с угорской ратью вернётся в Киев.⁹

Под заунывный перезвон колоколов киевляне провожали своего князя. Многие выражали недоумение, как в такой трудный час он мог оставить град без верховной власти, передав его оборону своим дружинникам (а те город удержать не сумели, сразу же его захватил Ростислав Мстиславович, но ненадолго, Даниил Галицкий выгнал смоленского князя, однако и сам оставаться не захотел, а посадил своего воеводу Дмитра).

Вместе с князем и его дружиной уходили в Венгрию верные его соратники: боярин Фёдор, князь Мстислав и коваль Андрей, дружинники Светозар и Ходына. Андрей надеялся, что скоро вернётся, однако на душе у него было мутно. Не ясна доля жены, до сих пор нет от неё никакой весточки и жива ли она? А тут ещё приходится расставаться с Алексеем и внуками. А увидит ли он их? Плохие предчувствия беспокоили его сердце.

Князь Михаил собирается в Золотую Орду

Андрей, очнувшись от нелёгких своих воспоминаний, продолжал собираться в дорогу. А Чернигов уже полнился слухами, что князь Михаил Всеволодович покидает град. Горожане бросали свою работу и собирались вдоль дороги, по которой должен был проследовать княжеский обоз.

Солнце уже давно перевалило за полдень, когда группа всадников выехала из восточных ворот Детинца. За

ними, поскрипывая колёсами, тянулось несколько крытых повозок. Сердобольные женщины, завидев своего князя, низко ему кланялись, а потом со всхлипом, утирая платком выступившую слезу, крестили вслед. Все, кто провожал, понимали, что обратно князь уже не вернётся. А кое-кто, покачивая головой, неодобрительно поглядывал на отъезжающих.

— Без него мы защищали Чернигов! Он и Киев кинул на растерзанье ворогу, а сам в страхе бежал к уграм. Да вернулся без чести. По Сеньке и шапка, по Ерёме колпак!

— Экой, ты, Векша, ненавистник! Всё злобствуешь. Это ведь наше общее горе. Обезглавили нас, нет теперь у нас истинной власти. Не скоро теперь мы станем народом сильным и самостоятельным, с которым будут считаться наши соседи. Века могут пройти, прежде чем окончательно мы оправимся от этого бесовского потрясения и встанем на ноги. Грех злорадствовать. Не из трусости князь пошёл к уграм, а за подмогой. Но слишком они о себе мнили. Не смекнули, что, если погибнет Русь, они будут следующими. Вот и пришлось нашему князю уйти от них не солоно хлебавши. А ты о нём плохо... Жалко его по-свойски.

Так отвечив Векше бывший княжий писец Святобуд. Когда в Детинец ворвались татары, он отчаянно оборонял княжий град вместе с последними его защитниками. Уже тяжело раненого, его подобрали оставшиеся в живых ратники и унесли с собой в подземелье, соединявшееся длинным ходом с Елецким монастырём. Иноки сумели выходить Святобуду, излечивая его израненное тело только им ведомыми снадобьями. Так он остался в монастыре, надеясь здесь пережить недобрую пору, пока всюду в окрестностях рыскал неприятель.

— А я что? Я ничего, сказал, что думал. Только бросил

он нас на потраву супостату, теперь вот и сам едет к ним на закланье. А правда твоя, грамотей, не скоро наша родина встанет на ноги!

Прощание с Черниговом

Путники пересекли по новому деревянному мостку Стрижень и, выехав за городские пределы, направились вдоль берега Десны вверх по течению. Именно тут начался древний путь из Чернигова на Восток, на могучую реку Волгу. В её низовьях находился улус Джучи, кочевая столица монгольского хана Бату.¹⁰

На последнем повороте дороги, откуда ещё виднелся сквозь начинающую уже желтеть листву Спасский собор, Михаил Всеволодович завернул жеребца и перекрестился.

— Чует моё сердце, более не свидимся!

Высоко над Десной кружили и кричали аисты. Стояла середина августа, и эти большие птицы сбивались в стаи, в прощальных полётах осматривая родные места, где от рождения до возмужания провели своё время. Здесь всё им было ведомо, здесь вдосталь было им пищи, а люди никогда их не обижали. Здесь робко и неуверенно учились они летать, пытаясь расправить свои широкие крылья, чтобы потом мощно ими взмахнуть и подняться в неимоверную высь. А уже оттуда зорким взглядом окинуть такие знакомые поля, леса и перелески, и такую желанную родную реку с куртиной разросшихся деревьев на берегу. А среди них отыскать до боли в груди знакомую старую дуплистую иву со своим родовым гнездом, казавшимся чёрной точкой с неимоверной выси, куда вознесли их могучие крылья.

Тёплая и сытая пора детства, когда родители неустанно о них заботились, безвозвратно ушла. Настала пора про-

щаться со своей родиной и отправляться в путь. В чужие края — неизведанные дали, в новое, совсем незнакомое будущее. Да и все ли они долетят до этих сторонних миров, где их совсем не ждут? Многие, тщетно взмахнув ослабевшими крыльями, стремительно падут с высоты на суровую грешную землю, и вряд ли кто пожалеет о них, совсем ещё молодых, но ослабевших телом и духом в далёком и трудном пути, нашедших свою незавидную участь далеко от родной земли.

Радостный громкий клич вырвался из молодой груди, ещё не изведавшей опасных, смертельных забот, и заполнил всё поднебесье. И прощальным аккордом долго витал над родной землёй.

Князь прищурил глаза и посмотрел на парящих высоко в небе аистов, у него сжалось сердце, навернулась слеза. Он размашисто отвернул ворот рубахи, снял с груди золотую нашейную гривну, поцеловал и, широко размахнувшись, забросил в Десну.

— Сбереги её для потомков, может, когда-нибудь и найдут, вспомнят обо мне и отзовутся хорошим словом!

Князь натянул удила, легко пришпорил коня и направился к боярину Фёдору и Андрею. Они, толкуя, терпеливо поджидали своего князя невдалеке.

Разговор боярина Фёдора с Андреем

— Что, коваль, насупился? — обратился Фёдор к Андрею.

— Помутился, боярин, думами. Железо сокрушается огнём, а человек напастями. Вот и меня одолели беды. Уже давно нет моей Агафии. Что с ней случилось, одному Богу известно. Ходила молва, что всех, кто тогда ушёл из Чернигова, настигла беда. И сынок мой Алексей вместе с семьёй по-

гиб в Киеве. Волком надо выть с горя, а ты, боярин, — «насупился». Хватит ли силушек всё это выдержать? Не знаю.

— Крепись, Андрей. Не только тебе муторно на душе. На исповеди владыка открыл мне тяжёлую тайну, которую не сказывал князю. Получил наемни он весточку от старшей дочери нашего князя — Ефросиньи.¹¹ Ты знаешь, она с девичьих лет подвизается в суздальском монастыре. Привиделся ей вещий сон — гибель отца в Орде. Испыёт он там свою смертную чашу. И мне предрекла сию долю. Владыка напутствовал, чтобы князя бодрил в сей горький час и сам держался. Вот что скажу тебе: с юности всегда делил с ним все его радости и беды и теперь не отступлюсь от него!

Неужто мне жить не хочется? Лета мои на исходе, а всё равно охота зреть белый свет: солнце красное, свою милую жёнушку, детей своих. Внуков хочется ещё побаловать. Наш боярский род всегда верой и правдой служил черниговским князьям, и я сей славы не посрамлю, честь свою не продам ни за какие посулы.

Боярин ловко взмахнул рукой и поймал мотылька, севшего на холку присмирившего под ним жеребца, потом простёр руку и раскрыл ладонь. Мотылёк замельтешил крылышками. Следя за его замысловатым полётом, Фёдор вздохнул и жарко повторил:

— А жить хочется, ох, как хочется! Но только, чтобы совесть была чиста и честь не запятнана. Лучше смерть, чем жизнь в бесчестии!

Ефросинья открыла и твою долю, Андрей. Ты не сгинешь в Орде, а привезешь наши тела в родной Чернигов и положишь в Спасском соборе, рядом с князем Игорем¹² и митрополитом Константином.¹³ А народу черниговскому расскажешь всю правду о нашей смерти. Не в лёгкий путь,

коваль, мы с тобой направляемся, а иного у нас нет! Да укрепит Господь наши силы!

— Тяжела, боярин, твоя молва. Не хочется верить в сказанное тобой. Если сон Ефросиньи сбудется, исполню свой долг...

Встреча с монгольскими сборщиками дани

На иссохшейся от летнего зноя дороге послышался шум и появилась группа изнурённых людей. Верховые сопровождали их злобными выкриками, тыча остриями копий в спину. Связанные длинной бечевой по несколько человек, пленники невольно ускоряли шаг, почти бежали. Один из бедняг совсем выбился из сил и опустил на землю, потянув за собой товарищей.

Тотчас к нему подскочил конвоир и, грозно прокричав, полоснул по спине нагайкой. Его пытались поднять, но всё было тщетно, он совсем обмяк и не смог даже пошевелиться. Тогда конвойный выхватил саблю и ударил несчастного, потом разрубил бечеву, связывающую его с другими. Бедняга остался лежать на дороге, под ним потемнела от крови земля. А горемыки, понунив головы, побрели дальше, кинув тоскливый взгляд на людей, наблюдавших эту картину осторонь, так и не рискнувших прийти им на помощь.

Ходята в ярости закусил губу и поднял на дыбы своего жеребца, но его осадил Андрей.

— Остынь, не резон нам сейчас вступаться за них, толку мало. Сила теперь не наша, и гудеть нужно под их гудец, — он кивнул в сторону татар, ослабившихся при виде русских. — А этим уже ничем не поможешь, забрали их за долги. Если не кончатся в пути, в неволе будут жить лучше. Ведь поганцы забрали не всякого, а мастеровых. На них в Орде спрос ныне большой.

Ходята осадил своего жеребца и с горечью протянул:

— Э-э-х! Люди мы или нелюди? Даже помочь своим не можем! Горько закрутила нас доля!

Знакомство Светозара с Яриной

Солнце уже цеплялось за верхушки деревьев, когда путники подъехали к Гюричеву. На околице бывшего князьего сельца гуляло волнами жито. Утирая ладонью струившийся по лицу пот, молодая холопка жала его серпом, а сын сноровисто складывал связанные снопы в копну. Когда кортеж князя проезжал мимо, молодница замерла, а поняв, что это не простые всадники, низко поклонилась и, шлёпнув рукой по затылку сына, заставила его тоже склонить голову.

— Мамка, кто это? — тревожно спросил сын, исподлобья глядя на проезжающих.

— Не бойся, похоже, князь Михаил с дружиной. — А сама беспокойно прижала сына к груди.

— Смотри, какая красная девица, — увидев молодицу, обратился Светозар к Ходяте, — я отлучусь, а ты, коли что, свисни.

Пришпорив коня, он направился в поле.

— Бог в помощь!

— Спасибо, коли не шутишь!

— Почему одна, без хозяина?

— Вот мой хозяин, помощь моя и отрада, — молодница ласково посмотрела в сторону сына. — А мужа убили татары, когда нагрянули в наше село.

— Прости, хозяйюшка, не знал. Мы в селении заночуем, скажи, где найти тебя, принесу гостинец твоему мальчонке. Вместе и повечеряем. Как, согласна?

— Уж больно ты скор на гостинцы, ведаю, что тебе

нужно. А впрочем, приходи! Найти же меня несложно, если уж сильно хочется...

— Тогда, как стемнеет, обязательно буду.

Светозар пришпорил коня, но вдруг резко его осадил.

— Постой, а как звать-то тебя?

— Уж целых двадцать пять годков величают меня Яриной, — рассмеялась женщина.

— А меня столько же годков величают Светозаром. Вот и познакомились.

— Ну, Ярина, жди! — Светозар вновь пришпорил коня.

— Слышишь, обязательно жди!

Он помчался в село, где его товарищи уже искали пристанище для ночлега. Недавно ещё богатое княжеское село теперь убого смотрело на мир редкими полуземлянками да скудными хозяйственными постройками. Здесь едва теплилась жизнь. Спутники князя нашли, наконец, удобную поляну на краю села возле леса и, спешившись, занялись устройством ночлега.

На ночлеге

— Что, любодей, хороша девка? — поддел Ходята товарища.

— А тебе что за дело? — огрызнулся тот, не принимая вольный тон друга.

— Сдаётся, зацепила она тебя за живое, смотри, не наделай глупостей. Сейчас не до них. Не дело под жёнкою воз тянуть, не забывай, что тот не мужик, кем баба владеет. Люди добрые говорят, что «дай сердцу волю — заведёт в неволю».

— Отстань, окаянный, ни к чему твои поучения. Оставь их вон этим, — Светозар кивнул в сторону гридей, расторопно раскидывающих палатку для князя.

— Ладно, не обижайся! Дело вольное и молодое, нужное. А я вот всё один, видно, уж так и кончу свой век, — с грустью промолвил Ходята, а потом встрепенулся и бодро хлопнул приятеля по плечу.

— А ты не теряйся, когда ещё такое случится, да и случится ли?

— Ишь, раскаркался, как старый ворон. Накаркаешь! Как всё успокоится, пойду. Если что, так кликни!

— Не тревожься, не в таких бедах выручали друг друга, — отвечивал Ходята.

Как только смерклось, Светозар прихватил торбу с гостинцами и выскользнул из палатки. Ходята, уступив дорогу товарищу, только прошипел вдогонку:

— Слышь, засветло возвращайся, ин сам понимаешь...

Свидание

Светозар мягко ступал уснувшим селом, как от едва угадывавшейся во тьме полуземлянки вдруг оторвалась тень и метнулась к нему. От неожиданности он вздрогнул и схватился за нож, висевший на опояске, но услышал короткий смешок и сдавленный шёпот:

— Ишь, герой, поосторожней. Испугался девки, аль не узнал?

— Узнаешь тут в темноте! А ты тоже хороша, так и до беды недолго!

— Ладно, ладно, успокойся. Я уж подумала, что не придёшь. Пойдём же, покажу свои хоромы.

Она показала рукой на едва видневшуюся в сгустившейся мгле хибару и, схватив его за руку, потянула за собой. Пригнувшись на пороге, он вошёл в почти вросшую в землю истопку.¹⁴ Пахло дымом, уходившим столбом из каменки в круглое отверстие, проделанное в потолке. По

деревянными стенам плотным рядом висели полки, служившие для оседания сажи. Окошко — узкая продолговатая щель в стене — было закрыто деревянной задвижкой. В полумраке на столе в красном углу еле мерцала лучина. От едкого дыма Светозар невольно зажмурился, опустил на глиняный пол торбу и потёр руками глаза.

— Вот, принёс, — словно стесняясь, он указал пальцем на холщовый мешок с продуктами.

— Спаси, Господи, — перекрестилась на образ в углу над столом Ярина, — вот то-то будет у нас праздник!

Она развязала торбу и выложила на стол куски копчёного мяса и сала, медовые соты, несколько медовых пряников и добрую пригоршню лесных орехов.

— А это сыну, — и отложила пряники в сторону. — Спасибо тебе за гостинцы. Ну, чего стоишь, усаживайся, сейчас соберу на стол.

И принялась суетиться возле дышащей жаром печи, ловко выхватив из её зева глиняный горшок с просяной кашей.

— А малец там?

Светозар кивнул на занавеску, что отгораживала настил сбоку печи от остальной комнаты, думая, что мальчишка спит.

— Сдаётся, сегодня он тут не нужен, — смутилась Ярина, — отправила его к своей сестре, тут, неподалёку.

Светозар подошёл к Ярине и, неуклюже притянув её к себе, поцеловал. Ярина, будто пытаясь вырваться, упёрлась руками в его широкую грудь.

— Да постой же, какой нетерпеливый, дай стол накрыть. Ещё успеется!..

Расставание Светозара с Яриной

Уже светало. Заслышав крик петуха, Светозар заворочался на полатах, осторожно отвел обнимавшую его руку Ярины и тихонько стал подниматься, боясь потревожить сон подруги. Она же, проснувшись от лёгкого шороха, только горько вздохнула:

— Быстро ноченька пролетела! — и привычно потянулась с полатей. Скоро одевшись, разворошила остывший в печи жар, нашла тлеющий уголёк и зажгла лучину. Жидкий мерцающий свет осветил горенку, отбросил уродливые огромные тени Светозара и Ярины на стены и заколебался на чёрном от сажи потолке.

Они обнялись и горячо прильнули друг к другу.

— Люб ты мне стал с первого взгляда, там, на поле, — сдерживая слезу, покусывая губы, проронила Ярина. — Спасибо тебе, утолил ты мою женскую печаль!

— А не боишься непраздной стать?

— Лучше понести от тебя, чем от лихого татарина. Сколько они наших девок уже перепортили! Не хочу татарчонка под сердцем носить. Пусть мой сынок будет наших кровей.

Светозар шагнул за порог. Ярина кинулась следом, догнав, обвила шею и прильнула своим гибким станом к его ладному телу. Он неловко погладил её волосы, быстро расцеловал лоб, щёки, губы.

— Если вернусь, обязательно тебя разыщу! А сейчас — прощай. Пора в лагерь. Иначе могут плохо подумать.

Ярина резко оттолкнула его от себя и перекрестила.

— Прощай! Дай Боже доброго тебе пути и возвращения! Хорошо мне было с тобой, на сердце стало светло и чисто, словно студёной росой омылась. Ну, иди же, иди...

Примечания

1. «Наглой смерти» — внезапной смерти.
2. Ярлык — письменная грамота ханов Золотой Орды, дающая право владения чем-либо, например, землёй.
3. «И не твоя вина, что посланец твой не получил тогда поддержки». — Разговор идёт о соборе во французском городе Лионе (1245), в повестку которого был включён вопрос о борьбе с монголами. Князь Михаил послал на собор киевского митрополита Петра, который призвал Папу Римского поднять страны Западной Европы на борьбу с монголо-татарами. Но его обращение Европа не услышала.
4. Епитрахиль (греч. — «шея») — длинная лента на шее священника, оба конца которой свисают на грудь поверх рясы. Ею накрывают голову исповедующего свои грехи.
5. «...и прочитал разрешительную молитву». — Молитва, которую священник читает после исповеди.
6. «Много золота и пленников приведёт он в улус своего двоюродного брата хана Бату». — Бату, Батый, (1209-1256), возглавлял поход на Русь и западные страны, потом основал в нижнем течении Волги монгольское государство, получившее в нашей истории название Золотая Орда.
7. «Столица Южной Руси, окружённая высокими крепостными стенами и глубокими рвами, выглядела внушительно». — Крепостные валы и деревянные стены Киева были высотой 16 м и простирались на 3,7 км. Сверху по стенам шла заборолла — крытый ход с бойницами. Стены были обмазаны глиной и побелены. Вокруг стен проходил ров глубиной до 12 м. Подступы к Подолу были защищены «столпъём» — деревянными столбами. Киев показался хану Менгу неприступным, он отступил.
- Второй раз монголы уже с ханом Бату подступили к Киеву осенью 1240 года. Киевляне мужественно оборо-

нялись несколько недель (по разным версиям от 9 дней до 10 недель). Летописи указывают дату взятия Киева 19 ноября или 6 декабря. Оборону возглавил воевода Дмитр, монголы пленили его тяжелораненым. Поражённые мужеством воеводы, они сохранили ему жизнь.

Итальянец Плано де Карпини, по наказу Папы Римского направлявшийся к монголам в Золотую Орду, проезжал через разорённый Киев (1246). «... после долгой осады они взяли и убили жителей... Этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что; едва-едва существует там 200 домов».

Дживани дель Плано Карпини «История Монгалов». См.: «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1957, с. 47.

8. Мария — младшая дочь князя Михаила Черниговского, была замужем за князем Васильком Константиновичем Ростовским (1209-1238). Во время нашествия монголо-татар на Северо-Восточную Русь был ими пленён на реке Сити, а потом убит. Похоронен в ростовском Успенском соборе. РПЦ причислила Василька Константиновича Ростовского к лику святых.

9. «...и уже с угорской ратью вернётся в Киев». — Перед падением Киева (1240) князь Михаил ушёл в Венгрию якобы за помощью. Злые языки утверждали, что просто испугался и искал в чужой стороне пристанище, но угры (венгры) его не приняли.

Недальновидная политика венгерского короля Белы IV привела к тому, что Венгрия вслед за Русью стала жертвой монголо-татар (1241), а её королю самому пришлось бежать и искать прибежище в Австрии.

10. «В её низовьях находился улус Джучи, кочевая столица монгольского хана Бату». — Монгольская империя (столица Сарай-Бату) в нижнем течении Волги. Возникла после

завоевательных походов хана Батые на Запад (1236-1242). Достигла своего расцвета в XIV ст., в XV ст. распалась на отдельные ханства. В русской традиции первоначально именовалась Ордой, Золотой Ордой стала именоваться с 1566 года (историко-публицистическое сочинение «Казанская история»). См.: «Википедия — свободная энциклопедия».

11. Старшая дочь князя Михаила Черниговского Феодулия (1212-1250) после неожиданной смерти своего жениха Феодора ушла в суздальский Ризоположенский монастырь. Здесь приняла постриг и стала монахиней Ефросиньей, в честь преподобной Ефросиньи Александрийской. Считается, что она обладала даром врачевания и предвидения: предсказала смерть своему отцу и боярину Фёдору в Золотой Орде.

12. «...и положишь их в Спасском соборе, рядом с князем Игорем и митрополитом Константином». — Игорь Ольгович (?-1147), из рода черниговских князей Ольговичей. Его отец Олег Святославович упоминается в «Слове о полку Игореве» как Олег Гориславич. В 1147 году стал великим киевским князем, но через два месяца был убит в Киеве в результате заговора. Через три года его мощи были перевезены братом Святославом Ольговичем в Чернигов и перезахоронены в Спасо-Преображенском соборе. РПЦ причислила его в лике благоверного князя к сонму общерусских святых.

Не путать с князем Игорем Святославовичем (1152-1202), главным героем «Слова о полку Игореве», он тоже похоронен в черниговском Спасском соборе.

13. Киевский митрополит Константин (1155-1158). Грек по происхождению. Прибыл на Русь из Константинополя по просьбе великого киевского князя Юрия Долгорукого. После смерти князя был изгнан из Киева и пришёл в Чернигов, через год здесь скончался (+1159). РПЦ причислен к лику святых.

14. «Истобка» или «истопка» — так часто называли на Руси простонародную избу, топившуюся по-чёрному.

Глава шестая

«Не отрекаюсь!»

На пути в ставку хана Бату

Князь Михаил Всеволодович два месяца¹ добирался до улуса Джучи, кочевавшего на левом берегу Волги. Весной кочевники поднимались на северные пастбища, расположенные у слияния Камы с Волгой, тут расстилались земли Волжской Булгарии.² Несчётные татарские табуны, стада и отары паслись здесь на сочных приволжских травах всю тёплую пору года, а с наступлением осени опять откочёвывали в низовья на зимние выпасы.³

Когда черниговское посольство проезжало через земли Ростовского княжества, к ним присоединился княжич Борис,⁴ внук Михаила Всеволодовича. И всюду, где ступали русичи, им встречались картины страшного запустенья. Многие русские селенья заросли бурьяном, в иных же едва теплилась жизнь. Между руин и в полях среди высокой ковыльной травы белели людские кости и черепа, угрюмо смотревшие пустыми глазницами в небо. Завидев всадников, нехотя отбегало от них степное зверье; лениво поднималось в небо и долго кружило, истошно крича, галочье и воронье.

После полного тревоги пути, когда приходилось опасаться рыскающих повсюду литовцев,⁵ зарившихся на лёгкую добычу, впереди заблестели воды великой могучей реки. Обоз князя подошёл к небольшому приграничному посёлку, формально считавшемуся русским, — в этом месте предстояло задержаться, прежде чем переправиться через Волгу. Здесь останавливались все русские князья, спешившие засвидетельствовать свою покорность Бату, и порой застревали надолго, ожидая, когда примет хан.

Монголы были язычниками. Они считали, что существует единое верховное божество, но у него в подчинении находятся божества рангом поменьше. И часто в полемике с христианами о вере, в доказательство своей правоты, показывали сжатый кулак, а потом его разжимали и указывали на растопыренные пальцы. Поясняя: как кулаку подчиняются пальцы, так верховному божеству подчиняется множество других богов. Собственно, религиозное мировоззрение монголов было не чем иным, как слепком их общественного устройства, когда на верху иерархической лестницы стоял верховный хан, которому безраздельно подчинялись другие из ближайшего родственного ему окружения.

Они обожествляли природу: поклонялись солнцу и луне, чтити воду и землю, деревья. В особом почёте был дух огня От (Ут).⁶ Кто по неосмотрительности плевал в костёр, перепрыгивал или бросал в него грязные вещи, сам считался нечистым и по закону Ясы⁷ подвергался смертной казни. Такая же участь ждала бедолагу, наступившего на порог ханской юрты.

Думы князя

Князю Михаилу не спалось, невнятная тревога нудила сердце. Он долго ворочался с боку на бок, но сон так и не шёл. Слыша, как ворочается князь, боярин Фёдор тоже не мог уснуть, а только неслышно вздыхал и тихо молился. Наконец князь встал, глянул на притворившегося спящим Фёдора и, накинув на плечи корзно, вышел на свежий воздух.

Вызвездило. Мириады больших и мелких звёзд дрожали высоко в небе. Вот одна сорвалась и, оставляя за собой узкий огненный след, вспорола небесную темь. А на ис-

ходе своего лёта ярко вспыхнула и сгорела. Через мгновение вереницы причудливых огненных всполохов осветили северо-восток небосклона. За долгую свою жизнь князю не раз приходилось видеть буйство огня в ночном небе. В такие минуты ему всегда думалось, что даже на небесах нет покоя, даже там есть недовольные своей участью. Там идёт постоянная борьба добра со злом.

Вспыхивающие в ночном небе звезды представлялись ему душами падших ангелов, которые слишком о себе возомнили и начали роптать на Всевышнего. Мол, они тоже участвовали в сотворении Мира, а потому стали настойчиво требовать себе привилегий. Грех роптать на того, кто даёт тебе кров и пищу. Кто высоко возносится, нередко низко падает (князь знал много примеров тому), они были жестоко посрамлены и в страхе бежали, но укрыться от длани Всевышнего не смогли. И вот теперь пылают в небесах, сгорают от Его праведного гнева.

Как-то, глядя на звездопад, князь со злорадством подумал: ишь, захотели уравниаться в правах с Ним. А равенства, как и справедливости, ведь нет и никогда не было. Нет правды на небесах и на земле! Сочувствовать сирым и убогим, подавать им милостыню — это одно. Делать это нужно из сострадания, чтобы не озлоблять забитые нуждой сердца. Это по Божьей заповеди. Но каждый в этом мире должен знать своё место. Кому шесток, а кому теремок, что у кого на роду написано. Так было испокон веков и так будет до их скончания. А если на твоё кровное посягают даже близкие, отстаивать его нужно с мечом в руках.

Но звездопад утихал, вместе с ним проходили и раздумья о сумятице на небесах. Да и стоило ли о ней думать, когда тут, на земле, своих неурядиц хватало. Насущные проблемы, насквозь пронизанные звоном мечей и пением стрел, казались князю более существенными.

Глядя на ночную феерию, князь Михаил тяжело вздохнул. И ему опять вспомнилась Калка. Вот также тогда полыхало на востоке небо, предрекая русичам трагедию. Тогда они с шурином Даниилом еле унесли ноги с этой Богом проклятой речки. Михаил Всеволодович перекрестился и молитвенно произнёс:

— Господи, услышь меня, грешного! Много в жизни своей кривил я душой. Много зла сотворил Руськой земле, жил постоянно в гордыне и лицемерно молился. Душа моя стала нага, и вот теперь пришла расплата по грехам моим. Знаю, что суждена мне смертная чаша. Господи, очисти мою смутившуюся душу росой Твоей милости. Дай мне силы достойно пройти свой смертный путь с именем Твоим на устах!

Князь подумал о своём ничтожестве перед неисповедимой великой тайной Бытия. Ведь Бог даровал людям жизнь, а они возгордились, стали несправедливо жить. Сын его был распят за людские грехи. И разве его смерть на кресте не была предупреждением людям, что нельзя бесконечно грешить, пора остановиться и покаяться? А ведь он тоже не хотел умирать и просил Отца Небесного дать ему силы, чтобы достойно принять уготованное ему. Своей смертью и Воскресением он показал пример, что зло можно одолеть. Хоть оно и сильно, и нет веры в ослабевших душах на победу в неравной борьбе. А верить в добрый исход нужно всегда, несмотря на все горести и печали, преследующие тебя в жизни. Нужно быть стойким в своих несчастьях, как праведный Иов.⁸ Бог услышит тебя и сторицей вознаградит за все твои страдания.

Князь Михаил вспомнил, как в детстве гадал с боярином Фёдором по Псалтири. Тогда он указал пальцем на строку псалма: «Я ем пепел, как хлеб, и питье моё раство-

рено слезами. От гнева Твоего и негодования Твоего; ибо Ты вознёс меня и низверг меня».

Тогда он очень расстроился. Молодому, полному сил и задора княжичу не хотелось верить в прочитанное, как ни утешал его боярин Фёдор. И вот теперь он ясно осознал, что предсказание сие сбылось.

Князь надолго ушёл в свои думы, вспомнил, как унижались перед монголами его соперники — Ярослав Всеволодович и Даниил Галицкий.⁹

Когда же он очнулся, уже занимался рассвет. Времени оставалось совсем ничего, ещё наметили ханский посланец объявил ему, чтобы с восходом солнца был готов в путь. Он скорбно вздохнул и направился в свой шатёр, где вместе с внуком Борисом, боярином Фёдором и ковалем Андреем долго молился у иконы Божьей Матери, а потом причастился Святых Даров,¹⁰ которые по настоянию епископа Иоанна взял с собой в путь.

В ставку хана Бату

Князь со спутниками сидел на корме лодки и всё смотрел на удаляющийся берег, на уже еле заметных на берегу Светозара и Ходяту. Гребцы дружно ударяли вёслами, лодка быстро скользила вниз по течению. Наконец после нескольких дней пути на левом берегу Волги засверкало под солнцем множество белых юрт.

Лодка причалила к деревянной пристани, и русские в сопровождении татар поднялись на высокий крутой берег. Пока они шли, Андрей с удивлением оглядывался по сторонам и пронеслась мысль: как этот град разительно отличается от его родного Чернигова! Большие и маленькие юрты, расписанные затейливым растительным узором и обращённые входом на юг (многие размещались на повоз-

ках и были разборными), стояли вдоль длинной широкой улицы. Между ними деловито сновали люди, казавшиеся Андрею на одно лицо, так как одеты были все одинаково.¹¹

В конце этой необычной улицы возвышался огромный льняной шатёр хана Бату,¹² за ним стояли шатры его жён и наложниц. Самый большой и нарядный, раскинувшийся рядом с шатром хана, принадлежал старшей жене. Всё пространство вокруг было огорожено, возле главных ханских ворот стояла охрана.

В Сарае, столице Золотой Орды, кипела своя привычная жизнь: скрипели телеги, ржали кони, блеяли овцы и ревели быки, отрешённо жевали жвачку верблюды. Над городом войлочных юрт курился дымок, выходивший в дыры в конусообразных крышах. Сквозь них проникали солнечные лучи и поочерёдно освещали 12 внутренних жердей остова. По этим своеобразным солнечным часам кочевники отсчитывали дневное время. Андрей обратил внимание на юрту, соединённую верёвкой с колом, воткнутым в землю возле порога. Оказалось, это было предупреждение, что тут больной, и постороннему входить нельзя.

Не отрекаюсь!

Когда русских подвели к воротам ставки Бату, навстречу вышел найон Елдега. Он холодно посмотрел на князя Михаила и перевёл взгляд на Андрея. Ему показалось, что они уже где-то встречались, а когда вспомнил, что тот храбро бился в Чернигове, был взят в плен и за свою отвагу отпущен ханом Менгу, скривился в улыбке. Но тут же насутился и приказал, чтобы урусы сняли мечи, а князю повелел пройти обряд очищения, лишь тогда он будет допущен к солнцеликому. Об этом татарском обряде Михаил Всеволодович был наслышан, его уже проходили побывавшие

до него в Орде русские князья, но слова Елдеги неприятно кольнули сердце. Он воздел руки и воскликнул:

— Господи, дай мне силы пройти это бесовское искушение!

Затем ответил Елдеге:

— По Божьему попущению дана власть Батыю над нами, а потому ему кланяюсь. Негоже православному совершать языческие обряды, но сердце своё смиряю и пройду меж огней.

Возле двух пылающих костров пританцовывал, бормотал и бил в бубен шаман, бросая в огонь частицу от принесённых русских даров. Увидев князя, он взял его за руку и увлёк за собой. Михаил Всеволодович, собравшись с духом и шепча Иисусову молитву: «Господи, спаси и помилуй, меня, грешного!», покорно прошёл с поклонами меж огней. Возле ханского шатра шаман упал ниц перед большой войлочной куклой и дал знак князю следовать его примеру.

Михаил Всеволодович заколебался и прикрыл глаза. Пред его мысленным взором проступил лик епископа Иоанна, тот укоризненно покачал головой и внятно молвил: «Крепись, Михаил! Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Сердце князя вздрогнуло, он качнул головой, желая отогнать видение, а потом окрепшим голосом громко проговорил:

— Не возьму грех такой на душу! А посему кланяться идолу — отказываюсь!

Елдега, когда ему перевели слова князя, схватился за саблю и зло прокричал:

— Опомнись, князь урусов! Ты не желаешь уважать наши обычаи, отказываешься почитать память вождя всех вождей! Одумайся, Михаил, неужели тебе не дорога жизнь

и её блага? Ты что, не от мира сего и хочешь смерти? Одумайся, безумец!

Михаил Всеволодович снял с себя плащ и бросил на землю.

— Мы живём и умираем по Божьей воле, нехристю этого не понять. Ваша душа заложена князю тьмы — дьяволу, вы безумно почитаете мертвых, превращаете память о них в идолопоклонство. Вы — слепцы, своей несправедной верой вы лишаете ваших подданных надежды. Они боятся вздохнуть полной грудью и ступить лишний шаг — всюду настигнет их кара, а потому нет у вас будущего! Мы же через смерть чтим Воскресение! Ибо алчущие Его чают жизни вечной, где никто никому не завидует, не желает гнусности своему ближнему. Даже страх смерти не отнимет у истинно верующих этого разума!

Князя слёзно уговаривали внук Борис и коваль Андрей, чтобы поклонился этой тряпичной кукле. Говорили, что это всего лишь языческий обряд, злейшее испытание, которое послано за грехи наши. Бог всё видит, а потому простит, но князь твёрдо стоял на своём.

— Вера без дел мертва!¹³ А посему не отрекаюсь! — и обратился к своим спутникам. — Не проливайте напрасно слёз! Если сейчас отступлюсь, потеряю себя перед Богом, своей совестью и людьми. Помню слова отца своего духовного и вам говорю, что сейчас в русской земле тьма, а потом будет солнце! Но чтобы оно взошло, много ещё предстоит потрудиться душой и телом, много ещё бед и страданий испытает русский народ. Вернётесь домой, расскажете всю правду о моей смерти.

Михаил Всеволодович обратил свой взор на боярина Фёдора.

— И ты, мой преданный друг Фёдор, — прощай! Для

меня было большой честью жить рядом с тобой!

— А для меня, князь, будет великой честью умереть рядом с тобой! — ответил Фёдор. — Крепись, Михаил, праведный путь тернист и узок, не каждому он по плечу. Твои страдания не будут напрасны, о них ещё вспомнит Русь! Я всегда был рядом с тобой в радостях и печалях, и в сей смертный миг не отступлюсь от тебя!

Расправа и смерть

Когда Елдега доложил Бату, что князь урусов отказывается поклониться Чингисхану, тот разъярился, лицо его, и без того покрытое красными пятнами,¹⁴ стало пунцовым. Сжав кулаки и затопав ногами, он закричал, чтобы князя Михаила убили.¹⁵

Елдега, спеша выполнить волю хана, вспомнил о Домане. «Этот пёс убежал из Чернигова, чтобы спасти свою шкуру. И теперь верой и правдой служит нам. Князя он ненавидит, потому что отец Михаила заморил его отца в яме. Вот пусть эта собака и загрызёт его!». Он дал знак, чтобы позвали Домана. Когда тот раболепно приблизился, отрывисто бросил ему несколько слов. Доман, ощерившись и сжав свои огромные кулаки, направился к князю и боярину Фёдору. Они же, предчувствуя свою кончину, обернувшись лицом на восток, молились. Подойдя, Доман оттолкнул боярина.

— Вот мы и встретились с тобой, князь, теперь ты ответишь за все мои унижения! — Доман размахнулся и ударил старого князя ногой в грудь. — Теперь ты никто! — избивая Михаила ногами, глумился Доман. — Был князем — стал грязью и теперь валяешься у меня под ногами. Твой Бог высоко, а вера в лучшую долю после смерти только для простаков. Я же хочу хорошо жить сейчас! А

ты, если такой праведник, молись, призывай своего Бога и всех святых, может, милуют и спасут, а нет — умою руки свои в крови твоей!

— Нечестивец! — сквозь выступившую на губах кровавую пену прохрипел Михаил Всеволодович. — За мясную похлёбку ты предал свою веру и обычаи своих предков. Но зря выслуживаешься, неверные и тебя не милуют!

Доман в остервенении бил Михаила Всеволодовича, а когда тот затих, выхватил нож и, схватив за волосы, отрезал ему голову. Елдега, указав на неё боярину Фёдору, сказал, что такая же участь постигнет и его, но если он не будет упёртым, как князь, станет вместо него владеть Чернигом. Фёдор, с болью вглядываясь в изуродованное тело своего князя и товарища, собравшись с духом, твёрдо, как и его князь, произнёс: «Не отрекаюсь!». Боярина постигла та же жестокая участь. Доман долго его избивал, а когда Фёдор затих, отрезал ему голову.

Свою смерть князь Михаил Всеволодович Черниговский и боярин Фёдор приняли 20 сентября (по старому стилю) 1246 года, в день памяти святого мученика Евстафия Плакиды, казнённого за свою праведную веру вместе с женой и детьми.¹⁶

Монголы приказали не трогать растерзанные тела и долго лежали они в чистом поле. Не прикасалось к ним ни степное зверьё, ни птицы небесные, а по ночам дивным образом появлялись над телами мучеников зажженные свечи. Тогда язычники, чтобы не гневить христианского Бога, разрешили забрать останки.

Так сбылось предсказание инокини Ефросиньи, что Андрей привезёт тела убиенных в Орде её отца и наставника в Чернигов. Андрей, когда забирал останки, поклялся, что с почестями похоронит их в Спасо-Преображенском

соборе,¹⁷ а черниговцы обязательно узнают о стойкости Михаила Всеволодовича и его верного боярина Фёдора. Как они, отвергнув все татарские уговоры, с молитвою на устах встретили свою смерть.

Стояла глубокая морозная осень. Печальный обоз по волжскому льду выехал из Орды, через несколько дней его встречали в волжском селении Светозар и Ходята — весть о трагических событиях, разыгравшихся в ставке хана Бату, уже давно прибежала к ним. А уже отсюда траурное шествие направилось во Владимир. Здесь князь Борис с ним расстался и ушёл в своё Ростовское княжество.

Тела князя Михаила и боярина Фёдора переложили в новые саркофаги. Установив их на сани, так как уже лежал большой снег, и санный путь устоялся, Андрей, Светозар и Ходята заспешили с сопровождающими в родной Чернигов. А о том, что случилось с ними в пути, мы рассказали в самом начале нашего повествования.

Изгнание Домана из Орды

Елдега, довольный расправой с гордыми русскими, изрядно угостил палача хмельным кумысом. Подобострастно приняв щедрое угощение, Доман быстро опьянел, а когда Елдега махнул рукой, чтобы он уходил, попятился на коленях к выходу и неловко зацепил порог шатра. Последствия такой оплошности были суровы: его тут же схватила охрана и отвела в холодную юрту, где он просидел без пищи несколько дней, пока решалась его судьба. А когда его опять привели к Елдеге, он бросился к нему в ноги и слёзно жался, что неумышленно наступил на порог. Нойон, памятуя его собачью преданность, даровал ему жизнь, но повелел показательно проучить, ибо закон Ясы незыблем. Доману повесили на шею отрезанную голову собаки и побили го-

рящими палками. Едва он пришёл в себя, ему сунули за пазуху несколько лепёшек и выгнали из Орды. Ненастным осенним днём, больной и плохо одетый, он ушёл. А вслед ему кто-то из татар презрительно бросил: «Шелудивая собака пусть сдыхает в степи!».

Эпилог

Тёплым сентябрьским днём в Спасо-Преображенском соборе шла служба. Перед иконой князя Михаила Черниговского и боярина Фёдора горело множество свечей. Среди желающих приложиться к образу стояла средних лет женщина с двумя дочерьми, когда подошла очередь, она, чуть слышно шепча молитву, истово перекрестилась и поцеловала краешек иконы. Её примеру последовали дети.

А когда вышли из церкви, девочки спросили у матери, почему сегодня так много людей и кто изображён на иконе. Ведь два человека на ней — это совсем не Боженька?

Мать, а это была Росава, рассказала дочерям о христианском подвиге черниговского князя Михаила Всеволодовича и боярина Фёдора в стане татар. Повела подробности злосчастного зимнего дня, о котором не любила вспоминать все прошедшие годы: о встрече с их отцом и о том, что ей предшествовало.

После вечера Росава уложила детей спать и, поджидая своего мужа — Ходяту, который ещё не вернулся с княжеского двора, предалась раздумьям. Как по совету Андрея хотела уйти в Пятницкий монастырь (после монгольского погрома он исподволь возвращался к жизни). Вспомнив об Андрее, вздохнула и перекрестилась, потому что его уже давно не было в живых.

Вернувшись в Чернигов, он тяжело захворал и в скором времени умер. Сказались преследовавшие его последние годы несчастья. Тяжело пережив известие о пропаже жены, а потом смерть сына и внуков в Киеве, Андрей стал нелюдим. А смерть князя, которому верой и правдой он служил с самого детства, окончательно подорвала его здоровье, ведь и годков ему было довольно — с князем Михаилом они были ровесники.

Улыбнувшись, припомнила, как Ходята отговаривал её идти в монастырь, просил поселиться у него. Семьи у него не было, а родители давно умерли. Свой дом он восстановил, так что места хватит. Тогда она решила: раз осталась в живых, значит это угодно Богу. А Ходята ради неё рисковал — на его плечо можно опереться смело. Она сказала, что пока проживёт в монастыре, а когда повенчаются, перейдёт к нему. Теперь у них подрастали две дочери, они души в них не чаяли и очень переживали за их будущее.

Потом подумала о Светозаре. Вернувшись в Чернигов, он разыскал Ярину. А та уже и не верила, что дожждётся его, а когда увидела — вся засветилась радостью. Светозар её обнял и лишь только тогда заметил, что она на сносях. Ярина прильнула к нему и горячо выдохнула, что не мнила уже и дожждаться, думала, что и второй ребёнок будет расти без отца. Светозар, услышав такие слова, только крепче прижал любимую к груди. Она же, притворно пытаясь вырваться, вскрикнула: «Осторожней, чертяка, задушишь!» — и счастливо засмеялась. Так бесстрашный ратник Светозар нашёл, наконец, своё счастье. А в скором времени Ярина разрешилась дочкой.

Росава с любовью глянула на своих спящих девочек, поправив сползшее с них одеяло, опять задумалась. Этим летом она с Яриной жала рожь и увязывала в снопы, а дочери

складывали их в копны. Они взапуски мчались за очередным снопом, прихватив зубами, чтобы не мешали бежать, длинные русые косы. Утомившись от своей весёлой работы, девочки рассыпались по полю в поисках васильков. Сплетя из голубых, как небесная синь, полевых цветов венки, они надели их на голову и стали водить вокруг жёлтой копны хоровод. А потом, устав танцевать, три девочки, крепко держа за руки, пошли навстречу солнцу. Над притихшим от летнего зноя полем послышались звонкие детские голоса:

— Здравствуй, солнце, трижды светлое и красное!

Здравствуй, небо, сине-синее и ясное!

Здравствуй, мать-земля, родная, православная!

Детьми Божьими презвонко-звонко славная!

Три родственных детских души дружно потянулись навстречу новой неизведанной жизни. Но единая дорога, по которой они сейчас идут, дружно взявшись за руки, скоро разойдётся, как в русской сказке, на три различных, полных опасностей и лишений пути. Но девочки, полные надежды и веры в свою лучшую долю, смело ступят каждая на свою стезю. И каждая пойдёт своим полным горечи и лишений путём. В новой взрослой жизни у них появятся свои семьи, заботы, суждения. И хорошо, если в жизненной сутолоке они не забудут годы, когда были счастливы и дружили, и любовь к своей «красно украшенной» русской земле передадут своим детям. А те своим детям. И так по родственной цепочке в глубину будущих, предстоящих веков. Чтобы и через сотни лет потомки всегда помнили слова князя Михаила Всеволодовича Черниговского: «Не отрекаюсь!». Ни от своей родной земли, ни от своих славянских корней, ни от своей православной веры!

Примечания

1. Плано Карпини сообщает, что его посольство к хану Бату продолжалось два месяца по выходу из Киева. «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957, с. 217, примечание 169. (Далее: Ук. соч.).

2. Мусульманское тюркоязычное государство Волжская Булгария (Волжская Болгария, Волго-Камская Булгария) находилось в среднем течении Волги. Образовалось после распада под ударами хазар «Великой Булгарии» (VII ст.). Столица город Булгар, позже — Биляр. В основе экономики — ремесленное производство, сельское хозяйство, торговля, охота, рыболовство. После завоевания монголо-татарами вошла в состав Золотой Орды (1240).

3. Зимовал улус Джучи в низовьях Волги (территория современной Астраханской области Российской Федерации). С января орда Батыя откочёвывала вдоль Волги на север, в район Волжской Булгарии, в августе опять возвращалась в свою столицу. Об этом говорится в сочинении «Путешествие в Восточные страны» монаха Гильома де Рубрука. Ук. соч., с. 118.

4. Борис Василькович — старший сын Василька Константиновича, женатого на Марии Михайловне, дочери Михаила Всеволодовича Черниговского. После смерти отца, убитого в битве с татарами в 1238 году, Борис стал князем Ростовским. Не раз бывал в Орде, там и умер в 1277 году. Погребен в Ростовском Успенском соборе.

5. Плано Карпини говорит, что литовцы в это время «часто и тайно» набегали на Русскую землю. Ук. соч., с. 67, п. 4.

6. «Дух огня От (Ут)». Ук. соч., с. 199, примечание 25.

7. Яса — свод монгольских законов, известных только в

пересказе арабских и персидских авторов. Некоторые исследователи считают Ясу просто изречениями, приписываемые Чингисхану (например, синолог В. Васильев, П. Рачневский).

8. В Ветхом Завете (книга Иова) повествуется, что праведный Иов жил за две тысячи лет до рождения Христа на Аравийском полуострове. Происходил из рода Авраама, имел семь сыновей и три дочери. Очень любил Бога. По наущению сатаны Бог решил испытать веру Иова и лишил его всех богатств, умертвил детей, наслал на него проказу, от него отвернулась жена и друзья. Трижды испытывал Бог прочность веры Иова, но тот стойко переносил свои страдания и лишения, не отступился от Бога. «Нагим вышел я из чрева матери моей, нагим возвращусь к матери своей земле. Господь дал, Господь и взял. Да будет имя Господне благословенно!». Бог, убедившись в праведности Иова, вернул ему все его богатства, у него появилась новая семья. Всего Иов прожил 248 лет.

9. Ярослав Всеволодович первым смиренно склонил свою голову перед завоевателями. Первым из русских князей посетил Золотую Орду (1243), покорно пройдя языческие обряды, был признан старейшим среди русских князей и получил от хана Бату ярлык на владение Владимирским и Киевским княжеством. Весной 1246 года ставку хана Батыя посетил Даниил Галицкий.

10. «Святые Дары» — хлеб и вино, которыми причащаются верующие на литургии. Считаются Телом и Кровью Христовой. Существуют запасные Святые Дары, которые хранятся и переносятся в дароносице. Такие Святые Дары благословил в путь с князем Михаилом епископ Иоанн.

11. Мужчины и женщины носили долгополые халаты, разрезанные спереди от груди до полы, стянутые в поясе и застёгнутые на застёжку с правого бока. Внешний вид, одёжия, пища, жилища монголов, их обряды описаны Плано

Карпини и Гильомом де Рубруком. Ук. соч., с. 26-28; 91-103.

12. О льняных шатрах Бату, которые были захвачены в Венгрии, говорит Плано Карпини. Ук. соч., с. 71, глава последняя, параграф I. п. XII.

13. «Вера без дел мертва». — «Соборное послание св. апостола Иакова» (2:17-26).

14. О красных пятнах на лице хана Бату вспоминает Гильом де Рубрук. Ук. соч., с. 120.

15. Смерть князя Михаила Черниговского в Золотой Орде трактуется историками неоднозначно. Есть мнение, что его убили по политическим доводам. Одной из причин жестокой расправы стала неутраченная даже в условиях монгольского нашествия борьба между русскими князьями. Князь Ярослав Всеволодович и Даниил Галицкий оговорили Михаила Черниговского перед Батием. По другой версии монголы не простили черниговскому князю попытку поднять против них западные страны. С этой целью Михаил Всеволодович послал в 1245 году на Лионский собор во Францию митрополита Петра (Акеровича), но призыв митрополита подняться на борьбу с Ордой Европа проигнорировала.

16. Римский полководец Евстафий Плакида жил во время правления императора Трояна (98-117), за отказ отречься от христианской веры был заживо изжарен вместе с женой и детьми в раскалённом медном быке. О его жизни и смерти рассказывает Дмитрий Ростовский. «Четы-Минеи», «Жития святых» (октябрь).

17. При Иване IV Грозном прах князя Михаила Черниговского и боярина Фёдора перевезли из черниговского Спасо-Преображенского собора в Москву, где положили в специально построенной для них церкви (февраль 1572 года). В настоящее время мощи святых находятся в Архангельском соборе Московского Кремля.

Сколько Брикус?

Памяти моих раскулаченных
родственников и всех
«куркулей» Украины
посвящается

Часть первая

«Мы не сеем и не пашем...»

Зима в этом году выдалась студёная и вьюжная, дома занесло снегом по самые стрехи. Вот и сегодня на дворе кочевряжилась поздняя мартовская заметь. В такую непогоду Карп предпочитал отлёживаться в жарко истопленной сторожке, а не выходить во двор, где кружил-завывал на разные муторные голоса сиверко. Мокрый снег неистово сёк лицо, а стынъ, забираясь под кожих, пронимала до дрожи. Но всё-таки изредка высовывал нос наружу, чтобы убедиться в порядке на конюшне, которую ему, как политически сознательному элементу, доверили охранять этой зимой. Карп недовольно вздохнул и тяжело матюгнулся.

— Туда же... начальство... мать их... Говорил же, ядрён корень, надобно подправить стелю (крышу), зимою застудим коней!

Чертыхаясь, Карп втянул голову в широкий воротник овчинного кожиха и повернул в сторожку, где с нетерпением его поджидала шумная ватага дружков. Ввалившись в задымленную махоркой комнату, он недовольно сморщил нос и быстро направился к столу.

— Не могли дождаться, чертяки... Наливай, Хвощ, пока не совсем задуб!

Мосластый парень лет тридцати ослабил, показав в хмельной улыбке свои выщербленные, чёрные от табака

зубы, загасил о край стола скрутку из самосада и подвинулся на скамье:

— Что так долго?

— Да Брикус, вот, занедужив, катается по полу, всю солому раскидал, а добрый был коняка!..

— Помню, как ты на него zenки лупил, когда мы пришли к Фёдору! Но хай не болит голова, кликнешь утром ветеринара. А теперь заметай чарку!

С хищною улыбкою он потянулся к пузатой бутылки и, размашисто разбрызгивая по столу мутную жидкость, налил полную гранёную стопку.

— Вишь, по марусин поясок, для лепшего другана не жалко! Да ты закусывай, закусывай! — и услужливо подсунул Карпу тарелки с салом и квашеною капустой.

— А ты, Куцый, сдавай на четверых, срежемся два на два! Ты, Карпо, с Коляном, а я с Куцым, вот и ладно будет. Домой шкандыбать по такой завирухе не хочется!..

Едкий дым махорки с головою накрыл горластую хмельную компанию, азартно режущуюся в подкидного, и тусклой волной закачался под потолком.

— Крести, дураки на месте! — ехидно крикнул Карп, когда Хвощ в очередной раз сдал карты и засветил козырь.

— Кто на месте, а кто в Сибири, — раздражённо буркнул Хвощ и прикрикнул на своего напарника, — Куцый, не лови гав, грай уважно!

— А я что, просто масть не идёт! — огрызнулся Куцый.

Оставшись опять в «дураках», Хвощ в сердцах отбросил карты.

— Надоело, лучше сыграй нам что-нибудь, Карпо, растрави душу! — и протянул ему покоившуюся на лежанке гармонь.

Карп бережно взял инструмент, любовно провёл по нему ладонью, накиннул на плечи ремни, немного помолчал

и, манерно перебирая тонкими пальцами изрядно потёртые кнопки двухрядки, резко растянул меха. И заиграл забористо и заливисто, вкладывая в простой неприхотливый инструмент всю свою неприкаянную душу. Услышав знакомую разбитную мелодию, вздёрнулся от стола Куцый и заполошливо фальцетом заголосил:

— Мы не сеем и не пашем, а валяем дурака,

С колокольни ... машем, разгоняем облака.

— Эх, Колян, помнишь, как зазвенел крест об землю, когда мы церковь раскидывали! — ударив кулаком по столу, хмельно отозвался Хвощ, — здорово мы тогда врезали попику.

— И по делом пузатому, дурманил народу мозги брехнёю о царстве небесном. А жизнь гарна тута... без толстых попов! — заплетаящимся языком ответил Колян.

Очнулся Карп под утро, и хотя спал он, не раздеваясь, тело его колотила мелкая дрожь. Он глянул на печь, занимавшую половину неопрятной, загаженной окурками и прочим мусором комнатки, дрова в печи давно уже прогорели. Рядом с ним на лежаке вертелся Колян и звучно причмокивал во сне губами. Уронив лицо на стол, среди остатков вчерашнего пиршества дружно храпели Хвощ и Куцый. Карп со стоном поднялся, зачерпнул полную кружку воды из ведра, стоящего на столе рядом с пустой бутылкой, жадно хлебнул и с громкими вздохами стал натягивать кожух.

— Ты куда? — поднял голову Хвощ.

— Температуру треба померить Брикусу.

— И охота тебе в такую холодь идти? Лягай! А в журнал напиши, что мерил. Кто узнает? Мы кричать не станем.

— Твоя правда, всё равно сдохнет.

Порывшись, он достал из стола захватанный руками журнал и на чистой странице съезжающим вниз, неровным почерком вывел: «01 03 1933 жеребец брикус температура

вчера з вечеру 37 и 8 в 6 годин ранку таж сама». Потом, захлопнув журнал и небрежно забросив его опять в стол, вышел во двор.

Бесновавшаяся с вечера вьюга затихла, на холодном небе тускло мерцали звёзды. Поёживаясь и растирая ладони, Карп быстро вернулся в сторожку, толкнул Коляна в бок и недовольно пробормотал:

— Ну и холод клятуший! Потеснись, пан, разлётся! И, не раздеваясь, завалился на лежак рядом.

Немного истории...

В стране давно уже отшумели война и революция, потом опять война. И всё в жизни трагично смешалось! Мир в представлении людей неожиданно перевернулся с ног на голову, стал уродливым отражением действительности. Словно человек невольно по чьей-то дьявольской прихоти угодил на кошмарный аттракцион «ярмарка мертвецов» и от увиденной вакханалии покойников ему стало дурно. В эти расхристанные годы над судьбами миллионов семей зловеще витала тень библейского ада, где постоянный «плач и скрежет зубов» неустанно сопровождал великих грешников. Народ в одночасье лишился привычного уклада бытия, а нравственные начала, выработанные на протяжении столетий пращурами, с подачи новоиспеченной власти оказались вдруг ошибочными и даже вредными.

На пути к новой светлой жизни, которая так заманчиво улыбалась в туманной дымке на горизонте, не сыскалось места для пронизанной божественным состраданием к людям заповеди: «Люби ближнего твоего как самого себя». Одетые в чёрные кожаные куртки, перепоясанные крестами пулемётных лент бесцеремонные удалцы тесной когортой чеканили шаг под алым знаменем и грозно горланили: «Мы наш, мы новый мир построим...». Старую

же евангельскую истину переиначили на собственный лад — «человек человеку друг, товарищ и брат». Что, впрочем, совсем не мешало во имя торжества всемирных идеалов справедливости, равенства и братства обрекать свой народ на голод и смерть, подчистую выгребая из закромов у крестьян съестные припасы, не оставляя зерна даже на посевную.

Но как всегда бывает, вслед за неистовой грозой, когда тяжёлое небо зловеще полосуют зарницы, а тьма огненных стрел яростно язвит землю и кажется, что это пришёл её судный час, — неизменно наступает затишье. А там, глядишь, и солнце проглянуло...

Страна постепенно приходила в себя от пережитого ужаса «красного передела» и медленно поднималась из руин, трудно залечивая раны. Понимая всю сложность экономической ситуации в государстве, по инициативе вождя мирового пролетариата товарища Ленина была введена новая экономическая политика (НЭП). И вновь появилась частная собственность, с которой молодые неистовые люди ещё совсем недавно так рьяно боролись. Мелкие предприятия возвратили прежним владельцам, если, конечно, к этому времени они уцелели или нашли новых хозяев. После голодных «продразвёрнутых» лет стало понемногу оживать, почувствовало свободу село. Сельская молодёжь не очень-то торопилась на заработки в неприятные города, где всё ещё полно было беспризорников и процветала преступность, где пришлому могли убить просто за кусок хлеба, и предпочитала оставаться дома.

О Карпе и его семье

Осенью, когда клети у прилежных хозяев сыто лоснились от хлебных запасов, начиналась весёлая свадебная пора. В округе все давно уже знали, что Карп — «мастер за-

ливать на гармони», и он стал частым гостем на свадьбах. А когда Карп сам осознал свой музыкальный талант, быстро смекнул, что с гармошкой и впрямь можно жить припеваючи, с голоду не опухнешь. С этого, собственно, и жил.

Хмельная разгульная жизнь ему пришлась по душе, тем более что отбоя от красных девок, падких на весёлого чубатого гармониста не было. Завести же себе постоянную зазнобу он не решался, осознавая непреложную житейскую истину — глубокая страсть непременно ведёт к женитьбе, но ведь тогда придётся остепениться и содержать семью. А этого ему не хотелось, всё думалось: «Ещё успеется накинуть хомут на шею!» В такие минуты он любил подходить к зеркалу, самодовольно разглядывая свою круглую, лоснящуюся от жира физиономию. На тучной шее уже давненько не желал застёгиваться воротник рубашки. «Такую шею торопиться подставлять под ярмо я не буду!».

Жил он вдвоём с матерью. Ещё совсем не старая женщина, она тянула лямку всех домашних забот и, не разгибая спины, с восхода и до захода солнца копошилась в огороде. Бывало, Карп сидит во дворе на завалинке, лихо раскатывает меха гармони и горланит похабные частушки. Мать выйдет из хаты и неодобрительно скажет:

— Всё пиликаешь и рвёшь горло, безбожник! Взял бы да пособил, подкинул сенца корове.

— Некогда, маманя, пальцы разминаю, завтра на свадьбу потребно!

Мать сплунет в досаде.

— У-у... бесстыжая рожа... и не совестно перед соседями... харю вон какую отъел, а помощи ни на грош! Был бы жив твой батька! — и с вилами сама направляется в хлев.

Отец Карпа, единственным талантом которого было гнуть спину на отхожих промыслах вдали от родного дома,

что, впрочем, не спасало его семью от постоянной нужды, с началом Первой мировой был призван в армию и участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве в августе 1916 года. За проявленную в боях с австрийцами доблесть наградили его георгиевским крестом, но награда нашла героя уже в глубоком тылу, в лазарете. Здесь он залечивал большую рубленую рану левой руки, нанесённую ему лихим австрийским рубакой, которого, извернувшись, в предсмертный миг он всё же успел заколоть штыком. Длительное время он лечился, пока не был комиссован вчитую. И уже после Октябрьской революции вернулся в родное село в ореоле боевой славы. В будёновке, с шашкой и наганом, которые непонятно как умудрился привезти с собой. Первым делом Пилип сорвал в хате — покуте — образы и повесил на их место портрет товарища Ленина. И как Матрёна, его жена, ни противилась: «Окстись, за такой грех будешь наказан Богом!» — он только посмеивался. «Ты, мамка, не шуми. Теперя попам хана, теперя наша влада — савецкая!».

Частенько, притянув к себе уже подросткового Карпа и неумело гладя здоровой рукой сына по голове, он взахлёб рассказывал ему, как бил австрийцев вместе с генералом Брусиловым и что «товарищ Ленин, хотя из бар, но наш мужик, он стоит за хрестьян и дал им землю». Но дома Пилип пробыл недолго. Когда в стране разгорелась гражданская война, он, не раздумывая, вынул из тайника наган и шашку, наскоро поцеловал заплаканную жену, «не хнычь, скоро вернусь», и пошёл со двора. «И куда же ты лындишь из дому, калека несчастный, что, здоровых нету воевать?», — кричала вслед Матрёна, но он ушёл не оборачиваясь. Ушёл вместе с отрядом красноармейцев, проходившем через село. Долго от него не было никаких известий, потом с оказией через земляка пришло письмо, в

котором Пилип сообщал, что бьёт «батьку Махна» и скоро, после победы всемирной революции вернётся домой. Вот тогда «аглаедам» от него достанется. «Будем их вешать на вербе под церкавью». Потом от него опять долго не было никаких весточек, и только по весне 1921 года завернул в село тот самый красноармеец, что сманил Пилипа в отряд. Он рассказал о героической смерти Пилипа Горничара при штурме Перекопа.

Карп твёрдо запомнил заветы отца и когда по инициативе местных большевиков организовалась в селе комсомольская ячейка, вступил в неё одним из первых. Приняли хлопца радостно, хорошо помня о заслугах Пилипа Горничара перед партией и народом. В отцовской будёновке он носился по селу с активистами, помогал продотряду изымать излишки зерна у своего соседа, зажиточного мужика Фёдора. И эмоционально под гармошку (он самостоятельно научился играть на двухрядке) гвоздил к позорному столбу «мироедов, ненавистных врагов хрестьянства — куркулей и попов». Так в свадебных пирушках и комсомольских агитках проходила его беспечная, беззаботная жизнь. Когда же в стылый январь 1924 года умер товарищ Ленин, рядом с его портретом, который висел в красном углу горницы как память об отце, повзрослевший Карп заботливо укрепил портрет пламенного большевика товарища Сталина.

А через несколько лет в стране начала раскручиваться борьба с «врагами трудового народа». В селе таким нежелательным элементом, мешающим твёрдой поступи хрестьянства в эпоху всеобщего благоденствия, оказались крепкие подворья. Справные мужики не очень-то спешили вступать в создававшиеся беднотой под неусыпным оком партии коллективные хозяйства. И попали в разряд «куркулей», с которыми нужно нещадно бороться. Вот

тогда комсомольская душа Карпа рьяно разыгралась. Он с нескрываемым удовольствием — «наконец-то, дождался!» — раскулачивал односельчан. Со своими друзьями среди зимы выгнал из дому семью Фёдора. Соседа с семьёй увезли в район, а Карп с чувством до конца исполненного долга занял с матерью его подворье. А тут и работёнка подвернулась по способностям, как комсомольского активиста правление колхоза решило поставить его сторожем на конюшню. Карп долго отнекивался, но потом с чувством глубокого удовлетворения согласился. Его заслуги в борьбе с куркулями признали.

Фёдора же вместе с женой, сыном-подростком и жалкими пожитками после пристрастных допросов в районном НКВД весной 1932 года с тысячами таких же, как он горемык, повезли куда-то в теплушке. Благо, места на необъятных просторах страны хватало. Глухо поговаривали, что на Урал.

О Фёдоре и его семье

Отец Фёдора был знатным ковалем на всю округу, в его кузне всегда толпился народ. Одному нужно колесо подправить, другому подковать лошадь, а третьему... Да мало ли в крестьянской маетной жизни проблем, когда нужда в сельском умельце! Вот и тянулись к нему люди, зная, что коваль Иван всегда встретит с улыбкой и непременно пособит их нужде. В крепких руках Ивана легко ходил тяжёлый молот, высекая рыжий сноп брызг из раскалённого металла. Мужики, любясь его спорой работой, одобрительно покачивали головами: «Кузнец Милостью Божьей!».

Возле отца всегда вертелся маленький Федор, всё пытался ухватиться ручонкой за огромную кувалду, до которой едва только дотягивался. Отец увидит, ласково улыбнётся и похвально скажет: «Ишь, пострел, мал ещё!».

Так исподволь парнишка приучался к мудрёной профессии сельского кузнеца. А отец надеялся, что в недалеком времени сын станет ему серьёзным подспорьем. Но все радужные надежды перечеркнула начавшаяся война с немцами, его вместе с другими мужиками из села забрали в армию. На прощанье Иван грубовато притянул к себе Фёдора и опечаленно, словно предчувствуя, что уже никогда не вернётся, сказал: «Ты здесь остаёшься за старшего, так что не подкачай!».

И теперь уже в кузню к возмужавшему не по годам, почувствовавшему свою ответственность за мать и оставленное хозяйство Фёдору потянулись люди. О нём похвально заговорил народ: «В отца пошёл парубок». А коваль Иван домой не вернулся, пропал без вести где-то в Пинских болотах, в провальном наступлении русской армии в Белоруссии.

Ещё до войны семья Ковалей построила себе новый просторный дом, первый такой на всё село: под железной крышей, на три комнаты с деревянным настилом и отдельной кухней, что было по тем временам большой редкостью. В большинстве сельских хат — мазанках, была лишь одна горенка с глиняным полом, а уж говорить о кровельном железе не приходилось. Большая русская печь занимала почти половину такого жилища, засиженного мухами и пропахшего дымом.

Высокий белый дом с резными наличниками на окнах, окрашенными в сочный зелёный цвет, прочно стоял на высоком отлогом берегу реки, среди ухоженного сада, в тени яблонь и груш. За домом проглядывали хозяйственные постройки: кузня, просторные хлев и клуня, погреб с потемневшими от времени крепкими дубовыми дверями, а рядом с рекою выросла в землю приземистая с маленьким оконцем рубленая из сосны баня. Единственная на всё село. По суб-

ботам из её дверей густыми клубами валил пар. Это Иван до изнеможения хлестал себя на полке дубовым веником и зычно кричал сыну: «Поддай!» И Фёдор выплёскивал из деревянного ковша с длинной ручкой воду на сложенную из тёмного гладкого камня печь. Ошпаренный студёной водой камень яростно шипел, горячий туман окутывал тесное нутро баньки. А Иван, пунцовый от хлёсткого дубового веника, обессилено вытянувшись на полку, блаженно шептал: «Благодать!».

Нарядный дом Ковалей задорно поглядывал через плетень на убогую хижину Горничаров. Крытая соломой, со стенами, аккуратно обмазанными глиной, в которую были вдавлены осколки битого красного кирпича, она стыдливо ютилась среди вишнёвых деревьев и уныло глядела на свет единственным подслеповатым окном.

— Живут же люди, — вздыхала мать Карпа, — а ты, ледащий, пальцем не пошевелишь по хозяйству!

— Успокойся, маманя, — сумрачно отвечал сын, — будет и в нашем доме праздник!

Фёдор и Карп были ровесниками, но Фёдор рано женился. На радость отцу с матерью, подрастал в семье сын. Худо-бедно, но семья сумела пережить тяжёлые военные и послевоенные годы и, несмотря на новые веяния, сохранила прежний уклад быта. Фёдору в это беспокойное время, когда многие его сверстники вдруг потеряли исконную веру отцов и дедов, а на разросшемся, как чертополох у дороги, неверии выросло поклонение новым идолам, мечталось по старинке продолжать дело своего отца. Ежедневно стуча пудовым молотом по наковальне, он не переставал радоваться, словно ребёнок своей игрушке, мирному звону металла и получал несравненное удовольствие от работы, которую считал такой нужной односельцам.

Иногда заглядывал через плетень в раскрытые двери кузни сосед Карп.

— Всё бухаешь?

И не дождавшись ответа, то ли с одобрением, то ли с угрозой, бормотал: «Ну бухай, бухай, до чего-то добухаешься?!».

Как-то ранней весной, когда рыхлый снег на полях уже неслышно подтачивали вешние воды, а плотно укатанный путь ещё крепко держал колею, Фёдор запряг в сани Брикуса и выбрался в город на ярмарку. Мерно поводя крутыми боками, Брикус бодрой рысью бежал по знакомой дороге, потом резко замедлил шаг и, задрвав на ходу хвост, уронил на снег несколько парующих на холодном ветру лепёшек. Фёдор вдохнул привычный с детских лет тёплый запах лошадиного помёта.

И вдруг ясно увидел оставленный дом и вспомнялась его хозяйка — статная, с удивлённым разлётом тонких чёрных бровей на смуглом лице Марьяна. Вечно суесящаяся, с раскрасневшимся лицом и рогачом в руках у размалёванной яркими красными и синими цветами горячей печи. В тёмной спиднице и щедро расшитой затейливым красным узорочьем полотняной сорочке. Сквозь глубокий вырез игриво поглядывали разомлевшие от печного жара полные белые груди. И навеялись думы о невидимке-сверчке, беспечно и с замиранием вот уже много лет цвирикающем свой однообразный мотив за печкой. Фёдор тепло улыбнулся собственным мыслям и бегло тронул вожжами жеребца.

— Наддай, родимый!

Ярмарка встретила Фёдора негромким шорохом разноголосицы прибывающего из окрестных и далёких деревень люда. Этот невнятный шум непрестанно перекрывали тревожные крики выставленной на продажу

скотины и прочей домашней живности. И Фёдору пришлось довольно долго стоять в торговых рядах, продавая изготовленную к предстоящим весенним работам поковку. А рядом постоянно шныряли подозрительные хмурые личности, молча разглядывали прилавки и, ничего не спрашивая, теснились меж мужиков. Открыто прислушиваясь к их пугливому негромкому разговору.

Это уже была не та — Сорочинская — ярмарка, которую так упоительно, с восхищением описал великий писатель. Когда всё вокруг деловито шумело, искрилось и брызгало безудержной радостью. А неумолчный гомон съехавшихся на ярмарку со всей округи людей, слившись с ором животных и птиц, неустанно висел в воздухе. Пенясь, подобно разгулявшейся под свежим ветром высокой речной волне, накатывая на прилавки со всякой всячиной, и производил среди люда небывалый весёлый переполох. А ближе к вечеру гул ярмарки исподволь затихал и, разбившись на мелкие ручейки, отлынивал в широко распахнутые двери шинков. Здесь праздничное действо довольных удачной сделкой хозяев продолжалось за чаркой горилки и добрым кольцом свиной колбасы. А затейливый ум подгулявшего молодца был готов на любые проказы.

И всё это время Фёдор наблюдал за чумазым мальчонкой, стоявшим в грязных лохмотьях неподалёку. Мальчишка, протягивая грязную руку к равнодушно снующим мимо него дядям и тётям, тихим голосом просил подавание. Собираясь уже уезжать, Фёдор подошёл к мальчугану и поинтересовался: чей он и откуда?

— Сирота, значит. Эх, бедолага!

— Дяденька, я кушать хочу!

От этих слов у Фёдора жалостно ёкнуло сердце и, растерянно ища рукой в холщовой сумке краюху чёрствого хлеба, припасённую для Брикуса, он всё думал о своём

Павле. А когда нащупал сухарь, неуклюже вынул его из сумки и протянул парнишке. Мальчишка проворно схватил зачерствелый кусок хлеба и с жадностью стал грызть. А когда, давась, проглотил, жалобно посмотрел на Фёдора. Взгляды их встретились — малец молчал, но столько было отчаяния и надежды в его голодных глазах и так он напоминал сына, что Фёдор не выдержал:

— Собирайся, поедешь со мной!

Сгрёб мальчонку в охапку и легко зашагал к саням.

— Вот, Брикус, познакомься, у нас теперь прибавка в семье.

— Кирюша, — сквозь слёзы прошептал мальчик.

Марьяна и сын встретили Фёдора с таким неожиданным пополнением с пониманием, Кирюшу приветили, не сказав сироте нехорошего слова. Так и прижился парень в дружной семье сельского коваля и оказался у дела, посильно помогая новой родне в хозяйстве.

* * *

Брикус беспокойно запрыдал ушами, шаловливо пытаясь выдернуть из крепко державших его рук правую переднюю ногу.

— Держи крепче, Павло! — прикрикнул Фёдор на сына и принялся бережно вгонять гвозди в подкову.

— Потерпи, Брикус, немножко!

— Ну вот и славно! — подковав жеребца, Фёдор любовно похлопал его по крупу. — Выводи, сынку, нашего красавца!

Когда Павел, взяв под уздцы Брикуса, вывел его из кузни, во дворе появился Карп и завистливым взглядом окинул стройного жеребца.

— Хорош конь!

А рыжий жеребец, с белой звездой на лбу и белыми

бабками на литых ногах, увидев Карпа, зашевелил ушами и нервно затанцевал на месте, потом присел на задние ноги и рванулся прямо на Карпа, так что Павел едва успел его осадить. И Федор, любуясь резвости жеребца, удовлетворённо подумал, что не ошибся в своём выборе, когда покупал его ещё совсем молодым, необъезженным. Но мысль эта сразу же оттеснилась тревожной. Нежданный приход соседа ничего хорошего не сулил. И Фёдор, догадываясь в душе, зачем пришёл Карп, всё же хмуро спросил:

— С чем пожаловал?

— Ну уж, будто не знаешь? Вступай, Фёдор, в колгосп, нам нужен хороший коваль!

— Посмотри, Карпо, на мои ладони. Вот когда на этих мозолях появится шерсть, такая же гладкая и блестящая, как у моего Брикуса, только тогда я пойду работать на чужого дядьку в твою поганую червонную артель.

— Ты что, против ветра идти надумал, против политики партии и народа? Последний куркуль на селе остался! О сыне своём подумай или загремишь со своею Марьей туда, где она коз не пасла! Берегись, Фёдор! — взбеленился Карп и, уходя со двора, громко хлопнул калиткой.

— Батько, может, правда, давай вступим, пока не поздно? Вон Кузьму оставили в покое, не сослали, и я никуда не хочу, здесь мой дом! — несмело произнёс Павел.

— С такими, как Карп, водиться, что в крапиве в нужник садиться! Отдать ему нажитое своим горбом добро?! Сдохну лучше в Сибири, а этому не бывать! А Кузьма... что толку, гнёт теперь спину в этой артели. Безлошадный, хлеба и молока в хате нет!

— Зато дома оставили и не сослали, — уныло повторил сын.

Часть вторая

Рассказ Брикуса

В продуваемой насквозь метелью конюшне лежал на припорошенной снегом соломе больной жеребец Брикус. И рассказывал приبلудившейся бездомной кошке свою прежнюю жизнь.

— Рос я здоровым и крепким, любил пошутить и взбрыкнуть от избытка сил, показать свой весёлый нрав, поэтому хозяин назвал меня «Брикусом». Жилось мне у него сытно и весело, помню просторное стойло, где хозяин за мной любовно ухаживал, поил тёплым молоком и каждое утро чистил щёткой мою гладкую блестящую шерсть. Так я прожил у него два счастливых года. А потом он стал часто приходить ко мне озабоченный и как-то пожаловался: «Плохие времена настали, Брикус, голодные. Нечем семью кормить, да и на тебя зарятся нехорошие люди. Чтобы не было беды, продам я тебя. Может, тебе повезёт и попадёшь ты в хорошие руки». Я слушал его внимательно, сочувственно встряхивал головой и тихонько ржал, понимая, что всё очень плохо, и всё беспокоился, что же будет со мной дальше?

И вот по весне он привёл меня в город на ярмарку, где шумело много народу, а нашего брата было не счесть! Среди гула и базарной толчеи я растерялся, нервно поводил ушами, пританцовывал на месте и всё пытался сорваться с привязи. Многие мужики подходили ко мне, фамильярно похлопывали ладонью по крупу, норовили задрать верхнюю губу и дотошно рассматривали мои зубы. И всё спрашивали о цене. В ответ на такие «нежности» я скалился, взбрыкивал и пытался лягнуть покупателя. А хозяин запрашивал много. И тогда они, не торгуясь, отходили от меня со словами: «Хорош конь, но больно дорог!».

А когда подошёл Фёдор, у меня сразу возникло к нему доверие, я сразу же признал его своим и бессознательно потянулся к нему. Я подумал, вот мой новый хозяин, с ним мне будет легко и весело, он не даст меня никому в обиду. Я призывно заржал, от всего сердца приветствуя его, а он меня сразу понял и ласково потрепал по холке, потом внимательно осмотрел и завёл беседу с хозяином. Я понял, что решается моя судьба, и стоял смирно. А мой хозяин говорил: «А ты, я дивлюсь, мужик справный, понравился мне, потому уступаю тебе, другим не хотел. Бери, отдаю дёшево, жалковать не будешь! Не продавал бы, да нужда заставляет, но чувствует моё сердце, что отдаю в добрые руки. Бери, жалковать не будешь. Эх, тяжело расставаться с Брикусом, да деньги потрибны!». Хозяин чуть не плакал, произнося впервые за всю свою жизнь такую длинную речь. И Фёдору, как он мне потом доверительно рассказывал, стало его жалко, но ведь и я ему тоже пришёлся по душе! И чего с ним прежде никогда не бывало, он купил меня, не торгуясь, отдав все свои сбережения.

Брикус вспомнил, как покупал его Фёдор, и захотел улыбнуться, но судорогой свело живот. Он, ударив нечистым хвостом по тощему боку, жалобно засучил большими ногами по оголённым мерзлым доскам настила. Кот, изогнув дугою костлявую спину, в испуге отпрыгнул к стене и участливо посмотрел на жеребца.

Уже стихла метель, когда Брикус оправился от слабости и попытался встать на ноги, но не смог. Тогда он вытянул на грязной соломе шею, увидел свернувшегося в клубок у заиндеветой стены кота и продолжил свой невесёлый рассказ.

— Хорошо жилось мне у Фёдора. Бывало, наработаешься за целый день так, что домой еле тянешься, едва пере-

ставляя ноги. А вечером хозяин вволю меня напоит и сытно накормит запаренным овсом с отрубями и семенем льна и всё приговаривает: «Ешь, Брикус, набирайся сил. Завтра нам предстоит много работы». А потом выберет с моего хвоста репейники, выкупает и заботливо расчешет щёткой мою гриву. Такие минуты для меня всегда были самыми сладкими и хотелось от души сделать Фёдору что-то хорошее. И я, расслабившись, положу голову ему на плечо, а он похлопает меня ладонью и ласково произнесёт: «Ишь, озорник!». И нам обоим легко и мирно. А пока я ел, он убирал навоз и ворошил подстилку, а каждую неделю её менял. И когда уже уходил, не забывал угостить меня сахаром. И пока я хрустел, он почесывал мне шею и нежно шептал: «Кормилец ты наш ненаглядный». От удовольствия я закрывал глаза и отвечал тихим ржанием. А на рассвете он опять уже у меня, накормит-напоит и скажет: «Ну, Брикус, пора за дело!». И я готов был идти за ним хоть на край света!

Так я прожил у него долго, стал крепким, в расцвете своих лошадиных лет, жеребцом. Но в один нехороший день наша счастливая жизнь оборвалась. Как-то зимой я стоял во дворе, меня запрягал в сани Павел, и вот зашёл к нам сосед Карп и привёл с собою людей. «Я же тебя предупреждал, что плохо кончишь!», — зло прокричал он Фёдору. Хозяин сразу всё понял, тяжело посмотрел на него и плюнул ему в лицо. Диким зверем взвыл тогда Карп: «У-у, куркуль проклятый!», — и ударил Фёдора. Сразу же подскочили дружки, а когда Фёдор упал, стали бить его ногами. И когда он лежал окровавленный, Карп попытался содрать с него сапоги. А Фёдор оттолкнул его, сам снял сапоги и кинул ему в грудь: «На, ирод проклятый, подавись!». А Марьяна, когда их сажали на подводу, истошно кричала, заламывая руки: «Разбойники, нет на вас Бога!». И когда их уже увозили,

Фёдор обернулся, тоскливым взглядом окинул свой двор и кивком головы попрощался со мной, а Павел заплакал.

У ворот собрались люди, кто-то испуганно молчал и крестился, а нашлись и такие, что радостно улыбались и довольно потирали ладони. А приённого сына Кирюши тогда не было дома, он ушёл куда-то по поручению Фёдора. Уже позже я слышал, что его поймал Карп и отправил в детдом.

Когда увозили со двора семью Фёдора, я громко закричал, из глаз выкатились слёзы, я сразу почувствовал себя осиротевшим и всё рвался бежать вслед за ними. Я понимал, что больше уже никогда их не увижу. Меня хотел забрать Карп, но я ему не дался, сумел вырваться и убежал со двора, но скоро меня поймали и привели в конюшню, наспех срубленную для колхозных коней таких же, как и я, бедолаг. Первое время мне всё опостыло. Не ел и не пил. А когда меня запрягали, не давался: вставал на дыбы, лягался, не желал выходить на работу. Когда Карп подходил ко мне, всё хотел его укусить. Оказывается, его поставили здесь сторожем. Тогда он матерился, больно стегал меня плетью, говорил: «Куркульское отродье, в хозяина пошёл! Отказываешься работать в колхозе?!».

Наступили мои чёрные дни. Мне пришлось забыть про овёс и хорошее сено. И некому уже было меня угощать сахаром. Конюх кинет охапку свежей травы, я потянусь к ней, а там колючки. Я тогда отворачивался от неё, а меня опять сильно бил Карп. В ответ я только зло прижимал уши и скалился. Мне было очень тяжело, но я всё не мог забыть и простить ему, как он обошёлся с Фёдором и его семьёй.

Работать в колхозе приходилось много, а смотрели за нами плохо. Многие мои товарищи надорвались, стали страдать желудком, у них появились колики, всех нас заели

вши. Посмотри на мои ноги, подковы отпали, копыта кровоточат и мне больно ходить. Приходил ветеринар, осмотрел облёгшего в соседнем стойле Чалого. Я услышал как он сказал конюху: «Отмаялся, бедняга! Толку с него уже никакого не будет. Забить, шкуру снять, а мослы зарыть на скотомогильнике!».

А недавно я целый день возил сено, очень устал и хотел пить, а конюх напоил меня студёной водой. Ночью мне стало плохо, появилась слабость во всём теле, резко опала грудь и подкосились ноги. И вот теперь я лежу здесь, в холодном стойле, на оснеженной соломе, совсем больной.

Опять немного истории

На крутом берегу полноводной реки, в глухой стороне от проторенных дорог цивилизации веками мирно жил вольный трудолюбивый народ. Весной река широко разливалась, бурные вешние воды полонили окрестные луга и низины. И всюду, куда ни кинь взгляд, — морщились, топились во все концы мутные, пенистые гребни хмурой воды, подступая к окраинным хатам. Только серая стылая рябь, на горизонте она сцеплялась с бирюзой ещё не прогретого солнцем неба. И человек, находясь в челне среди половодья, восторженным взором пил неохватные дали. Ему всё казалось, что огромный вал вешней воды налетел, захлестнул небосклон и белыми облаками поплыл, покачиваясь, в вышине. С трудом выбирая из воды полные, трепещущие холодным живым серебром сети, он мысленно благодарил судьбу за нелегкую, но сытную жизнь на благословенной Богом земле, отрезанной в это время года от остального мира. То ли водой, то ли небом, а может быть и тем, и другим вместе.

А на Великдень, когда всё вокруг весело зеленело и

пригревало солнце, православные тесною толпою шли в церковь. После праздничного богослужения с крестным ходом отец Сергей со словами «Христос воскрес!» благословлял их на полевые работы. Они нестройными голосами отвечали «Воистину воскрес!» и возвращались домой с просветлёнными лицами. Христосовались со встречными, бережно неся в корзинах освящённые отцом Сергием сдобные, замешанные на дрожжах куличи — пасху, и выкрашенные в отваре луковой кожуры куриные яйца.

Не дожидаясь, пока совсем схлынет полая вода, а солнце наберёт силу и подсушит землю, беспокойный хозяин спешил в поле. И потно работал на своей земле, глубоко увязая плугом в чавкающей под сапогами пашне, до изнеможения загоняя круторогих волов. Но тяжкий крестьянский труд неизменно окупался сторицей. Ближе к осени хлев забивался по самые стрехи душистым сеном, а клуны были полны снопами пшеницы и жита. А в хате настойчиво дразнил ноздри запах разомлевшего в печной утробе в крутобоком глиняном горшке духмяного борща с добрым куском мяса. И всегда зазывно дымилась на столе в пузатом чугушке рассыпчатая картошка. Пышный каравай домашнего хлеба и щедрые ломти сала с толстой мясной прожилкой радовали глаз.

А зимой, накануне храмового праздника св. Николая, добрый хозяин всегда забивал откормленного поросёнка, и хозяйка весело, с прибаутками, подавала на стол желанным гостям жареное мясо и аппетитные кольца домашней, с чесноком, колбасы. И хотя в разгар Рождественского поста такое скоромное застолье церковь считала грешным, но православные грешили, а потом простосердечно каялись в этом отцу Сергию. Он сокрушённо отпускал им этот грех чревоугодия, замечая, чтобы «душою в си дни не злобились».

Вот уже много лет батюшка жил при церкви св. Николая, которая приходилась одна на несколько близлежащих сёл и хуторов. Православные дружно, всем миром, обрабатывали его землю и не ставили это попу в укор, а себе в тягость. Считая такую добровольную повинность своим святым долгом, обязанностью перед Богом и верой. К тому же святой отец был мирного нрава и умел уживаться с людьми. По большим двенадесатым праздникам к нему в храм дружно шёл народ, чтобы исповедаться в незлых житейских грехах и причаститься к святым Божиим тайнам. А молодёжь нередко спрашивала у него совет в своих личных, сердечных делах.

Так и жили здесь люди в тяжёлом извечном крестьянском труде. Звёзд с неба в этой глуши не хватало, в лакированных туфлях и чесучовых песочного цвета пиджаках не ходили, одеваясь практичнее и проще — в шитые из грубого домотканого полотна льняные рубахи и вечно скрипящие и дурно пахнущие дёгтем кирзовые сапоги. Жили просто и грубо, но своей жизнью были довольны. Отношений с властями старались не портить, так как считали, что любая власть — хорошая или плохая — «от Бога». И всегда безропотно платили причитающуюся с них часть государству.

А главное — никто и никогда над ними не тяготел, не в пример соседнему хутору. Там людям приходилось гнуть спину на крикливого пана, отрабатывая в его обширном поместье свои непосильные долги. И как хуторяне ни надрывались с утра до позднего вечера, часто даже в большие богоугодные праздники, повинности не уменьшались. А наоборот, с каждым годом всё множились. И бедняги всё больше и больше втягивались в кабальную зависимость от «крикливого чёрта». Так хуторяне величали за глаза свое-

го пана, похожего своей дородною фигурою на упитанную хавронью в его кирпичном свинарнике. Селян же таким старым бесом Бог миловал.

С годами вокруг понемногу что-то менялось, но жизнь в селе оставалась закоснелою, текущей в своём исконном от сотворения Мира русле. Да если бы кто и спросил у мужика: «Жаждет ли он изменить свой уклад бытия?», вряд ли бы получил утвердительный ответ.

Однако жизнь не стоит на месте, а неуклонно, пусть тяжело и нескладно, как плохо смазанное колесо крестьянской телеги, которая движется по холмистой местности, то появляясь на вершине очередного холма, то исчезая в распадках между ними, движется вперёд. Но вот колесо в телеге сломалось и оно перестало вращаться. Воз на уклоне по инерции ещё скользит вперёд, но у подножия холма движение застопорилось, и воз остановился. И если поломка серьёзная, хозяин потратит много времени и сил на её устранение. Все другие уже давно преодолели крутой подъём и призывно машут с вершины очередной высоты незадачливому товарищу, а он всё продолжает стоять, всё не может устранить поломку. И долго ему придётся догонять своих ушедших вперёд спутников.

Жизнь очередной раз скатила православных с горы добрых надежд и ожиданий, опять послала тяжкое испытание. Словно им мало было того горя и лиха, которое у всех ещё лежало на памяти.

И хотя новые веяния в эту глушь докатывались эхом, но неизбежно дошли они и сюда. Неизбежно пришло время, когда свои так хорошо знакомые с детских лет односельцы стали вдруг загонять родственников, соседей и друзей кого силою, а кого тяжелыми уговорами и сладкими посулами в неведомые, а потому страшные своей непонятной сущью

«колгоспы». Из-за неумелого хозяйствования (ведь лучших хозяев уже успели «откомандировать» в Сибирь) и засушливого лета первый колхозный урожай выдался скудным, да и тот весь забрали в район. И пришлось людям ещё туже затянуть пояса на тощих и без того животах. В селе стало пусто и голодно, а тут подступила необычно холодная осень, и налетела следом выюжистая зима, мёрзли на лету воробьи, а дома утопали в снегу по самые крыши. И в предчувствии небывалой беды притихли испуганно люди.

И кто теперь мог вспомнить об извечном, присущем украинскому роду хлебосольстве, когда на столе в пухлых макитрах важно толпились галушки и вареники, а рядом в миске зазывно посмеивалась сметана — попробуй, мало не станет! А паляницы, пампушки, сладёны и прочие объеденья гостеприимных хозяев обильно украшали стол и сами просились, прыгали в рот, как вареники к небезызвестному чертоватому Пацюку. А радушный хозяин всё угощал, наливал в кухоль из плетёной пузатой бутылки настоящую на мяте и чабреце хмельную наливку, сделанную из урожая своего сада. Пока гости, изрядно нагрузившись, не пускались в пляс и выделявали ногами такие замысловатые кренделя, что обладатель этих ног потом долго сам удивлялся, да как он так мог отплясывать? Сроду не мог, а тут, на тебе, оторвал гопака!

А когда приходила пора прощаться с хозяином, подгулявший гость долго тряс ему у калитки руку и всё пытался объяснить что-то в данный момент самое для него важное, но язык не слушался. И тогда, раздобревший от обильного угощения, он оговаривался и мог выдать несусветную милую чушь. Вроде попа Нила из повести Т.Г.Шевченко «Наймичка», когда в гостях у зажиточного казака Якима Гирло вместо «пророк Давид» ненароком он произнёс

«пророк Демид». Но никто этого уже не замечал и не удивлялся такому неожиданному происшествию. Да и чему было удивляться? Праздник — на то он и праздник, чтобы гулять и веселиться!

Теперь же народ стал подозрительным, зло и угрюмо молвил: «Не до жиру — быть бы живу». Даже древние старухи, которых в селе осталось всего ничего, не могли припомнить таких страшных времён. И, глухо шамкая беззубым ртом, пророчили судный день. Грозно шептали, что беда одна не ходит и пришла она «за грехи наши — ведь безбожники разрушили церковь и убили отца Сергия». Никогда ещё народ не чувствовал себя так ущербно, так голодно, как этой зимой. И если у кого-то хоть кроха ещё оставалась в доме, он только крепче закрывал на засов двери, чтобы незваный пришелец не сглазил его скудный кусок и не пришлось с ним делиться пустой похлёбкой, в которой сиротливо плавала разваренная луковица да гнилая картофелина. И хотя жить стали бесхлебно, но продолжали держаться из своих последних, вымученных сил с надеждою на лучшие времена. Христианским душам помогала сводить концы с концами река-кормилица и многочисленные пойменные озёра. В них всё ещё, слава Богу, водилось много рыбы.

А в соседнем хуторе люди уже давно выскребли мучные лари и вымели все закутки в сусеках, надеясь отыскать хоть несколько заваливавшихся хлебных зёрен, но всё уже давно было съедено. Кошки уже не бегали по дворам, молчали собаки. Изнурённые люди сдирали кору с деревьев, готовили из неё какое-то подобие похлёбки, пытаясь на этой горечи хоть как-то продержаться до весны, но организм не обманешь, с каждым прожитым днём силы таяли. А дома голодные дети тянули к родителям сухие ручонки, тonyше прошлогодней

былинки в поле, и жалобно просили хлеба. И тогда отчаявшийся отец, напрягая последние силы, брёл по заметённой глубоким снегом дороге к соседям, мечтая раздобыть у них хоть толику хлеба. Войдя в село, он стучался в первые попавшиеся заиндевевшие окна: «Подайте, Христа ради!».

Некрепок, а потому нередко жесток человек, когда на него неожиданно обрушится горе! Люди, помня страшные времена и ожидая ещё худших, притихли и ожестели сердцами. Старались не замечать убогих. Только изредка кто-то нехотя выглядывал на крыльцо и хмуро бросал: «У самих пусто, ступай к соседу, может там подадут!». И несчастный, чтобы не вернуться домой к голодным детям с пустыми руками, в отчаянии брёл по селу в толпе таких же, как он, горемык, едва переставляя от слабости ноги.

Где-то сжалившаяся христианская душа отрывала от своих скудных запасов кусочек и подавала беднякам. Большинство же, отворачивая глаза, отказывали. И метельною ночью, укутанные снежным саваном, бедолаги волочились с тощими торбами к своим пустым очагам. Но иного дома ожидали напрасно. Как ни напрягал он свои хилые силы, плотнее закутываясь в рваную доху под ледяными завертами выюги, всё же наступал неизбежный момент, когда в изнеможении он опускался на мёрзлую кочку у края дороги в надежде передохнуть хоть самую малость. И сквозь сонное оцепенение всё удивлялся, что ему вдруг стало тепло, а голод лютым зверем уже не сосёт желудок.

А семья, оставшаяся без хозяина, медленно угасала в холодном, нетопленном доме и никто о ней не тревожился, потому что у соседей дела обстояли так же трагично.

Как-то под вечер постучались в дом к Карпу. Недовольный, что его оторвали от вечера, торопливо прожёвывая на ходу кусок сала, он вышел на крыльцо. Плохо одетый че-

ловек с жалкой улыбкой на сером лице протянул навстречу дрожащую руку и робко попросил хлеба. С раздражением выслушав просьбу, Карп зло выругался, схватил попрошайку за воротник дохи и грубо вытолкал со двора.

— Ходят тут всякие, того и гляди что-нибудь стащат!

А весной, когда просел снег на полях, в придорожной канаве нашли вымерзший из снега окоченевший труп, в котором узнали безыменного ходока, просившего у них этой зимой милостыню.

Возвращение Павла

Однажды, поздним мартовским вечером, когда на дворе стояла слякотная погода и приходилось месить сапогами жидкую грязь, увязая в ней по колено, неожиданно объявился в селе сын Фёдора. Украдкой пробравшись к дому своей тётки Гарпины, он негромко постучался в окно.

— Ох, лишенько, никак Павло! — приоткрыв двери в сенцах, всплеснула руками блеклая средних лет женщина. Потом тревожно глянула в темень двора и беспокойно спросила:

— Тебя никто не видел? Да заходи швыдше, не стой на дворе! — и отступила в глубь сеней.

Павел прикрыл двери и, оставляя за собой мокрый след, быстро направился в горницу. А войдя, обессиленно опустился на скамью у стены. С промокшей фуфайки тонкими ручейками непрерывно стекала вода, из-под стоптанных сапог растеклась на полу грязная лужица.

— Тётя, дай что-нибудь поспать, уже три дня крошки хлеба не видел! — насилу вымолвил он.

— Ох, беда то какая! — вскрикнула Гарпина, — да как же ты в такую стужу и в рваных чоботях? Никак сбежал?

— Не смог я там, домой хотелось!

— Так ведь стрельнуть могли! А батька знает?

— Нехай лучше застрелят, чем пропадать на чужбине. А батьке я ничего не сказал, им там с мамою и так не сладко!

— Горе, ты моё, горе, — Гарпина поставила на стол тарелку с холодной картошкой. — А хлеба, звиняй, нет!

— Дякую и за это, — Павел торопливо стал кушать, а, утолив голод, спросил:

— Тётя, можно я до утра останусь, дуже замёрз, а раненько утром уйду, никто не увидит!

— Добре, полезай на печь и накройся кожухом, а утречком я тебя разбужу. И куда ж ты, родненький, собрался, ведь тебя, небось, всюду ищут?

— Подамся на Волинь, там таких, как я, говорят, в лесах много!

— Хай тебе, милый, щастит! — Гарпина перекрестила племянника.

Павел поцеловал тётю, потом снял у дверей мокрые сапоги и полез на жарко протопленную печь, блаженно растянулся на горячих, покрытых рядом кирпичами и, уже засыпая, сонно спросил:

— А дядька где?

— Да скоро придет, в колгоспи он, на собрании.

Не успел племянник задремать, как вернулся с собрания Клим. Удивлённо покосившись на стоящие у дверей мокрые сапоги, он резко спросил:

— А кто это у нас гость?

— Только ты не пужайся, Клим, я тебе сейчас всё объясню...

— Да ты что, в своём уме, Гарпина? Ты разумеешь, что с нами станется, коли дознаются, что сын куркуля ночевал у нас?

— Он мой небож! Я не могла не впустить его в хату.

— Отямись, жинка! Не можно ему оставаться здесь! А если кто зайдёт?

Клим в ужасе полез на печь и за ногу стал тормошить заснувшего Павла.

— Вставай, паря, чуешь, вставай!

Павел насилу разлепил сонные глаза и узнал дядю Клима.

— Здравствуйте, дядьку!

— Поднимайся, Павел, нельзя тебе оставаться у нас!

— Дядя, я ж только до утра.

— Собирайся и уходи, не нужно нам лиха!

— Всё понял, дяденька, — Павел, печально вздохнув, спустился с печи и стал одеваться.

А Гарпина, подломив ноги, рухнула на колени перед мужем и, цепляясь руками за сапоги, заголосила:

— Благаю тебя, Клим, не выгоняй хлопца, нехай останется до утра!

— Нет, пушай уходит! — Клим жёстко посмотрел на жену.

Павел оделся и шагнул за порог.

— Ну, родич, прощай, зла на тебя не держу. А тебе, тётя, низкий поклон, что не забыла своего небожа.

Гарпина придержала племянника.

— Постой, вот тебе на дорогу!

Скинув с себя платок, она быстро собрала в него несколько сваренных картофелин.

Павел ушёл в ночь, а когда Клим, закрыв за ним дверь, вернулся в светлицу, она с ненавистью прокричала мужу:

— Изверг, никогда тебе этого не прощу, родича моего выгнал!

— Против ветра не ходят. И потом, своя сорочка краше греет. Что, жинка, запомнела, почему мы остались в этой

хате? Может, позвать Карпа, он быстро подправит память!

Ближе к полночи из колхозного клуба, разместившегося в бывшей церкви, вышла припозднившаяся компания. Тёмные тучи угрюмо неслись по низкому небу и выстреливали на землю мелкие заряды дождя. Изредка в разрыв облаков показывались тусклые звезды. Обгоняя тучи в безудержной гонке, прорывался высоко в небе узкий серп молодого Месяца. Его мертвенный блеск осветил прижавшегося к забору человека.

— Ты видал? — толкнул Хвощ в бок Карпа и возбуждённо закричал:

— Стой, кто такой?

Мужчина, услышав окрик, понял, что его увидели, и рванулся к пруду, тускло отблескивающему в конце улицы.

— Если побёг, значит, боится! — ответил Карп. — За ним, догоняем!

А человек, добежав до пруда, в отчаянии, что за ним гонятся, бездумно выскочил на рыхлый, ещё не растаявший лёд и тут же провалился в воду по пояс. И пока он, отчаянно барахтаясь в холодной воде, расталкивая руками ледяное крошево, пытался изо всех сил выбраться на берег, подоспели преследователи.

— Ох, да никак это Павло! — удивлённо произнёс Карп. — Хватай его, хлопцы!

— Что, куркульский выкормыш, потянуло в родные края? — Карп подскочил к парню и с размаху ударил его кулаком в лицо. — Домой захотелось, гадёныш!

Павел пригнулся, прикрыл голову и лицо руками, пытаясь уклониться от побоев, и сквозь ладони сказал:

— Дядьки, не бейте меня, отпустите, я тихонько уйду, я никому зла не сделал!

— Не слушайте его, хлопцы, бейте! — заорал Хвощ.

— Может, не надо? — пытался одёрнуть Колян, — отведём в сельраду, а утром вызовем из района милицию?

— Ты что, Колян, жалкуешь врага нашей кровной, советской власти? Да он вне закона, за побег таким смерть на месте!

Павел упал, четверо мужиков стали утюжить его ногами.

— Кажись, помер! — склонившись над недвижимым телом мальчишки, обеспокоенно произнёс Куцый.

— Что теперь будем делать? Я же говорил, нужно в милицию! — испугался Колян.

— Не дрейфь, хлопцы, в копанку его и концы в воду, — ответил Карп и добавил, обращаясь к Колян, — но прежде сними с него сапоги, в хозяйстве всё пригодится!

Мужики проворно подхватили неподвижное тело за руки и за ноги, раскатали и закинули в полынью, где совсем недавно барахтался провалившийся под лёд Павел. Расступилась и сомкнулась над мёртвым телом глухая вода и долго не могли успокоиться, смятенно кружась и покачиваясь в полынье мелкие льдины.

Когда притихшие мужики уже расходились, Карп, прижимая к груди сапоги Павла, строго приказал:

— И ни гу-гу! Лишние разговоры нам не нужны! Скумекали!?

Месяц в испуге приостановил свой бег и спрятался за тучи. Мрачная ночь накрыла село, всё вокруг смолкло. О недавно разыгравшейся трагедии возле пруда только мог рассказать лишь тёмный платок тётки Гарпины, сиротливо валявшийся на берегу у самой воды, втоптаный в грязь вместе с раздавленной в нём картошкой.

Часть третья

Смерть жеребца

...Брикус закончил свой невесёлый рассказ и попытался встать, но ослабевшие ноги не держали, он завалился на бок, отчаянно суча копытами по настилу, разбрасывая во все стороны загаженную испражнениями солому. Ужасные конвульсии пробежали по тощему крупу. Уже затихая, он увидел себя на леваде у Фёдора. Хозяин, приветливо улыбаясь, протягивал ему кусочек сахара. Брикус захотел поздороваться с Фёдором, но вместо радостных звуков из горла вырвался тяжёлый хрип, а с губ упали клочья пены. И он забылся в беспамятстве. На сердце у него стало легко и свободно, а душа, освобождаясь от бремени жизни, на лёгких, воздушных санях рванулась куда-то высоко вверх, под самую кровлю конюшни, в белесое, видневшееся сквозь щели в крыше рассветное небо.

Сквозь дыру в соломенной крыше пробился тонкий утренний луч и робко высветил грязную белую звезду на лбу жеребца. Последний свет в его остывающей жизни, но Брикус уже ничего не видел, не слышал и не чувствовал.

Кот требовательно мяукнул в надежде, что жеребец отзовется, однако Брикус молчал. Его большой тёмно-красный глаз отчуждённо и равнодушно смотрел куда-то вверх мимо кота. Тогда кот горестно подошёл к товарищу, жалобно лизнул его в ещё тёплый храп и, свернувшись клубком, остался лежать возле неподвижного тела друга.

«Сколько Брикус?»

Утром на вопрос пришедшего ветврача «Какая температура у заболевшего жеребца Брикуса?», Карп, порывшись в столе, нашёл журнал и, открыв его на нужной странице, стал внимательно её изучать, озабоченно бормоча себе под нос: «Сколько Брикус?». Потом найдя свою утреннюю за-

пись и кое-как её разобрав, удовлетворённо ответил: «Семь и восемь». И, дохнув перегаром на ветеринара, добавил:

— Температура нормальная 37 и 8! Можем сходить посмотреть.

Когда открыли двери конюшни, от жеребца, лежащего неподвижно на голых досках среди нечистот, ощерившись, отпрыгнул тощий кот и зло посмотрел на вошедших.

— Пошёл вон, приبلуда! — Карп зло затопал ногами, замахал руками, и кот стремительно вылетел из конюшни.

Грязная шерсть на туловище жеребца свалаялась и взялась комом. Ветврач склонился, пощупал пальцами уши коня, потом брезгливо положил ладонь на запавший нечистый бок и стал внимательно следить за ноздрями.

Карп, не дожидаясь, когда специалист скажет очевидное, переминаясь с ноги на ногу, удивлённо и озадаченно почесал затылок.

— Надо же, кажись, сдох!

Ветеринар убрал ладонь и проронил с сожалением:

— Отмучился, ретивый, а жалко, хороший был жеребец! Ты знаешь, что делать...

Карп с дружками мигом освеживали во дворе окоченевшее тело, что ещё недавно считалось жеребцом Брикусом, снятую кожу сдали на склад, а костлявую тушу отвезли на скотомогильник и бросили в выдолбленную наспех в мёрзлой земле яму.

А весной пошли проливные дожди и обильно смачивали землю целое лето. Ливнями размыло дико заросший бурьяном скотомогильник. И долго белели под жарким солнцем среди рослого чертополоха омытые росой и полизанные зверями кости Брикуса, а может быть, какой другой лошади. Этой зимой в колхозной конюшне околело их много. Однако ещё больше могил прибавилось на сельском кладбище.

2009 г., Чернигов

Содержание

«Не отрекаюсь!»

**Князь Михаил Всеволодович Черниговский
и боярин Фёдор**

Пролог	3
Глава первая	8
Глава вторая	28
Глава третья	55
Глава четвёртая	80
Глава пятая	112
Глава шестая	133
Эпилог	144

«Сколько Брикус?»

Часть первая	150
Часть вторая	165
Часть третья	181

Літературно-художнє видання

Віталій Олексійович ТОПЧІЙ
«Не зрікаюся!»
Князь Михайло Всеволодович Чернігівський
та боярин Федір

Чернігів, Десна Поліграф, мова російська

Литературно-художественное издание

Виталий Алексеевич ТОПЧИЙ
«Не отрекаюсь!»
Князь Михаил Всеволодович Черниговский
и боярин Фёдор

Повести

Редакторы: **О. Ильчук, Е. Мамчич**
Технический редактор **О. Ермоленко**
Компьютерная вёрстка и дизайн обложки **В. Марченко**
Корректор **О. Василенко**

Рисунок на титульной странице **О. Синельник**

Подписано в печать 24.10.2015 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура TimesNewRomanСуг.
Усл. печ. л. 11,5. Усл. краск.-отг. 11,5. Уч.-изд. л. 10,7.
Зак. № 0084. Тираж 100 экз.

ООО «Издательство «Десна Полиграф»
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела в Государственный реестр
издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции.
Серия ДК № 4079 от 1 июня 2011 года
Тел.: (0462) 972-664

Отпечатано ООО «Издательство «Десна Полиграф»
14027 г. Чернигов, ул. Станиславского, 40